

Евгений «Краев» Костюченко

Русские флибустьеры

Русские флибустьеры – 0

Аннотация

Казаки на Кубе. Фантастика? Ничего подобного! Император Всея Руси Александр Третий издал указ, и Русская военно-морская база в Карибском море - есть. Но - трудно. Вокруг - чужие. Вокруг - война морская и сухопутная. В этих суровых условиях читатель вновь встречается с бывшим русским разведчиком графом Орловым и другими замечательными парнями, умеющими не только метко стрелять, но и неплохо работать головой.

И если надо попирагствовать в Карибском море или, наоборот, - дать укорот местным морским и сухопутным разбойникам, - лучшей компании не сыщешь.

Евгений «Краев» Костюченко

Русские флибустьеры

(Русские флибустьеры - 0)

Казаки на Кубе. Фантастика? Ничего подобного! Император Всея Руси Александр Третий издал указ, и Русская военно-морская база в Карибском море - есть. Но - трудно. Вокруг - чужие. Вокруг - война морская и сухопутная. В этих суровых условиях читатель вновь встречается с бывшим русским разведчиком графом Орловым и другими замечательными парнями, умеющими не только метко стрелять, но и неплохо работать головой.

И если надо попирагствовать в Карибском море или, наоборот, - дать укорот местным морским и сухопутным разбойникам, - лучшей компании не сыщешь.

Часть первая

1

Конституция Мексики даровала гордым и свободолюбивым гражданам этой республики право на ношение оружия.

Почти у каждого из работников капитана Орлова имелся револьвер. Их было шестнадцать человек, да еще трое вооруженных погонщиков, которые подвозили на мулах доски для строительства вышки. Итого почти два десятка гордых, свободолюбивых и вооруженных мужчин. Однако все они рассыпались в разные стороны, как стайка испуганных воробьев, когда на стройплощадке появились трое всадников.

Орлов в это время забирался на последний ярус строящейся буровой вышки, держа в зубах конец веревки. Другой конец был обвязан вокруг бруса с заранее просверленными отверстиями под крепеж. Орлов собирался подтянуть этот брус наверх и установить его на место, где сам же собственноручно вырезал для него гнезда. Ему приходилось самому делать

всю плотницкую работу. Мексиканцы - отличные ребята. Они могут быстро копать, правда, недолго. Могут после нескольких неудачных попыток привезти со склада примерно столько досок, сколько нужно. Но им ни разу не удалось отпилить хотя бы две доски одинаковой длины, а забивание гвоздей превращалось в корриду с непредсказуемым исходом.

Глядя с высоты, как разбегаются работники, Орлов подумал, что в следующий раз он обязательно включит в штатное расписание три смены охранников. Причем выпишет их из Техаса.

- Эй, гринго! - прокричал снизу один из всадников. - Долго ты будешь там прятаться? Поторопись, у нас нет времени тебя ждать!

Орлов не прятался, но и не спешил сползать вниз по перекладинам вышки. Он прихватил к поперечине веревку, да и соскользнул по ней.

- День добрый, сеньоры, - улыбнулся он как ни в чем не бывало.

- Ты - Брукс? - спросил всадник, в котором безошибочно угадывался предводитель: он был в белом сомбреро, а его спутники - в простых черных шляпах.

- Да, я Брукс, - ответил Павел Григорьевич Орлов. - Джеймс Брукс.

- Ты знаешь, чья это земля?

- Насколько мне известно, участок куплен мистером Франклином из Огайо.

- Заткнись! - заорал предводитель. - Эта земля принадлежит народу Мексики!

- Совершенно верно, - сказал Орлов. - Поэтому все работы здесь ведутся с разрешения мексиканского правительства.

- Если будешь со мной спорить, не доживешь и до обеда! - еще громче заорал мексиканец. От его пронзительного голоса у Орлова зачесалось ухо, напоминая о старой контузии. - Ты знаешь, кто я такой?

К сожалению, капитан Орлов уже догадался, что за гости посетили его. Он также догадался, почему так стремительно испарились все его работники при виде всадников в черных грубых шляпах.

Тех, кто носил такие шляпы, называли «висельниками с лопатами». Это были уголовники, приговоренные к смертной казни, но получившие отсрочку. Вместо камеры смертников их направляли на войну с мятежными индейцами майя. Командовал ими полковник Терразас. В промежутках между карательными экспедициями он защищал законность и правопорядок, а также боролся за независимость Мексики - теми же методами, какими усмирял индейцев. Об отряде висельников ходили страшные слухи, страшные даже для мексиканцев, которых трудно удивить жестокостью. Конечно, сама по себе черная шляпа - не такая и редкость в этих краях. Но вот лопата у седла~

- Много слышал о вас, сеньор полковник, но не имел чести быть вам представленным, - сказал Орлов.

- Я не привык знакомиться с каждым гринго, - произнес Терразас, уже не срываясь на крик. - Незачем запоминать все ваши кучие клички. Я встречаюсь с вами только для того, чтобы выкинуть из страны. Убирайся отсюда, Джеймс Брукс. Только сначала потрудись навести тут порядок. Пусть эта земля выглядит так же, как она выглядела до того, как сюда ступила твоя нога. Возьми спички и подожги свою вавилонскую башню.

- Это буровая вышка, - сказал Орлов. - С ее помощью ищут нефть. Если на участке будет обнаружена нефть, мексиканская казна пополнится. Местные жители получают работу. Их дети перестанут голодать и болеть.

Всадник расхохотался.

- О, благодетель! Я бы упал перед тобой на колени и стал бы целовать твои руки, если бы никогда не видел нефтяных промыслов. Ты пришел сюда, чтобы превратить мой цветущий край в зловонное черное болото, в котором будут копошиться твои рабы! Казна? Черта с два! Все денежки потекут в карман к тебе и к твоим хозяевам, и только жалкая доля перепадет нескольким толстопузым чиновникам в Мехико! Ты слышал мой приказ, гринго? Поджигай вышку и убирайся отсюда!

Терразас привстал в стременах, оглянулся и пальнул в воздух из револьвера:

- Эй, вы! Выползайте из кустов, вам ничего не будет!

Под пальмами, окружавшими площадку, зашевелились ветви кустов. Сквозь листву показались испуганные физиономии работников.

- Идите сюда, несчастные! - крикнул Терразас. - Вы не виноваты. Гринго напакостил, придется за ним прибраться. Идите сюда, и мы вместе уничтожим его следы, раз у него самого не хватает духу чиркнуть спичкой. Идите ко мне! И не бойтесь, вы не потеряете работу! Самых смелых я возьму с собой! Мы нашли богатую индейскую деревню! Там полные кувшины старинного золота и драгоценных камней! Вот только к деревне той надо пробить тропу через лес, и мне нужны два десятка отважных парней!

Несколько работников несмело приблизились к вышке. Полковник Терразас щелкнул пальцами, глянув на своих подручных:

- Проводите гринго до дороги и возвращайтесь в лагерь. Посадите его на любую колымагу, что идет к станции. Пусть сегодня же уберется отсюда. Имей в виду, гринго: если завтра ты снова попадешься мне, разговор с тобой будет совсем не таким вежливым.

* * *

Орлов знал, для чего нужны лопаты людям Терразаса. Но не ожидал, что они будут пущены в ход. Да еще так скоро.

Он шел по дороге, ведущей к поселку, чтобы собрать вещи и уехать отсюда. «Спорить с мексиканцами бесполезно, - думал Орлов, слушая мягкий топот копыт за спиной. - Особенно с такими. Жаль вышку, она была почти готова. Что ж, через пару месяцев придется все начинать сначала. Деньги в участок уже вложены. Заказчику придется потратиться еще немного, но расходы окупятся. Нефть там, скорее всего, есть. Вопрос - сколько ее, и какого она качества~»

- Здесь налево, - сказали ему сзади.

Слева за лохматым краем обрыва поднималась сверкающая зеленая стена моря.

- Куда? - спросил он, обернувшись.

Всадник в черной шляпе молча показал рукой в сторону моря.

Бесполезно спорить.

Он свернул и увидел тропинку, сбегаящую по обрыву. Песок тек из-под ног обильными струями, пока он спускался. Всадники опередили его, потому что кони не могли шагать вниз медленно, и в несколько неуклюжих прыжков достигли песчаного пляжа внизу.

«Удрать, что ли?» - подумал Орлов и оглянулся.

- Хочешь получить пулю в спину?

- Не хочу, - ответил он и снова зашагал вниз.

Лопата воткнулась в песок.

- Копай, - сказали ему.

Он взялся за черенок, отполированный ладонями тех, кто рыл себе могилы до него.

- Здесь нехорошее место, сеньоры, - сказал Орлов, раздвигая носком сапога сухие водоросли. - В шторм сюда накатывает прибой.

- Тебе не все равно? Копай.

Они даже не смотрели на него. Один выбирал сор из гривы коня. Другой глядел на море, где застыл силуэт парусника. «Как душно, - подумал Орлов. - Ни ветерка. Странно, в лесу я не замечал, какая несносная погода сегодня. А тут, на берегу, просто дышать нечем».

- Могу я хотя бы покурить? - спросил он. - Весь день не курил, некогда было.

- Кури.

Орлов отвязал с пояса кисет с трубкой и присел на серую корягу, изъеденную морем, ветром и солнцем.

Если им был дан приказ напугать несчастного гринго, то почему они ведут себя так спокойно? Им лень покричать на него? Почему они не стрельнут пару раз у него над ухом?

Жаль патронов?

Это не спектакль. Это казнь. Вот почему «черные шляпы» позволили ему даже закурить.

Он зарядил в трубку лишь половину обычной порции табака. С некоторых пор Орлов стал поступать так в присутствии жены, чтобы показать ей, как он заботится о своем здоровье. «Ты, Паша, человек хороший, но безответственный, - говорила она ему. - Знаешь ведь, что курение сокращает жизнь. И не можешь отказаться от бессмысленной привычки. Знаешь, как ты нужен мне. И собираешься оставить меня вдовой».

«Эх, Вера, - подумал он, поднося огонь к табаку, - знала бы ты, как много значит для меня эта *бессмысленная привычка*. Недаром даже палачи разрешают приговоренному курнуть перед смертью~»

Тут он заметил, что его палачи и сами спокойно задымили тонкими сигарами.

- А вчера на берег выбросило еще одного негра, - вдруг заговорил один из висельников, словно продолжая прерванный разговор. - Сколько же их там было, на той несчастной скорлупке? Я бы в жизни не согласился даже близко подойти к такой лодке. А они на ней вышли в море. Сколько отсюда до Кубы?

- А я почему знаю? - лениво протянул второй. - Сколько бы ни было, незачем бросать свой дом и плыть к чужому берегу. Чего им не сидится на Кубе? Что они тут забыли? Вот и разбились на рифах.

- Может, лучше разбиться на рифах, чем жить там.

- Это тебе утопленники сказали?

- Может быть, они просто хотели убежать от войны.

- А у нас что - мир?

Всадник выбросил окурок и встал в стременах, расстегивая штаны. Норовистый конь принялся крутиться под ним, сердито отфыркиваясь.

- Вот поганец, не даст спокойно отлить!

Он тяжело спрыгнул на песок и отошел к стене обрыва, продолжая копошиться в мотне.

Второй конвоир прикрикнул на Орлова:

- Хватит курить. Копай. И копай поглубже, если не хочешь, чтобы чайки растащили твои кишки по всему берегу.

Орлов отложил трубку в удобную выемку коряги и взялся за лопату.

Их двое. Один в седле, до него три шага. Второй стоит спиной к ним, до него пять шагов.

Другой возможности не будет.

Он зачерпнул лопатой песок, примерился и запустил его прямо в лицо всаднику. Рубанул штыком лопаты лошадь по колену, и та взвилась на дыбы. Тут же кинулся на второго. Тот стоял к нему спиной, оглянулся, разинул рот, но продолжал мочиться. Так и не успел шевельнуться, как получил удар по шее. Под штыком хрустнули позвонки. Лопата застряла в теле, но она уже не нужна: из кобуры торчит рукоятка кольца. Она показалась мокрой. И только ссадив всадника двумя выстрелами, Орлов понял, что рукоятка-то сухая - это ладони у него мокрые от пота.

Он обтер ладони о рубаху и, затаившись напоследок, торопливо выбил трубку.

* * *

За последние пять лет ему впервые пришлось убить человека.

Странная штука - память. За плечами капитана Орлова осталась турецкая кампания семьдесят восьмого года. Двадцать лет прошло, а он до сих пор помнил каждого турецкого аскера и башибузука, кого убил там, за Дунаем или под Карсом.

В конце восьмидесятых он перебрался в Америку. За плечами иммигранта Орлова

остались годы службы в техасских рейнджерах. Кажется, это было совсем недавно, но в памяти сохранились только несколько первых стычек. У рейнджеров не принято делать зарубки на рукоятке револьвера. Они не считают убитых врагов. Гораздо важнее знать, сколько их еще осталось в живых.

Бывало, рейнджеру Орлову приходилось убивать несколько противников в одном бою. Но количество врагов от этого не менялось. И он поступил так же, как все, к кому усталость пришла раньше смерти. Он вышел из боя.

Ему казалось, что нельзя вернуться к мирной жизни, не оборвав все связи с прошлым. Он уехал из Техаса, где его знали слишком многие. Он взял себе новое имя. Он женился. Он выстроил себе новый дом в новом городе, которого еще не было ни на одной карте. И, самое главное, Орлов стал заниматься делом, в котором, как он надеялся, ему никогда не придется стрелять.

«А можно было и не стрелять», - подумал он, глянув на одного убитого, потом на другого. Висельник, которого он выбил из седла, даже не успел взяться за оружие: он не мог совладать с конем, взвившимся на дыбы от боли. «Если б лопата не застряла в шейных позвонках, я бы и второго зарубил. А что? Стянул бы с седла - и готово».

После боя он всегда думал, что мог бы все сделать лучше. Наверно, каждый переживает нечто подобное. Отсюда и непомерное хвастовство победителей, и горькая мудрость побежденных.

Да, все можно было бы сделать лучше. Но теперь надо думать об отходе.

И все же - лучше было бы не стрелять. Звук выстрела далеко разносится вдоль берега. А Орлову сейчас очень не хотелось привлекать к себе внимание.

Он отогнал коней, размахивая окровавленной лопатой. Когда лошади в испуге умчались, оттащил трупы в кусты под обрывом и завалил плавником. Снял рубаху и надел оба оружейных пояса на голое тело. Один револьвер на шнурке повесил через плечо, второй запихнул за пояс. Снова надел рубаху и оглядел себя. Вроде бы не слишком заметно. Ему, как иностранцу, ходить с оружием не позволялось. И до сих пор капитан Орлов ни разу не нарушил мексиканское законодательство.

Впрочем, за все время работы он ни разу не видел тут ни жандармов, ни солдат, а местные жители даже удивлялись тому, что приезжий инженер не носит на поясе кобуру. Как это, мужчина - и без оружия? Револьвер был здесь такой же деталью костюма, как штаны и шляпа.

«Черт принес этого Терразаса», - подумал Орлов, взбираясь по обрыву к дороге. Надо же было полковнику спуститься с гор аккуратно возле стройплощадки! Теперь Орлову придется забыть об этом перспективном участке. И распрощаться с тремя тысячами долларов, потраченными на его освоение.

Над пальмами уже завивался полупрозрачный столб дыма. «Хорошая была вышка, - снова подумал капитан Орлов. - И нефть здесь есть. Что ж, вернусь через полгода, под другим именем, и не сюда, а поближе к Кампече, подальше от индейцев. Там тоже перспективный район. И до железной дороги недалеко, можно будет протянуть ветку. А то и причал для танкеров соорудить. Правда, здесь повсюду рифы и мелководье. А если углубить дно, пробить канал? Или протянуть пирс длиной в милю, до нужных глубин? Надо будет сопоставить расходы. Что выгоднее - тянуть ветку, а потом еще тратить время и деньги на железнодорожную перевозку или прямо от месторождения вывозить нефть на собственных танкерах? Как бы это сосчитать? Ничего, Верочка сосчитает»~

Вспомнив о жене, он порадовался, что сейчас она далеко отсюда. Этот участок, как и все предыдущие, нашла Вера, причем не выходя из дома. Просто читала газеты да сверилась с картами и отцовскими записями. На Юкатане обязательно должна была отыскаться нефть. И Вера так мечтала когда-нибудь попасть сюда~ Белоснежный песок, кристально чистое море, мягкий душистый воздух - просто земной рай. Да, Вере хотелось побывать здесь, но у нее сейчас не было дела важнее, чем подрастающий сын.

До поселка он дошел благополучно. Видимо, Терразас, сформировав новый отряд из

бывших орловских работников, не стал терять время и отправился с ними в горы, громить и разгонять несговорчивых майя.

Вещей у Орлова было немного, да и из них он почти ничего с собой не взял. Ушел с одним саквояжем, сказав хозяйке, что едет в Вальядолид, а оттуда первым же поездом отправляется в Мехико. Искать защиту от произвола.

Но, вместо того чтобы свернуть к дороге, он пошел напрямик, через кукурузные поля зашагал он туда, где над деревьями торчала белая макушка старого маяка, - к рыбацкой гавани.

* * *

Он знал, что местные рыбаки, когда им удавалось поймать тунца, марлина или крупную акулу, везли улов в Прогресо-де-Кастро, где были разделочные цеха и большой рыбный рынок. Там же был порт, в котором Орлов надеялся сесть на судно, отправляющееся в Штаты.

Однако, добравшись до бухты, он понял, что не так-то просто будет найти того, кто согласился бы доставить его в Прогресс. Все лодки лежали на берегу. Сети сушились на веревках между пальмами, и ни одной мачты со свернутым парусом не было видно на песке возле лодок. Судя по всему, одни рыбаки уже вернулись, другие уже ушли, и больше никто не собирался выходить в море сегодня. Только одна шлюпка покачивалась у причала, и сквозь прозрачную воду покачивалась вместе с ней ее тень на зеленоватом дне.

Шлюпка была нагружена бочонками. На корме сидел седобородый моряк в соломенной шляпе.

Орлов глянул на выход из бухты и увидел там, за белой полоской рифа, одинокую шхуну с обвисшими парусами. С нее, по-видимому, и прибыла эта лодка.

Он неторопливо прошелся по причалу. Отсюда хорошо просматривался берег. Лошадей не было видно. Может быть, они до сих пор скачут куда-то, ведь испуганный конь, бывает, несется, пока не упадет от усталости. А может, наоборот, встали где-нибудь на виду, и сам полковник Терразас уже осматривает их и мстительно шуруется, готовя жуткую казнь для подлого гринго, который убил его лучших людей. Конечно, лучших. С кем попало он бы с гор не спустился~

Орлов зябко поежился. Встречаться с Терразасом не хотелось. Хотелось как можно быстрее покинуть Юкатан. В любом направлении.

Скорее всего, в таверне сейчас отсиживают несколько рыбаков. Надо угостить их и разговорить. Здесь не Техас. Здесь не заключишь контракт за пять минут. Понадобится час-другой душевной беседы, чтобы кто-нибудь соблазнился легким заработком. Орлов был готов заплатить любые деньги, лишь бы поскорее исчезнуть отсюда. Но на веслах далеко не уйдешь, значит, надо будет ждать ветра.

- Черт бы побрал этот штиль, - пробормотал Орлов. И без малейшей надежды обратился к моряку, сидящему в шлюпке: - Добрый день, сеньор. Пассажира возьмете?

Старик мрачно глянул на него и ничего не ответил.

Орлов подумал, что тот, возможно, не понимает испанского, и повторил вопрос по-английски.

Старый матрос глядел по-прежнему мрачно. Но все же ответил нехотя:

- Я не капитан.

- А как бы с капитаном поговорить?

Орлов присел на доски, свесив ноги с причала, и достал кисет с трубкой и табаком. В ответ на его молчаливое предложение старик отвернулся:

- Не курю.

«Бесполезно», - понял Орлов. Придется идти в таверну, уговаривать рыбаков. Кстати, там можно будет и выпить. Ему действительно требовался сейчас хотя бы глоток текилы или

рома.

С берега раздался свист. Орлов оглянулся и увидел второго матроса, вышедшего из таверны с бочонком на плече. Ступив на причал, он опустил бочонок на доски и покатил его перед собой.

Ему было слегка за тридцать. Сухощавый и жилистый, с обветренным лицом и выгоревшими на солнце русыми волосами, он был похож на скандинава. Под просторной рубахой перекачивались бугры мышц, когда он, гибко склонившись, подталкивал и направлял непослушный тяжелый бочонок.

«Да они иностранцы, - понял Орлов, непонятно чему обрадовавшись. - Шведы или голландцы, вот почему старик не понял меня сразу. И говор у него особенный. Точно, шведы. Эх, жаль, не знаю по-ихнему ни словечка~»

Но оказалось, его сожаления были преждевременными. Подойдя к лодке, молодой матрос заговорил не по-шведски, и не по-голландски, и даже не по-английски.

- Принимай водицу, Петрович, - сказал он на чистом русском языке. - С кем ты тут балясы точишь?

- Да чудак какой-то. В пассажиры просится, - отвечал старик, ловко укладывая бочонок на дно шлюпки.

Молодой матрос цепко глянул на Орлова. Взгляд его слегка задержался там, где под рубахой пряталось оружие.

- Пассажиров не берем, - сказал он по-английски.

«Быстро же он распознал, что я не из местных, - подумал Орлов. - Да, я не местный. Очень не местный».

Он вытер вспотевший лоб рукавом и сказал негромко:

- Братцы, не выдайте. Нельзя мне тут оставаться, никак нельзя.

Заслышав русскую речь, моряки переглянулись.

- Откудова будешь? - спросил дед.

- Долго рассказывать. Вот возьмете на борт, все расскажу, - пообещал Орлов. - Не выдайте, братцы. Заберите меня отсюда, а с капитаном я договорюсь.

- Это вряд ли, - сказал дед, глянув на своего молодого товарища. - Не станет капитан из-за тебя курс менять.

- А я и не прошу курс менять. Мне, братцы, все равно, куда вы идете.

- Матросом пойдешь? - спросил молодой. - До первого порта?

- Пойду, - согласился Орлов, прикинув, что после Юкатана первым портом для небольшой шхуны вряд ли окажется Мельбурн или Гавр.

- Садись на весла, - приказал молодой. - Посмотрим, какой из тебя матрос.

- Эх, Кирила Андреич, - недовольно проворчал старик, пропуская Орлова к веслам. - Хоть ты и капитан, а скажу тебе прямо. Погубит тебя доброта твоя, погубит, попомни мое слово.

Молодой капитан уселся на банку¹ рядом с Орловым, поплевал на ладони и взялся за весло.

- У меня вахту некому стоять, - сказал он, глядя, как старик, отвязав конец от причальной сваи, бережно его сворачивает. - У меня на весла посадить некого. У меня команды-то, ты да я, да мы с тобой. А ты говоришь - доброта. Не по доброте, а по выгоде поступаю.

- Мне жалованья не нужно, - сказал Орлов, - я и заплатить готов.

- Сочтемся, - кивнул капитан. - Меня Кириллом зовут. По-американски - Крис. А ты кто?

«Брукс. Джеймс Брукс», - едва не сорвалось с языка.

- А я - Орлов, - сказал он.

¹ Банка - скамья для гребцов в лодке.

Как только шлюпка отошла от причала, он увидел, что две лошади бродят по берегу, а по обрыву спускается всадник в белом сомбреро.

- Не части, не части! - сурово прикрикнул старик, вытирая с лица брызги. - Рвение свое на вахте покажешь. А грести надо гладко, ровно!

Орлов кивнул и чуть умерил пыл. Шлюпка, разрезая зеркально гладкую воду, ходко удалялась от берега.

2

О матросском деле он имел довольно смутные познания, почерпнутые из встреч с морскими офицерами. Орлов знал, что веревочная лестница, по которой он поднялся на борт шхуны, называется штормтрапом. Знал, что вместо «запада» и «востока» у моряков «вест» и «ост». Эти сведения, возможно, пригодятся, если его поставят нести вахту у штурвала. А еще он вспомнил, что самая дурная вахта - с полуночи до четырех часов утра. Ее называли «сучьей», «кладбищенской», «пропащей», а еще - «длинной», потому что двести сорок предрассветных минут тянутся гораздо дольше, чем те же четыре часа в любое иное время суток.

Кроме того, он умел готовить морские напитки, то есть смешивать грог и варить пунш. Правда, эти навыки вряд ли пригодятся ему на шхуне.

Ему довелось трижды пересечь Атлантику, и только в первом рейсе он почти все время провел на палубе, а позже вылезал из каюты, только чтобы добраться до буфета. Но он хорошо помнил, что матросы постоянно что-то чистили, натирали, скоблили. Что ж, сейчас он был готов к любой работе. Прикажут ли мыть палубу, или латать паруса, или стоять у штурвала - он был готов ко всему. Орлов даже радовался, что неожиданный жизненный поворот позволит ему узнать что-то новое. Однако капитан Кирилл сказал ему:

- Морским премудростям тебя учить никто не станет. Некогда, да и незачем. Гребешь ты неплохо, вот и будешь шлюпку гонять, когда придем на место. Сейчас идем к островам. Оттуда в Галвестон. Там и сойдешь. Составим контракт, впишу тебя в судовую роль². Под тем именем, какое назовешь. Под этим же именем сойдешь в порту. У нас так: я вот, к примеру, Кирилл Белов, а в капитанском дипломе написано Крис Смит. Ты ведь тоже, наверно, сменил имя?

- Да, - сказал Орлов. - И не раз. Для американцев я Брукс. Джеймс Брукс.

- Джеймс Брукс, - повторил Кирилл. - Ясно. В личном бланке запишем, что на борт тебя взяли на Ямайке. У меня с собой есть только бланки с печатями кингстонского порта, так что не обессудь. Если в Галвестоне портовый агент спросит, как ты оказался в Кингстоне, скажешь, что промышлял с рыбаками, попал в шторм, оказался за бортом. И так далее. Это самая простая легенда. Ей все пользуются.

- Кто «все»?

- Кому надо срочно попасть на борт и получить матросскую книжку. - Кирилл глянул на его саквояж и добавил: - Если есть деньги, бумаги, ценности - будут храниться у меня. А арсенал свой сдай боцману.

* * *

Боцман Петрович спрятал его револьверы в длинный сундук, где Орлов краем глаза заметил блеск ружейных стволов. Показал место на палубе, где ему придется подвешивать свой гамак на время сна. А потом они вместе принялись набивать трюм запасами, которые боцман набрал на берегу.

² Судовая роль - список находящихся на судне.

Десяток живых кур Орлов запихал в деревянную клетку. Двое крупных и отчаянно визжащих поросят пристроились рядом. Они были связаны, лежали на боку, и Орлову пришлось повозиться, чтобы напоить их.

Бочки с пресной водой закатили и составили в один угол трюма, с ромом - в другой. Связки лука и чеснока легли поверх корзин с томатами. Наконец, Петрович вручил Орлову длинный прямой тесак.

- Выбери куренка пожирнее. Только смотри, чтоб кровь на палубу не пролилась. Чтоб ни капли! Ощиплешь, перо не выбрасывай, вот тебе под него мешок. Куренка отдашь на камбуз, коку. И отдыхай до ночи.

Тесак был тяжелый и неудобный. Таким мачете хорошо рубить подлесок, пробивая тропу. Но чтобы лишить жизни курицу, можно обойтись и перочинным ножиком.

- Чего задумался? - спросил Петрович.

Орлов попробовал лезвие тесака на ногте и сказал:

- Наточить бы.

- Иди на ют. Там и наточишь.

Несколько минут спустя Орлов стоял на корме, перегнувшись через борт, и глядел, как кровь из тушки капает в воду и клубится бурыми хлопьями, дразня рыбешек. «Мексика, Мексика, - думал он. - С ней бесполезно спорить. С ней бесполезно строить совместные планы. Никогда не знаешь, чего от нее ждать. Не прошло и часа, как я строил вышку и глядел с высоты на лес, и прикидывал, как проложить дорогу, и рассчитывал, сколько надо будет потратить на завтрашний визит к алькальду³. И вот уже нет никакой вышки, и не будет никакой дороги, и теперь я должен стать лучшим другом не алькальда, а боцмана Петровича. А в кустах под обрывом остывают два тела~ Почему они решили убить меня? Неужели так велика здесь ненависть к проклятым гринго? Не заметил я особой ненависти. Они даже не смотрели на меня. Я был для них вроде вот этого несчастного куренка, которого приговорил Петрович. Но куренок пойдет в пищу, а меня-то зачем надо было убивать? Какая им была бы выгода? Неужели просто лень было тащиться со мной до дороги? Видно, так и есть. Мексика, одним словом. Эх, выпить бы сейчас~»

- Говорят, Лука Петрович земляка нашел? - раздался веселый голос у него за спиной.

Он появился бесшумно, словно соткался из воздуха - чернявый, с ранними залысинами и щегольскими усиками, в кожаном жилете на голое тело и матросских просторных штанах. В одной руке у него был глиняный запотевший кувшин, в другой - две кружки.

- Откуда будешь, братишка? Не с Одессы?

- Нет.

- Не поверишь, сколько я в Америке повстречал земляков, и хоть бы кто-нибудь был одесским! Можно подумать, что, кроме нас с Кирой, оттуда никого больше не выпустили! Да, по правде говоря, и нас-то не больно выпускали, мы с ним контрабандой сюда попали. - Он говорил по-русски не совсем гладко, с интонациями вроде техасских. - Будем знакомы. Илья.

- Орлов.

Илья вскинул брови:

- Ну, тогда я Остерман. Или Истмен, как говорили в Нью-Йорке. А хочешь, зови меня по-испански, Гильермо Ориентес. Или запросто, дон Гильермо. Ты, наверно, из военных? У них, я заметил, привычка такая, всех по фамилии называть.

Орлов и в самом деле всех своих однокашников, кадетов-юнкеров, помнил только по фамилиям и только немногих еще и по кличкам. А имена в памяти не сохранились.

- В училище я был «Орлов Черный», - сказал он. - Потому что в моей же роте числился второй Орлов, блондин. А так-то я Павел.

- Это другое дело. Что ты там за бортом держишь?

³ Алькальд - в странах Латинской Америки глава местной администрации.

Орлов показал ему обезглавленную курицу. Остерман расхохотался:

- Узнаю милейшего Петровича! Держу пари, он и ощипывать приказал тебе? И потрошить?

- Только ощипывать.

Илья уселся прямо на палубу, в тень под навес, прикрывавший корму, и закричал:

- Эй, на камбузе!

Из окна кормовой надстройки показалась голова, обвязанная белым платком:

- Чего голосишь-то?

- Не спи, Макарушка, замерзнешь. Принеси-ка нам чего-нибудь. Ну, ты знаешь.

Кок, молодой полусонный парнишка, принес им деревянное блюдо с крупно порезанными лимонами, парой длинных стручков желтого перца и дольками порубленного ананаса. Илья вручил ему курицу и мешок для перьев.

- Тяпнешь с нами?

- Нешто я очумел, по такой-то жаре еще и зельем травиться? - покачал головой кок и удалился.

- По какой такой жаре? - удивился Илья, разливая по кружкам. - Погоды стоят изумительные. Вот дома у меня сейчас жара так жара, не то что здесь. Со знакомством, Паша.

Когда-то Орлов не выносил фамильярности. Этот Илья не имел никакого права называть его *Пашей* - он не был ни его родней, ни ровесником, он не был даже военным. Но годы, проведенные в Америке, отучили капитана Орлова обращать внимание на условности. Он тут со всеми был на «ты» - с сенаторами и с бандитами, с миллиардерами и с нищими. И в этом «ты» всегда содержалась порция уважения, одинаковая для всех.

Однако сейчас был немного не тот случай. Илья говорил с ним как со старым товарищем. Не фамильярно, а просто тепло. И почему-то это выглядело совершенно естественным. Хотя они встретились пару минут назад.

Орлов подумал, что сегодня, кажется, силы небесные особо чутки к малейшим его прихотям. Враги собирались его убить - но погибли сами. Ни один местный рыбак не отвез бы его - но подвернулась шхуна с земляками. И как раз тогда, когда он возмечтал о выпивке, - появился Илья. С кувшином, полным ледяного джина. «Чем же я заслужил такое благорасположение высших сил?» - подумал Орлов, закусывая лимоном.

- Говоришь, в Одессе сейчас жарче, чем здесь? - произнес он, переводя дух.

- Я не за Одессу. Дома - это в Аризоне. А ты, Паша, где обретаешься?

- Да по-разному.

Илья снова плеснул по кружкам.

- Я тоже по-разному. А точнее?

Они чокнулись, и на этот раз Орлов уже ощутил не только хвойный, но и анисовый привкус джина. «Еще глоток, и все пройдет», - подумал он. До сих пор он не замечал ни запахов, ни вкуса. Напряжение схватки неохотно отпускало его.

- Точнее? Не знаю, что и сказать.

Он стал набивать трубку.

- Курить? На бак, - сказал Илья, показав в сторону носа шхуны.

- Тогда не буду, - усмехнулся Орлов, пряча трубку. - Лень.

- Вот и ладно. Так откуда ты? - Илья подвинул к нему блюдо. - Ты перчики, перчики попробуй. А не хочешь говорить - не говори. Пытать не буду. Я и сам бы не стал о себе первому встречному в подробностях докладывать.

- Да нет, я не скрытничая. Просто жизнь у меня такая. Кочевая. Сегодня здесь, завтра там. Семью вот оставил в Калифорнии. Сам работаю здесь, на Юкатане. Работал, - поправился он.

- Кем?

- Я нефтяной агент.

- Нефтяной агент? - Илья перестал жевать перец, недоверчиво оглядев Орлова.

- Ну, название-то солидное. А по сути я такой же старатель. Обследуем участки. Если есть признаки нефти, заключаем договор с хозяином земли. Все работы за мой счет. Получится - одна восьмая часть доходов от добычи идет хозяину участка. Не получится - в убытке только я.

- Похоже, на этот раз не больно-то получилось, - заметил Илья.

- Бывало и хуже, - беззаботно махнул рукой Орлов.

Но, глянув поверх борта, понял, что поторопился с выводами.

От берега, нестройно взмахивая веслами, медленно отдалялась лодка. На носу стоял человек в белой шляпе. Отсюда Орлов не мог разглядеть его лица. Но кто еще мог так гордо выставить вперед ногу и скрестить руки на груди? Только полковник Терразас.

Лодка повернула, огибая выступающий из воды костистый гребень рифа. И Орлов увидел, что вместе с полковником в ней находятся двое гребцов.

- ~Нефть, говорят, дело прибыльное, - говорил Илья Остерман. - Да больно грязное. Меня столько раз тянули в нефтяной бизнес. Но я не пошел. Мое дело - лошади. Я люблю, когда все чисто, красиво. Разве есть что-нибудь красивее, чем кони? Кира в таких случаях отвечает, что да, есть. Он помешан на кораблях. Говорит, что некрасивых кораблей не бывает. Некрасивый - значит, неправильно построен, а неправильно построенный быстро тонет. А ты как думаешь?

- Корабли красивы, как лошади, - сказал Орлов.

- О! - удовлетворенно кивнул Остерман, и они подняли кружки. - Что ты все на берег смотришь? Забыл что-нибудь?

- Да нет. Это меня там никак не могут забыть.

Илья глянул через плечо на лодку.

- Вот босяки. Не сидится им. А скажи, Паша, ты был в Одессе?

- Нет, не довелось.

- Тогда что ты можешь знать о красоте? Не поверишь, я много чего повидал в Америке. Но таких закатов, как у нас, нигде не встречал. И такие звезды, как у нас, - их больше нигде нет. Я уже не говорю о рыбе. Ты не был в Одессе! Поверь на слово - даже мелкая одесская барабулька вкуснее, чем лучшие лобстеры в самых дорогих кабаках от Нью-Йорка до Сан-Франциско! Ну что ты там высматриваешь, Паша? Ну, плывут к нам? Ну и пусть плывут. Лучше скажи, как тебе наш джин?

- Выше всяких похвал, - с чувством произнес Орлов, не кривя душой.

- О! - Илья поднял палец. - Сразу видно знатока. Напиток произведен на винокурне Луки Петровича. На борту - два бочонка. Но пьем мы его только в море. На берегу - иная карта вин.

Они снова чокнулись. Холодный джин, едва скользнув по глотке, превращался в кипяток. Но только на несколько мгновений. А потом проступал на коже крупными каплями холодного пота.

- Ты не смотри, что я так горячо хвалю барабульку, - говорил Остерман, сочно похрустывая ломтиком перца. - Это отчасти шутка. В каждом месте есть своя прелесть. По молодости я не понимал, насколько хорошо то вино, какое мы пили дома. Да мы же были салажата, какое уж там понятие о вкусах! Но, наверно, то было прекрасное вино. Теперь представь, я живу в Аризоне. Ну, скажем, мотаюсь между Аризоной и Мексикой. И что мне там пить прикажешь? Вино из Одессы? Хотя да, я таки мог бы его заказать, и поверь - мне бы доставили в натуральнейшем виде самое лучшее! Но я в Аризоне - и я пью текилу. А когда бываю в Теннесси, то пью виски Френсиса Дэниэла. Хотя там-то особо не выпьешь - «сухой штат». А когда возил жену в Европу, то - угадай, где мы были? Подсказываю по карте вин: сначала мы пили коньяк, потом шампанское~ Нет, вру! Сначала мы пили скотч! А в конце я упился граппой так, что не помню, как сел на пароход!

- Эдинбург, Париж, Марсель, Неаполь, - быстро перечислил Орлов.

- А сейчас мы пьем джин. То есть не пьем, а языками впустую чешем, - укоризненно произнес Остерман, снова наклоняя кувшин над кружками.

Его речь была быстрой и сбивчивой, как у пьяного, но кувшин он держал твердо и каждый раз плескал в кружки абсолютно одинаковую дозу, ровно на один добрый глоток.

- И если ты поначалу принял меня за патриота, для которого нет еды слаще барабульки, то ты жестоко обманулся. Модное слово, «патриот». Каждый раз, как идет к войне, все становятся жгучими патриотами. Это не про меня. Ну да, я люблю Одессу, но - где она теперь, за океаном? Эта любовь слишком тонкая. А вот когда я говорю, что люблю джин, - это любовь живая. Да, люблю джин, и граппу, и виски. Ты в Африке был?

- Нет.

- Жаль. Хотел у тебя спросить, из чего там гонят. Да неважно. Если Кира чего-то напутает в навигации, и нас занесет в Африку, я точно знаю, что буду любить ту выпивку, какую африканцы считают самой лучшей. Потому что это - ну, как родник. Родниковую воду можно пить только прямо из родника. А наберешь ее в бутылку, привезешь домой - тьфу, что за дрянь! Так и с джином. Сейчас нас ждут на Кубе? Значит, там будем пить ром. По последней, Паша. И посмотрим, что у нас за гости.

Они отставили кружки и одновременно поднялись на ноги. При этом Илья схватился за планширь, а Орлов постарался встать без помощи рук и даже не покачнулся.

Остерман задрал голову, поглядел на верхушку мачты и поцокал языком:

- Непорядок. Ветра нет, флаг обвис. Совсем не видно. Босяки не знают, с кем имеют дело.

- Может, завернулся? - сказал Орлов, тоже задрав голову и пытаясь разглядеть флаг среди веревочных лестниц, обвисших парусов и паутины тросов.

- Может, и завернулся.

- Так, может, развернуть? - спросил Орлов.

- Да ветром развернет. Только где он, тот ветер?

Орлову не стоялось на месте. Ему вдруг стало нестерпимо душно, и он решил, что, забравшись на мачту, сможет вдохнуть свежего воздуха.

- Так я поднимусь, расправлю?

С носа шхуны раздался голос наблюдателя:

- Слева по борту лодка.

- Да видим уже, - лениво отозвался Илья и, облокотившись о борт, сплюнул в воду. - Чего им надо, босякам? Паша, ты еще здесь? А я думал, ты уже по вантам скачешь~

«Ванты? Знать бы, как они выглядят!» - Орлов вдруг почувствовал себя двоечником. Это его разозлило, и он тут же полез вверх, и довольно ловко, как ему казалось. Во всяком случае, он не запутался. И не сорвался. Правда, на самом верху обнаружилось, что он забрался не на ту мачту - флаг безвольно висел на соседней, что была ближе к корме.

Пока он спускался и поднимался снова, внизу протекали дипломатические переговоры.

- Эй, на «Палладе»! Я требую капитана! - яростно прокричал полковник Терразас, едва лодка подошла к шхуне. - Капитана сюда! Подать трап! Немедленно подать трап!

- Испанский не понимать, - вежливо сообщил ему Остерман. - Вы говорите по-английски?

Прежде чем перейти на международный морской язык, полковник отдал щедрую дань родному наречию, изобличив население Северо-Американских Штатов во множестве отвратительных наклонностей, среди которых содомия была просто невинной слабостью.

- На вашем корабле прячется преступник, - наконец, заявил Терразас. - У вас прячется янки, который убил двоих полицейских. Я требую немедленно выдать преступника. Убийца будет предан мексиканскому суду.

- Янки? - удивленно переспросил Остерман. - Американец? На нашем корабле нет американцев. Это российская шхуна, и команда вся русская. Россия, слышали про такую страну?

- Я требую капитана! Немедленно! Я арестую убийцу, и никто меня не остановит!

- Желаю удачи. Но здесь нет ни одного янки.

- Капитана сюда!

С высоты мачты Орлов видел белое сомбреро, из-под которого неслись угрозы, и боролся с желанием плюнуть на него. Где же флаг? Вот он. Веревоочная лесенка кончилась. Пришлось встать на узкую площадку, обнимая мачту одной рукой, и подергать за трос, вокруг которого обвилось трехцветное выгоревшее полотнище.

Под ногами далеко-далеко зеленым стеклом застыла вода, и видно было, как по гладкому дну проносятся тени рыб, а сами рыбы оставались невидимыми.

- Капитана мне! - все громче ревел Терразас.

- Капитан отдыхает, - важно отвечал ему Остерман. - Приходите вечером. Может быть, он поговорит с вами.

- Я не собираюсь ждать до вечера!

- Придется подождать. Кстати, как прикажете доложить о вашем визите? Я не вижу на вашем судне ни лоцманского флага, ни таможенного.

- Сейчас ты узнаешь, кто я такой! - по-испански заорал Терразас, потрясая кольцом. - Сейчас я поднимусь на вашу посудину и арестую убийцу!

Илья ответил, невольно обнаружив перед собеседником знание испанского:

- Боюсь, вы не осведомлены о морском законодательстве, сеньор. Ступив на первую же ступеньку нашего трапа, вы окажетесь на российской территории. И с вами поступят по российским законам. А они весьма суровы к тем, кто размахивает оружием.

- Вы вошли в мексиканские воды и должны подчиняться мексиканским законам! И вы, и тот гринго, которого вы прячете!

- Сеньор, в море нет иных границ, кроме наружной обшивки судна. Сейчас вся Мексика со своими законами уместилась в вашей лодке. Не будем спорить, сеньор. Приходите вечером, и капитан вас примет. Но я повторяю, у нас тут нет ни одного янки.

- Предупреждаю, вы еще пожалеете!

Лодка отошла от борта, неуклюже разворачиваясь. Орлов, прижимаясь к мачте, провожал ее взглядом. Почему-то хотелось, чтобы Терразас обернулся и увидел его. «Да вы пьяны, граф, - сказал он себе укоризненно. - Вас развезло, как юнца. На подвиги тянет? Постарайтесь хотя бы достойно спуститься на палубу. И даже не думайте о том, чтобы сигануть отсюда в воду. Хотя в такую жару купание не помешало бы~»

Он все же справился с искушением и не нырнул с мачты, а, путаясь в веревках, принялся спускаться. Когда он, наконец, достиг палубы, то увидел, что рядом с Ильей стоит капитан Кирилл. Оба, облокотившись на планширь, глядели на берег и негромко переговаривались.

- Кто послал на мачту? - спросил Кирилл, когда Орлов встал рядом с ним у борта.

- Никто не посылал. Я флаг расправить~

- Ясно.

- Вот именно, все ясно, - с вызовом произнес Остерман. - Если человек после джина способен лазить по мачтам и не сверзиться, то он наш человек.

- Что за история с полицейскими? - спросил Кирилл.

- Они не полицейские, - сказал Орлов. - Каратели. Жгут индейские поселки.

Он замолчал. Не в его правилах было рассказывать о том, о чем следовало поскорее забыть. Тем более что есть вещи, о которых нельзя говорить никому. Абсолютно никому.

Но Кирилл и Илья ждали его ответа. И Орлов, посмотрев в их глаза, понял, что не имеет права смолчать или соврать.

- Привязались ко мне, - сказал он. - Даже не понял, из-за чего. Наверно, им приказали остановить работы на участке. Думаю, что кому-то из чиновников показалось, что ему мало заплатили. Захотелось снова содрать денег с владельца участка. Вот и натравили на меня.

Он снова замолчал.

- Ты не стесняйся, Паша, - мягко сказал Остерман. - Ты говори, говори. Не держи в себе.

Орлов пожал плечами:

- Да и говорить-то особо не о чем. Завели под обрыв. Дали лопату. Говорят, рой себе

могилу. А меня дома жена ждет. Сын. Вот я их лопатой и~

Он не договорил, махнув рукой.

- Спать, - приказал Кирилл. - Обоим. Чтоб на ночной вахте носом не клевали.

- Ночью этот клоун соберет шайку, полезут на нас, - сказал Орлов. - Я их повадки знаю. Меня им не достать, так со злости пожар устроят.

- Ничего, - сказал Кирилл. - Встретим.

- Я бы сам их встретил, если позволите. - Орлова снова охватил боевой азарт. - Выдвинусь на шлюпке к рифу. Затаюсь. В темноте не увидят. Когда они на своей лодке пойдут на шхуну, я их с тылу перебью. Вот если бы еще зажечь что-нибудь для подсветки~

- Страсти какие! - смеясь, сказал Кирилл и подтолкнул Илью к Орлову. - Приказываю проспать. Спать немедленно!

Илья помог ему растянуть гамак между мачтами, а сам забрался в шлюпку, подвешенную рядом. Орлов лег, повернулся немного и понял, что сможет уснуть. Он не ожидал, что придет в себя так быстро. Еще удивительнее было то, с какой легкостью он разоткровенничался перед людьми, которых увидел впервые в жизни. Они принадлежали к разным поколениям. Но Илья и Кирилл держались с ним как со своим товарищем. И Орлов чувствовал себя помолодевшим. «Похоже, эти двое привыкли выслушивать подобные истории, - подумал он. - Похоже, им самим найдется что рассказать». Так или иначе, но после короткой исповеди ему в самом деле стало легче на душе. И здесь, на шхуне, застывшей совсем недалеко от берега, где ему грозила смерть, - да, здесь он чувствовал себя в полной безопасности.

- Лопатой, говоришь? - пробормотал Остерман из шлюпки. - Мы слышали выстрелы.

- Да пришлось. Для верности. Жаль, что полковник этот не подвернулся.

- Ничего, Паша. Ты не думай. Все в порядке.

- Я и не думаю. Ночью я его не упущу.

- Да успокойся ты, - сказал Остерман, зевнув. - Что они могут? Ну, вызовут таможенный катер из ближайшего порта. Ну, и когда он сюда придет? Это ж Мексика~ А мы уже ночью будем далече. Глянь на небо. Облака перистые появились. К вечеру задует. И мы уйдем.

3

Он проснулся от движения. Все вокруг него двигалось. Мягкий топот ног, скрип снастей, хлопки паруса - эти звуки пришли к нему позже, а сначала он только ощущал движение. Потом понял, что и сам он двигается, точнее, раскачивается в гамаке. Еще не совсем проснувшись, Орлов вывалился из гамака и встал на ноги, и чуть не упал, так сильно его повело в сторону. «Надо же было так набраться», - подумал он виновато. И тут же сообразил, что это не он качается, а палуба ходит под ногами. Только теперь он смог осознать, что уже наступил вечер, и в темноте вокруг него носятся какие-то люди, и ветер швырнул ему в лицо добрую пригоршню соленых брызг, и Орлов окончательно проснулся.

Непонятные команды раздавались в темноте. Мачты дружно заскрипели. Шхуна накренилась и снова качнулась вверх-вниз, словно перевалив через горку.

Орлов вцепился в гамак, чтобы не упасть.

- Дуй на ют! - крикнул ему Остерман, внезапно появившийся рядом. - Наша вахта! Да не по этому борту, а вот здесь!

Он бесцеремонно схватил его за рубаху и потащил за собой. Орлов едва успел нагнуться, ныряя под парус.

В темноте за бортом мелькали белые гребешки волн. Вода звучно плескала по бортам шхуны. Ветер свистел в снастях.

- Павел, на руль, - сказал Кирилл, уступая Орлову место у штурвала. - Илюха, ты - на бак. Погоди, постой тут, подскажешь. Курс «зюйд-ост-ост».

Орлов взялся за рукоятки. Масляная лампа под латунным колпаком освещала диск

компаса.

- Паша, отвечать полагается, - сказал Илья. - Повтори курс.

- Зюйд-ост-ост! - гаркнул Орлов, разглядывая дрожащую под стеклом шкалу с цифрами и буквами.

- Смотри сюда, - сказал Остерман. - Эти буковки на картушке означают румбы. Если капитан тебе скажет «курс норд-ост»~

- То я доверну штурвал, чтоб вот эта полоска попала на Эн-О, - перебил его Орлов.

- Не «полоска», а «курсовая нить», - поправил Илья. - Ну, раз ты все знаешь, то давай, крути.

Штурвал вдруг сам собой заворочался, и Орлов едва удержал его.

- На руле, не рыскать!

- Есть не рыскать!

- Крутани влево, - вдруг совсем не по уставу приказал Кирилл. - Еще! Теперь вправо! О! Так и держи. Поймали ветер, теперь полетим. Пошли, Илюха.

Оставшись один, Орлов забыл обо всем, пытаясь удерживать курс, да чтобы еще при этом самому оставаться на ногах. Прошло немало времени, прежде чем он смог воспринимать что-то кроме тонкой нити и верткой картушки. Шторм уже не казался ему таким сильным, а чуть позже Орлов понял, что и не было никакого шторма. Он привык к ветру и качке. Он стал ощущать скорость, с которой двигалась шхуна. И с невольной досадой понимал, что с каждой секундой удаляется от дома. Курс на юго-восток? А его дом - на северо-западе. Куда идет шхуна? Кирилл говорил про острова. Илья обмолвился, что их ждут на Кубе. Что ж, это не край света. Если после Кубы они не уйдут в океан, а сразу повернут в залив, то скоро достигнут берегов Техаса. От Галвестона до Калифорнии ходят поезда, и через пару дней Орлов окажется дома. Если будет на то Божья воля.

Он попытался представить, чем сейчас занята Вера. Наверно, уложила Гришутку и сидит на крыльце, читает при свете лампы. Ветер с океана отгоняет комаров и теребит занавеси на окнах. И, вслушиваясь в мерный гул прибоя, Вера порой поднимет голову, посмотрит в темноту и попытается представить, чем сейчас занят ее непоседливый муж~

Открылась дверь капитанской рубки, и на палубу легла полоска света. Вышедший чиркнул спичкой, прикуривая, и вспышка осветила его лицо. Блеснули круглые стекла очков. Он прошел на нос шхуны, и оттуда послышался веселый голос Остермана:

- Виктор Гаврилович, вы меня удивляете. Как можно курить мексиканские сигары? Их и близко нельзя поставить рядом с кубинскими.

- Табак - он и есть табак. Лишь бы дым шел.

- Не спится?

- Да уж я за штиль выспался на три года вперед. Могу сменить вас.

- Э, нет, вахта - это святое, - с театральным пафосом произнес Остерман. И тут же сменил тональность на житейскую: - Но раз уж вы тут, давайте закончим разговор о британской угрозе. Жаль, нет под рукой тех газет, придется по памяти. Знаете, что твердят мудрецы из Нью-Йорка и Бостона? Англия никогда не позволит России проложить железную дорогу от Тихого океана к Балтике. Потому что если между Шанхаем и Парижем станут курсировать поезда, англичанам придется поставить на прикол половину своего торгового флота~

«Британская угроза?» - Орлов стал невольно прислушиваться к голосам, доносившимся сквозь свист ветра в снастях.

- ~Никак не могу с вами согласиться. Британцам сейчас не до нас. Они вот-вот с французами схлестнутся, и не на Дальнем Востоке, а в Африке.

- В Африке все давным-давно поделено.

- Отнюдь не все, Илья Осипович, отнюдь не все. Драка развернется за верховья Нила. Англия рвется туда с севера, а Франция с запада. Позвольте спичку~

- Что за сигара, которая гаснет на ветру? Попробуйте хотя бы мои, кубинские!

- Благодарю, в следующий раз. Так вот. Войска Китченера застряли в Судане надолго.

Правда, в прошлом году англичане высадили у Момбасы экспедицию полковника Макдональда, и тот направился в глубь материка. Но еще раньше французы из своего Конго отправили к Белому Нилу отряд майора Маршана. У французов выигрыш во времени и более короткий маршрут. Добавьте и то, что Макдональд идет с суданскими солдатами, настроенными весьма недружественно. Уже появлялись сообщения о бунте в экспедиции, и я думаю, британцам придется нелегко. А французы умеют расположить к себе негров и не встретят подобных затруднений. Да, пробиваться через джунгли - адский труд. Но раз негры там способны жить, то и белый офицер сможет пройти. Если бы мне предложили пари, я бы поставил на Маршана.

- Пока не вижу, из-за чего там может начаться война. Все это больше похоже на репортаж о скачках.

- Там, в верховьях Нила, стоит египетский форт - Фашода. Это узловая точка. Египет сейчас, как вы знаете, охвачен восстанием махдистов. Эти кочевники не держатся за опорные пункты, и взять Фашоду не составит труда даже для небольшого отряда. Весь вопрос в том, под чьим флагом будет этот отряд. Если Маршан займет Фашоду раньше, чем отряд Макдональда, то граница французских владений продвинется на пятьсот миль к востоку. А вы говорите, что все поделено. Придется, господа, заново перекраивать всю экваториальную Африку. А это, я вам скажу, дорогое удовольствие. Потребуется крупные вооруженные отряды. Племена там проживают дикие, воинственные, с белыми никаких связей не поддерживают, разве что в пищу их употребляют. Леса там физически непроходимы. Единственный способ передвижения - по рекам. Теперь представьте себе, что французским войскам удастся овладеть сразу двумя водными путями - и Нилом, и Конго. Разве Англия смирится с французским господством над Африкой? У них и без того накопилось слишком много взрывоопасных точек соприкосновения. И если где-то в Африке английские солдаты начнут стрелять во французских, то через неделю французские крейсера начнут топить английские пароходы. Достаточно одного выстрела, чтобы разгорелась война.

- Значит, и вам воевать. Франция - союзник России.

- Что ж, союзника мы, конечно, в беде не оставим. Но прямого столкновения России с англичанами, я уверен, не будет.

- Прямого, возможно, и не будет. А вот японской дубинкой англичане вас огреют сплеча. Как только ваши крейсера бросили якорь в бухте Порт-Артура~

Порыв ветра заглушил разговор. А потом голоса стали звучать неразборчиво, видимо, говорящие присели за какое-то укрытие.

Орлов вспомнил то далекое время, когда он целые дни проводил за изучением газет. Правда, он выискивал в них технические новости, а не политические сенсации. Но подслушанный разговор заинтересовал его. И он обрадовался, когда до него снова стали долетать голоса Ильи и его собеседника.

- ~не самый удачный выбор. Внутренняя гавань тесна и мелководна. Из нее только один выход, причем узкий и мелкий. Чтобы завести крупный корабль, приходится дожидаться прилива, к тому же не обойтись без помощи буксиров. Но главная беда даже не в том, что Порт-Артур не защищен ни с суши, ни с моря. А в том, что эта база абсолютно не нужна флоту. Думаю, это шаг не стратегический, а демонстрационный. Политический, я бы сказал. Следовательно, обсуждать его с военной точки зрения бессмысленно.

- Да я в военном деле и не понимаю ничего, - говорил Остерман. - Но я понимаю, что японцы не потерпят такого соседства. Знаете, как в Нью-Йорке было в свое время? У каждой банды был свой район. Брали дань с торгашей и проституток, чистили карманы ротозем, пьяных раздевали до нитки - но строго в своем районе. И если какая-то шайка вдруг начинала действовать на соседней территории, то разворачивалась настоящая война, со стрельбой, осадами и штурмами. Сдается мне, что с Порт-Артуром будет то же самое.

- Не с Порт-Артуром, а вообще с Кореей, с Маньчжурией, с Китаем. Мы слишком рано туда вошли. Нам бы сначала на Амуре закрепить, железные дороги проложить, поселения обустроить. Но - нет. Вперед и вперед.

- Что поделаться. Вы же сами говорите, идет передел мира. Когда делят мир, каждому государству хочется оттяпать свой кусок.

- Да, конечно. Беда только в том, что Англия считает весь мир своим. И оттяпать, как вы говорите, все хотят именно у нее.

- Так значит, я прав? - торжествующе спросил Остерман. - Будет война с Англией?

Снова открылась рубка, и Кирилл подвел к Орлову молчаливого рыжебородого крепыша.

- Сдавай вахту.

- Что так рано?

Орлов удивился, но, оглядевшись, понял, что скоро рассвет. Ночная чернота неба сменилась густой синевой, на горизонте протянулась серая полоса, и стало видно волны. Выходит, он и не заметил, как пролетело время самой тяжелой вахты.

Добравшись до места отдыха, он обнаружил, что его гамак уже снова расправлен, и на нем лежит свернутое одеяло. В соседней шлюпке возился, укладываясь, Остерман.

- Как отстоял, Паша?

- Как положено.

- А я, знаешь, первое время, когда пришлось с Кирой походить по морям-океанам, все боялся морской болезни. Мы тогда мальчишками были, нанялись на пароходик. Шатались до Феодосии и обратно. Иногда заштормит чуть-чуть, а пассажиров как начнет полоскать! Нам - ничего, а их выворачивает. И ничего тут не поделаешь. Морская болезнь - она и есть болезнь. Но некоторых она не трогает. Тебя, значит, тоже?

- Не знаю, - сказал Орлов. - Некоторых и в седле укачивает.

Он устроился в гамаке и накрылся одеялом, предвкушая блаженство короткого, но такого необходимого сна. Ему хотелось спросить у Ильи, кто такой этот Виктор Гаврилович. Но капитан Орлов удержался от вопроса.

Разговоры о неизбежности войны с Англией Орлов слышал на протяжении всей своей службы в Генштабе. А сразу после турецкой кампании он едва не попал в ахалтекинскую экспедицию генерала Скобелева, которая должна была наконец-то в открытом бою столкнуться с англичанами. Но - не сложилось. Орлова отправили в противоположном направлении: сначала в Гибралтар, а затем в Америку. Впрочем, и Скобелев так и не добрался русским штыком до английских мундиров: взяв Ашхабад, он не пошел дальше на юг, остановленный не британскими винтовками, а собственным правительством.

Да, разговоры о войне с англичанами были когда-то привычны для Орлова - но он никак не ожидал снова услышать их здесь, посреди Карибского моря.

* * *

Дневную вахту Орлова отправили нести на бак, впередсмотрящим. На горизонте виднелись темные бугорки, чуть выступающие над светлой водой. То ли острова, то ли облака - неважно, потому что они все равно оставались слева по борту. «Паллада» сменила курс и сейчас, заметив сбросив скорость, шла строго на юг. Это не радовало Орлова, потому что он понимал - они идут мимо Кубы. Возможно, к Ямайке. А то и к Пуэрто-Рико. «К островам» - понятие растяжимое.

Он заметил на горизонте какие-то серые хлопья и поднес к глазам подозрную трубу.

- Вижу дым по левому борту!

- На руле! Зюйд-ост-тень-ост! - отозвался Кирилл из рубки.

Шхуна накренилась, поворачиваясь левым бортом к ветру. Орлов поднял воротник матросской брезентовой куртки, прикрывая лицо от брызг.

Дым на горизонте становился все более отчетливым. Он стелился над морем, а левее его темнела короткая полоска. Она казалась соринкой на бескрайнем лазурном поле. Но эта соринка скоро стала величиной со спичку, и в подозрную трубу Орлов мог разглядеть

паровое судно, шедшее наперерез шхуне.

- Вижу пароход под американским флагом, - доложил он. - И еще какие-то флаги между мачтами висят, я в них не разбираюсь.

- Это сигнал такой, - отозвался Кирилл, поднимая бинокль.

Орлов вспомнил, что на пароходах вывешивались целые гирлянды разноцветных флажков. Каждый из них соответствовал какой-то букве, и таким образом составлялись целые фразы.

- Что они сообщают? - спросил он.

- Просят остановиться. Вежливо так просят. «Остановитесь, не то откроем огонь».

Орлов снова взгляделся в силуэт низкого парохода с высоко задранным носом и косой трубой.

- Какой огонь? Это гражданское судно.

- Мобилизованное, - сказал Кирилл. - Здесь сейчас много таких шатается. Боевые корабли воюют. А эти шастают туда-сюда. Вроде как блокаду держат. Петрович! Ложимся в дрейф!

Боцман откашлялся, побряхтел, поднимаясь на бак, и пробормотал:

- Опять болтаться? Вот уж плаванье так плаванье. Кому рассказать - засмеют.

- Нам спешить некуда, - ответил ему Кирилл, выходя из рубки.

Петрович разгладил бороду, выпятил грудь и гаркнул:

- Грот и фок на гитовы!

Орлов, продолжая следить за пароходом, услышал за спиной стрекотание лебедки. Заскрипели блоки, зашуршала грубая ткань, и в спину Орлову вдруг ударил ветер, от которого он до сих пор был укрыт за парусами.

- Виктор Гаврилович! - позвал Кирилл. - Господин Беренс! Выставляйте свою амуницию напоказ.

- Уже выставляю.

Орлов не справился с искушением и оглянулся, прервав наблюдение, - уж больно хотелось ему увидеть загадочного Виктора Гавриловича.

Беренс выглядел весьма невзрачно. Невысокий и седоватый, с аккуратной бородкой клинышком, да еще со своими круглыми очками он гораздо уместнее смотрелся бы за кафедрой университета, чем на палубе шхуны. Однако по этой шаткой палубе он двигался весьма уверенно, и не только двигался, а еще и устанавливал на борт какое-то мудреное приспособление, вроде удочки с лебедкой. С непостижимой ловкостью он вскочил на планширь и подцепил на крюк своей «удочки» не меньше дюжины стеклянных банок, а потом, плавно вертя маховик, опустил эту сверкающую гирлянду в морскую пучину.

Затем Виктор Гаврилович поднес к глазам бинокль, взгляделся в приближающийся пароход и произнес с нескрываемым презрением:

- Вот же пехота! Кирилл Андреич, вы обратили внимание на их сигнал? Си-Ай-Ди!

- Наверно, у них других флажков не нашлось.

- А они не боятся, что их самих могут принять за флибустьеров? Суда, занятые в блокаде морских путей, обязаны особо тщательно соблюдать этикет. Во всяком случае, могли бы не грозиться, а просто предложить лечь в дрейф для досмотра. Экая беспардонность. Может, вывесим в ответ «Поддай назад»?

Пароход приближался, пытая и отфыркиваясь. Над носовым ограждением торчал ствол пушки. Рядом сгрудились моряки в темной униформе и белых кургуzych шляпках, с карабинами, нацеленными на шхуну. Среди них выделялась фигура в белом кителе. Видимо, то был командир. Он поднял рупор и прокричал, перекрывая рокот машины:

- Команду выстроить на палубе! Люки открыть! Подать трап для досмотровой группы!

Из-за кормы парохода показалась шлюпка с четверкой гребцов. Пятый стоял на носу, опираясь коленом о переднюю банку. Когда лодка подошла к борту шхуны, он взялся за штурмтрап, но не стал сразу взбираться по нему, а сказал:

- Я - старшина Пирс, береговая охрана Соединенных Штатов. Разрешите подняться на

борт?

Орлов подивился такой деликатности. Однако Кирилл, стоявший у борта, тоже ответил вполне приветливо, словно не замечая ни пушки, ни наведенных на него карабинов:

- Капитан Смит. Добро пожаловать на «Палладу».

Пирсу, седому и грузному, на вид было за пятьдесят, но через фальшборт он перемахнул легко, и они с Кириллом пожали руки.

- Давно не видел русского флага в этих водах. А было время, барки с хлебом из Одессы шли в Новый Орлеан один за другим.

- Да, было время, - согласился Кирилл. - Сейчас американцы не покупают хлеб, а сами его продают. Пройдемте в рубку, старшина. Кажется, вы обязаны заглянуть в судовой журнал.

- Пустое, - отмахнулся Пирс. - Я и так вижу, что вы не везете оружие испанцам. Что в трюмах? Не беглые негры?

- Только балласт.

Старшина присел над открытым люком и глянул вниз.

- Сказать по правде, капитан и не останавливал бы вас. Но у нас на борту важная шишка. Сенатор. Пятые сутки идем от Флориды и никого чужих не встретили. Он аж подскочил, когда вас увидел. Придем в Гуантанамо, небось, побежит на флагман, докладывать о своих подвигах. Я ему сразу сказал, что тут не может быть никакой контрабанды. Но ему охота покомандовать. А что за вымпел у вас на грот-мачте?

- Императорское Географическое общество. У нас научное судно.

- Да я вижу. - Старшина прошелся вдоль борта и остановился возле приспособления, установленного Беренсом. - Что это за хрень?

- Это самая научная хрень из всей хрени на этом судне, - гордо заявил Виктор Гаврилович, щеголяя безупречным матросским произношением. - Мы берем пробы воды с различных глубин. Измеряем температуру и плотность. И таким образом составляем карты морских течений.

- Полезное дело, - кивнул старшина. - Я бы дорого дал за такую карту. Особенно если б на ней были указаны течения между островами. Если надумаете идти к Ямайке, держите южнее, тогда вас никто больше не остановит. К Кубе идти не советую. Там сейчас теснота, не протолкнуться. Весь флот сгрудился у Сантьяго, да еще орава таких же, как этот китобой, мобилизованных. А там, где нет наших, можно напороться на испанские канонерки. Они попрятались на мелководье среди островов.

- У нас нейтральный флаг, - сказал Кирилл.

- Испанцы его могут не разглядеть. Так что держитесь южнее. Потом, когда кончится война, будете изучать течения вокруг островов. А сейчас не стоит рисковать.

- Спасибо, старшина.

- А разве война еще не кончилась? - спросил Беренс.

- Черт ее знает. Говорят, у испанцев не осталось ни одного боевого корабля. Говорят, в Сантьяго нет ни одного солдата, и наши комендоры долбят по гражданским. Говорят, у нас уже серьезные потери: не боевые, а из-за лихорадки и дизентерии. Если это называть войной, то она еще не кончилась. Черт его знает, что это за война. Но вы все же держитесь южнее.

Он еще раз пожал руку Кириллу и ловко спустился обратно в шлюпку.

Пароход коротко и сипло прогудел, забухтел машиной и пошел себе дальше.

- Дрейфуем до темноты, - сказал Кирилл. - Ночью выйдем на траверс Сьенфуэгоса, с рассветом пойдем к берегу.

- А если этот вернется? - спросил Петрович, провожая пароход недобрый взглядом.

- Ему незачем возвращаться. Ты же слышал: весь флот собран к Сантьяго-де-Куба.

- Тогда чего ради он тут оказался?

- Вы же слышали, Лука Петрович: везет сенатора к месту боевых действий, - сказал Беренс. - Сейчас каждый политик обязан отметиться на войне. Тяжкое бремя патриотизма.

Ночью на горизонте порой мелькали сполохи. Орлов поначалу принял их за далекую грозу. Но потом увидел, как по облакам словно белая спица прошла. Он понял, что там, вдалеке, работают мощные корабельные прожектора. И порадовался тому, что «Паллада» направлялась совсем в другую сторону.

Рассвет уже тлел на горизонте, когда Орлов снова встал к штурвалу.

- Норд-ост, - сказал ему рулевой. - Да не зевай, землей пахнет.

Это были первые слова, услышанные Орловым от него. В команде «Паллады», кроме Остермана и кока Макарушки, состояли еще трое молчаливых здоровяков. По виду - родные братья. Все рыжие, с курчавыми бородами, с наколками на руках. Боцманские команды выполнялись ими ловко, слаженно. И молча. Ни между собой, ни с коком, ни с Петровичем они не перекинулись ни словечком. Орлов даже поначалу решил, что они какие-нибудь датчане либо исландцы - на кораблях кого только не встретишь.

Но сейчас, сдавая вахту, одному из рыжих пришлось заговорить. И оказалось, что Остерман не обманывал, когда заявлял, что на борту все русские.

- Есть норд-ост, - ответил Орлов.

Он прикинул, где сейчас должна находиться шхуна. Весь день «Паллада» дрейфовала, и весь день Беренс с Кириллом только и делали, что определяли местонахождение. На закате подняли паруса и, вопреки рекомендациям старшины Пирса, взяли курс к северу. По всем расчетам Орлова выходило, что где-то рядом уже должна быть Куба. Значит, осталось недолго. Насколько он понял из услышанного, на Кубе им надо будет кого-то взять на борт, чтобы доставить в Галвестон. Причем на этот раз шхуне не придется кружить и топтаться на месте, вызывая ворчание Петровича. На этот раз все будет проделано с наибольшей возможной скоростью. До сих пор «Паллада» подкрадывалась к Кубе, словно кошка к пичуге - медленно, двигаясь в сторону от цели и даже не глядя на нее, чтобы потом настичь одним внезапным броском. Но, перешагнув невидимую линию морской блокады, медлить было уже нельзя.

Почему-то до сих пор Орлову не приходило в голову, что он направляется в край, охваченный войной. Да, на Кубе шла война, и шла уже давно. Еще во время службы в рейнджерах Орлов не раз подумывал о том, чтобы сменить горы и пески Техаса на кубинские пляжи и пальмы. И, если бы не встретил Веру, наверняка уехал бы на Кубу, помогать повстанческой армии, как сделали некоторые из его знакомых. Нет, он вовсе не разделял энтузиазма американских газетчиков, пишущих о героической борьбе кубинского народа против бесчеловечных извергов-испанцев. Наверно, газетчикам хорошо платили те, кто собирался освоить Кубу так же, как они освоили Колумбию, Панаму, Гондурас, да и Мексику тоже. Испанцы уйдут, и у сахарных плантаций появятся новые хозяева - из Техаса и Флориды. В кубинских городах откроются лавки, торгующие товарами из Иллинойса, Огайо и Пенсильвании. А в кубинских портах обоснуются броненосцы под звездно-полосатым флагом, перекрывая входы в Мексиканский залив. Стратегические итоги этой войны абсолютно не волновали Орлова. Кроме того, он знал, что основную часть так называемой освободительной армии составляют мелкие банды, которые занимались поджогами плантаций и фабрик, а также грабили население, чтобы прокормиться. И действия испанцев по наведению порядка, в принципе, были законны и необходимы. Больше того, Орлов даже испытывал некоторое сочувствие к испанцам, как к стороне, обреченной на поражение. И если бы получил от них предложение, вполне мог бы занять место, скажем, советника по борьбе с диверсионными группами.

Сказать по правде, Орлову тогда было все равно, за кого воевать. Ему просто хотелось оказаться на новом для себя театре военных действий. У него был небольшой опыт войны в горах, в пустынях, в лесу. Но то, что он слышал и читал о кубинской войне, порождало в нем множество вопросов. Как вести бой во влажных тропиках? Как проводить разведку в непроглядных зарослях? Как организовать передвижение войск и обозов там, где любой шаг

дается с трудом? Как высаживать с кораблей пехоту и артиллерию на мангровом побережье? Он мог найти ответ только там, на Кубе. А потом изложить свои новые познания в каком-нибудь «Военном вестнике». Может быть, русской армии когда-нибудь пригодятся его советы? Если в Зимнем дворце мечтают увидеть царский штандарт на берегу Индийского океана, то в Генеральном Штабе вместо мечтаний надлежит заниматься разработкой планов. Брать штурмом горы - привычное дело для русского солдата. А вот пройдут ли наши полки сквозь джунгли? Пройдут, конечно - если будут подготовлены.

Он так и не уехал на Кубу. А потом встретил Веру, и его жизнь наполнилась новым смыслом. Война в его сознании отодвинулась куда-то на самые дальние тыловые позиции. Он почти забыл о ней - и вдруг она сама напомнила о себе. Не просто напомнила, а шагнула ему навстречу. И кто знает, удастся ли ему вовремя отступить, увернуться, избежать новой крови~

Слева по борту показались острова. Орлов поначалу принимал их за надвигающиеся тучи - пока солнце не высветило в утреннем небе настоящие облака. Чем ярче разгорался рассвет, тем больше островов можно было разглядеть. Их неясные силуэты тянулись по горизонту неровной цепочкой: одни повыше, другие пониже, одни длиннее, другие короче. «Мы идем к островам», - вспомнились слова Остермана.

- На руле! - послышался голос Кирилла. - Взять строго на ост!

- Есть строго на ост!

Орлов перестал любоваться морем, переведя взгляд на компас. А когда снова оглянулся на острова, их цепочка заметно поредела. Наконец, последнее пятнышко скрылось за горизонтом, и вместе с ним растаяла надежда Орлова на скорое окончание рейса.

Куба, Куба~ Где же ты, Куба?

- Вот и Куба, - услышал он голос Беренса из капитанской рубки. - Сколько на хронометре, Кирилл Андреевич?

- Семь двадцать две.

- Двигаемся с опережением. Позвольте ваш бинокль~ Нет, отсюда не понять, где мы. Еще с полчаса такого хода, и должен появиться маяк. Тогда и решим. Пока держите прежний курс.

- Может быть, взять к норду?

- Нет-нет, пока нет причин сомневаться в наших расчетах.

Орлову очень хотелось бросить хотя бы один взгляд на долгожданный берег, но со своего места он видел только бескрайнее и пустое море справа и слева, да стену надстройки перед собой, да тумбу с компасом. («Нактоуз, а не тумба!» - поправил он сам себя.) Впрочем, если земля показалась прямо по курсу, значит, скоро ее станет видно отовсюду. К тому же до конца вахты осталось не так много времени.

Вся немногочисленная команда шхуны уже носилась по палубе, выполняя команды боцмана. Орлов, сдав штурвал Макарушке, прошел вперед, на бак, нетерпеливо вглядываясь в зеленую выпуклость на горизонте. Она была едва различима под низкими облаками. И вдруг в разрывах туч показались лиловые вершины гор. Они словно парили над морем.

- Ялик на воду! - рявкнул Петрович.

Остерман схватил Орлова за локоть:

- Что стоишь? Ялик - по нашей части. Бегом на корму.

- Отчего такая спешка?

- Никакой спешки. На кораблях все - бегом.

Вдвоем они спустили на воду небольшую шлюпку, висевшую на кормовых рострах, и она побежала за шхуной, как жеребенок за кобылой.

- А ялик зачем спустили?

- Чтобы потом время не терять, когда он потребуется, - пояснил Илья. - Дно промерить, якорь занести или еще для чего. Как придем на место, еще и вельбот спустим, народ возить.

- Какой народ?

- Ой, Паша, чего прицепился! - поморщился Илья. - Давай лучше - по глоточку перед

завтраком.

Он достал из-за пазухи плоскую фляжку и протянул ее Орлову.

- Нет, спасибо.

- А я не утерплю. - Илья основательно приложился к фляге и вытер губы рукавом. - Зря ты отказываешься. Так и простыть недолго. А впереди-то, глянь, дождь.

Орлов поглядел вперед. Над далеким берегом нависли тяжелые тучи, затушевав косым дождем белую полосу прибоя и зеленую стену леса.

- Вижу маяк! - крикнул наблюдатель.

- Беру пеленг! - отозвался Беренс.

Через минуту Кирилл скомандовал:

- На руле! Курс тридцать семь!

Илья снова отвинтил колпачок фляги:

- Ну, теперь держись. Давай, Паша, тяпнем за удачу. Ты когда-нибудь садился на риф? Выпьем, чтобы все рифы прошли мимо нас~

- Орлов! - рявкнул Петрович. - Готовь вельбот! Барахло выкинуть, весла собрать, парус расчехлить, живо! Илюшка! Лотовым встанешь!

Приборка в вельботе, который, видимо, использовался как склад для всякого хлама, отняла много времени. Орлов отвлекся от работы только тогда, когда услышал грохот и рев близкого прибоя. Он глянул на море и увидел пенную полосу рифа. Над ней висела стена брызг, море словно кипело над невидимой преградой. Шхуна долго шла вдоль рифа, набирая ход с попутным ветром, а потом круто свернула к берегу.

Виктор Беренс забрался на переднюю мачту и оттуда выкрикивал короткие команды. За штурвалом стоял Кирилл, и, подчиняясь ему, «Паллада» лавировала, лихо проносясь между рифами. Берег, однако, оставался все еще вдалеке. Но ветер порой уже приносил оттуда запахи влажного леса. И этот запах пьянил не хуже, чем джин.

- Слава тебе, Господи, - проговорил Макарушка, заглянув к Орлову в вельбот. - Пронесло. Ты-то как, управился? Далее-то уж полегче будет. Теперь можно и печку растопить, уж дергать туда-сюда не станут. Приказано готовить с запасом. Принеси-ка мне рису мешок из трюма. А потом - водицы свежей.

Орлов закрепил весла, уложил вдоль борта свернутый парус и выпрыгнул из вельбота на палубу. Помогая коку, он снова перестал следить за берегом. И вдруг, услышав громкие крики чаек, оглянулся.

Совсем рядом, в двух сотнях шагов, кудрявые бурые деревья стояли прямо в воде, и волны гасли, набегая на них.

Илья, стоя на носу шхуны, наклонялся и распрямлялся, работая с лотом. Время от времени он выкрикивал:

- Двенадцать футов - чисто!

- Лево руля! - закричал вдруг Беренс с мачты. - Круче лево, еще круче! Грот к ветру!

- Десять футов!

Снасти взвыли от резкой смены курса.

- Восемь футов! Семь футов!~ Восемь!~ Десять! Двенадцать футов - чисто!

- На руле! Так держать!

Макарушка перекрестился:

- Шли бы с грузом~ Да если бы не прилив - точно сели бы на камни. Пронесло.

Не сбавляя ход, «Паллада» стремительно приближалась к скалистому выступу берега, окруженного полукольцом рифов. Орлов ничего не смыслил в морском деле, но и ему было ясно, что спустя какое-то время шхуна неизбежно врежется в эти скалы, либо сядет на рифы. И вдруг берег словно раздвинулся, и между отвесными склонами показалась изумрудная гладь лагуны. Шхуна резко накренилась, целясь носом в узкий проход.

- Человек в море! - закричал кто-то с кормы. - По левому борту! Человек на рифе!

Наверно, в этот миг только Беренс и Кирилл не оглянулись влево, поглощенные своей работой.

- Где? Да вот он, рукой машет! Пропал! Нет, держится! Разобьется! Петрович, что делать-то будем? Пропадет человек!

- Цыть! Ход потеряем - сами пропадем! - прикрикнул боцман. - Кирила Андреич, твое слово!

- Одного в ялик! - отозвался Кирилл, не оборачиваясь. - Подберешь, и к берегу, тут близко, не заплутаешь.

«В ялик? Это он про меня», - подумал Орлов, а Петрович уже протянул ему бутылку в джутовой оплетке:

- Анкерок с водой - под задней банкой. Дашь напиться, а потом сразу джину влей, для сугреву. Да куртку-то, куртку возьми!

Орлов поддернул ялик ближе к шхуне и спрыгнул в него. Сверху ему сбросили пару курток, и он принялся работать веслами.

- Нос левой! - подсказывал боцман. - Еще! Так и держи! Так! Возьми створ на берегу! И держи прямо! Выйдешь точно на риф, а там увидишь!

Шхуна отдалялась с удивительной быстротой, и голос Петровича уже едва доносился, заглушаемый плеском воды и свистом ветра над волнами. Орлов зацепился взглядом за пару береговых ориентиров, стоящих на одной линии, - огромный валун, выступающий из прибоя, и пальма с раздвоенным стволом. Он греб, порой хватая веслами воздух, когда легкий ялик подскакивал на волне. За спиной все слышнее становился шум воды, разбивающейся о риф. «Как бы самому не застрять», - с опаской подумал Орлов и оглянулся. Он не увидел ничего, кроме мелькания волн и пены.

Ему казалось, что ялик стоит на месте и только переваливается через набегающие волны. Но нет. Он не стоял на месте - его сносило мощным приливным течением. Глядя на берег поверх низкой кормы, Орлов сильнее заработал правым веслом, чтобы снова совместить на одной линии валун и пальму.

Со шхуны риф казался ближе. И безопаснее. А для хрупкого ялика встреча с острыми подводными камнями могла закончиться весьма плачевно.

Едва Орлов подумал об этом, как в шуме волн услышал какие-то удары. Он повернул голову и увидел недалеко от себя разбитую лодку. Точнее, только ее заднюю половину. Перевернутая, с проломленным бортом, она вздымалась вместе с волной, но не уносилась с места, а обрушивалась вниз, с грохотом падая на невидимые отсюда камни.

Орлов бросил весла и привстал, держась за натянутый носовой конец, словно за поводья шального жеребца. Он огляделся. В белой кутерьме волн мелькнула черная точка. Голова?

Он свистнул, и над головой показалась рука. Донесся прерывистый выкрик:

- Эй! Я здесь!

- Сейчас подойду! - крикнул Орлов.

- Нет! Нет! Оставайся~ На месте~ - закричал человек на рифе, мешая испанские и английские слова. - Камни~ Я плыву к тебе~

Орлов развернул лодку бортом к плывущему, ялик стал болтаться между волнами, переваливаясь с боку на бок. Боясь опрокинуться, Орлов обвязал вокруг пояса кормовой конец - если и свалишься в воду, успеешь подтянуться к лодке.

Пловец шумно хлопал руками по воде, понемногу приближаясь. Наконец, он вцепился в борт ялика и замотал головой, по-собачьи стряхивая воду с длинных волос.

- Держи руку! - крикнул Орлов, отпустив весла.

- Нет! Выгребай! Я сам!

Ялик накренился, и пловец перевалился в него вместе с потоком воды.

- Выгребай! Пока прилив, проскочим над рифом! Пить! Дай воды!

- Под банкой! - ответил Орлов, решив, что утопающий, который вместо криков о помощи произносит четкие команды, вполне в состоянии самостоятельно отыскать и открыть анкерок с водой. Да и бутылку с джином не оставит без внимания.

Ялик развернулся носом к берегу. Ветер бил в лицо, швырялся брызгами, но то была плата за помощь - лодка теперь шла гораздо быстрее, обгоняя волны и оставляя за собой пенный след.

Орлов смотрел через плечо, стараясь держать направление к лагуне, чья неправдоподобно спокойная поверхность зеленела между скалами. А спасенный тем временем осваивался в лодке. Он разделся догола и выжал одежду. Обнаружив сухие куртки, одну натянул на себя, а вторую обернул вокруг бедер. Долго и жадно пил воду из анкерка. С джином же он поступил совершенно по-варварски: вместо того, чтобы выпить, стал плескать на ладонь и растирать себе грудь и шею! После чего принялся вычерпывать набежавшую воду со дна ялика. А потом свернулся калачиком между банками и закрыл глаза. Орлов видел, что его бьет дрожь, и не стал приставать с расспросами. «Сам расскажет все, когда доберемся до шхуны», - подумал он, наконец-то снова увидев знакомые паруса между скал.

Шхуна уже вошла в лагуну, которая казалась Орлову недостижимой. Ему приходилось бороться и с прибоем, и с течением. Приняв пассажира, лодка стала гораздо ниже сидеть в воде, и волны перехлестывали через край. Ладони горели, спина ныла от непривычной работы. Он греб, стиснув зубы и стараясь пореже оглядываться на берег.

Вдруг лодка вознеслась на высокой волне. Орлов едва успел выровнять нос поперек гребня, иначе непременно опрокинулся бы. Ялик скользнул вниз, убегая от пенной вскипающей дуги. Не убежал. Волна зеленой прозрачной стеной поднялась над ним, надломилась - да и обрушилась на корму. Орлов, враз промокший до нитки, оказался по колено в воде.

- Мать твою!

- Каррамба!

Они вдвоем кинулись вычерпывать воду. А потом оба уселись за весла. Теперь ялик понесся резвее, задирая нос и шлепая им по волнам.

Пройдя между скалами, они подняли весла, и лодка заскользила по тихой воде. В бухте, окруженной скалами, стояла такая тишина, что Орлову показалось, будто он оглох. Он даже успел решить, что это следствие перенесенных им контузий. Вера предупреждала, что нечто подобное может произойти, если он не бросит курить и не будет беречь уши от ветра~

Но нет, слух еще не потерян - весла скрипели в уключинах, и плескалась вода, и чайки перекрикивались, кружа над шхуной, застывшей у берега.

- Ты с этой шхуны? - спросил тот, кого он спас.

На этот раз он говорил по-английски.

- Да, - ответил Орлов.

- У вас не испанский флаг. Ты не испанец? На шхуне есть испанцы?

- Слишком много вопросов сразу, - сказал Орлов.

- Прости. Я слишком долго молчал.

- Испанцев тут нет.

- Испанцы тут везде. На каждой скале по испанцу. Хорошо бы забраться на шхуну раньше, чем они меня заметят. - Он вытер ладонь о куртку и протянул ее Орлову: - Френсис Холден, репортер из Бостона.

- Брукс. Джим Брукс, матрос.

* * *

Поднявшись на борт, репортер спросил, заикаясь:

- Есть у вас чистая бумага и карандаш? Мне надо срочно сделать кое-какие записи.

- Тебе надо срочно согреться, - сказал Петрович, накидывая на него одеяло. - У тебя губы черные. И ноги не держат.

Ноги у Холдена и в самом деле безвольно согнулись, и он рухнул бы на палубу, если б Орлов не успел его подхватить.

- Бумагу мне, бумагу и карандаш, - слабым голосом просил Холден, пока матросы укладывали его в гамак и закутывали одеялами.

- Ледяной! - ужаснулся Макарушка, растирая американцу серые распухшие ступни. - Чисто покойник! А ноги-то, ноги изрезал! В клочья порвал!

- Грогу свари, с ягодной настойкой! - приказал ему Петрович, а сам наклонился над спасенным. - Ты отдыхай. Отпусти себя. Все кончилось. Долго в воде был?

- Нет. - Американец закрыл глаза, и голос его стал глуше. - Не знаю~ Лодка наскочила на риф вечером. Переломилась. Мачта зацепилась за камни. Я держался за нее. Иногда стоял на камнях.

- Значит, всю ночь там простоял?

- Да. Нет. Две ночи.

- Почему не поплыл к берегу? Дождался бы прилива и поплыл~

- Не было сил. Я плохой пловец. Днем шел дождь. Я ловил его руками и ртом. Чайки. Проклятые чайки~ - Он открыл глаза. - Где я? Кто вы все?

- Мы? Друзья, - сказал Петрович.

5

Предоставив спасенного американца заботам Петровича и кока, Орлов поискал взглядом Илью. Сейчас он бы не отказался от его заветной фляжки. Но Остерман стоял на баке рядом с Беренсом и Кириллом, и они, казалось, даже не заметили, что на борту появился новый пассажир. Все трое молча глядели на берег.

Команда «Паллады» также не выказывала никакой радости по случаю окончания перехода. Оживление, царившее на борту, пока шхуна неслась к берегу, сменилось мрачным унынием, когда берег был, наконец, достигнут.

Шхуна стояла у длинного причала. Точнее, у остатков причала - над водой поднимались обугленные торцы свай, пунктирной линией уходящие к берегу.

Беренс, скрестив руки на груди, дымил сигарой, зажатой в зубах.

- Ялик вернулся? - спросил он, не оборачиваясь.

- Да, - сказал Кирилл, глянув на подошедшего Орлова.

- Горело давно, - сказал Илья. - Вон сколько помета на сваях.

- Не факт, - равнодушно возразил Беренс. - Чайки могут все загадить за день.

- Но за день нельзя убрать с берега большой поселок. Сколько, вы говорите, там жило?

- Работников оставалось шесть десятков. Да прочих человек сорок. Могли и беженцы прибиться. Да, поселение крупное~ Было крупным. Так, значит, ялик вернулся? Пожалуй, я один схожу на берег. Не нравится мне эта тишина. Схожу один.

- Вот еще! - Илья хлопнул по плечу Орлова. - Паша, ты как? Мозоли не сбил? Прогуляемся на берег? У Виктора Гавриловича там дела, а мы с тобой крабов наловим. Любишь крабов?

Орлов оглядел берег. На белоснежном песке не было ни души, и за редкими пальмами никто не мог спрятаться. Разве что в полосе кустов? Нет. Там над зеленью беззаботно порхали птицы. Им некого было бояться.

И все же капитан Орлов чувствовал, что там, на берегу, его ждет враг.

- Крабы разные бывают, - сказал он. - На иного без ружья лучше не ходить.

- Вот и я о том же, - Илья с улыбкой глядел на Кирилла. Но тот помотал головой:

- Оружие не брать. Если появятся военные, расстреляют на месте.

- Да-да, - кивнул Беренс. - Война, господа, война. Гражданское лицо с оружием считается вне закона. Бандитов уничтожают без суда и следствия.

- Переоденься в сухое, - сказал Кирилл Орлову. - И возьми мачете.

- Мешок для крабов прихватите! - крикнул с кормы Петрович.

Вода в бухте оказалась чистейшая, видно было каждую морщинку песчаного дна. Когда ялик набежал на отмель, Беренс соскочил в воду и пошел к берегу. Орлов отправился за ним. Мелкие рыбешки кружились у дна. Они испуганно разлетались в стороны и тут же возвращались, чтобы порыться в легкой мути над следами.

С берега доносилось пение множества птиц. Легкий ветер играл перистыми листьями пальм. Дальше, за пальмовой рощей, высилась зеленая стена гор. Пряные и цветочные запахи кружили голову. Ступив на береговой песок, Орлов увидел, что он весь рябой от недавнего дождя. «Никого здесь нет, - подумал Орлов. - Никого. А место - райское».

- Странно, что нет мошкары, - сказал он.

- Здесь всегда ветер, - пояснил Беренс. - Сквозняк. Вход в бухту смотрит на юго-запад, а вон там, на северо-востоке, лежит ущелье. Получается канал для движения воздуха между скалами. Поэтому здесь можно жить, не боясь москитов.

- Непохоже, что здесь кто-то живет, - сказал Орлов. - Кроме птиц и рыб.

- Ну, тут еще есть крабы. Соберите их пока для Луки Петровича. Берите голубых. У них сейчас панцирь мягкий, это такой деликатес. - Беренс протер очки и огляделся. - Да, соберите крабов. А я пока осмотрюсь.

Орлов принялся. Теперь он смог различить в воздухе тревожные струйки кисловатой гари. Так пахнут мокрые угли.

Илья с мешком на плече бродил по пояс в воде между сваями, вглядываясь в камни под ногами.

- Крабы тут вкусные, - рассеянно продолжал Беренс, - особенно если их в рисовой муке обвалить~

- А почему поселок был так близко к воде? - спросил Орлов. - Неужели местные не боялись урагана?

Не дожидаясь ответа, он зашагал к полосе кустарника. Ему уже было ясно, что это не просто кустарник, а заросшие бурьяном огороды. В густой траве проглядывали остатки тропы. Пройдя по ней, он увидел, откуда шел едва уловимый запах гари, - черные прямоугольные пятна на месте сгоревших тростниковых хижин. От опорных столбов остались лишь обгоревшие пеньки. На выжженной земле поблескивали лужицы недавнего дождя.

Да, поселок был большим. И необычным. Он явно не вырос тут стихийно, а был построен по плану. Шесть необычно длинных домов на одной стороне улицы, четыре - на другой. Улица? Нет, дорога, широкая и твердая. Она вела от причала к горам. Орлов прошелся по ней и обнаружил за кустами остатки колодца. То был обычный сруб, и, наверно, до пожара над ним возвышался колодезный журавль - вот его обгоревшая жердь чернеет в траве. Обычный колодец, как в любой русской деревне. Но как он появился на Кубе?

Орлов заглянул в квадратный провал и посмотрелся в дрожащее зеркальце воды.

- Вода здесь солоноватая, - сказал, подходя, Беренс. - Но пить можно. И река тут недалеко. Выше, в горах, есть родники. Позвольте ваш мачете.

Орлов вытянул из-за пояса тесак, но Беренсу не отдал.

- Что надо рубить?

- Ничего не надо рубить. Я тут кое-что обнаружил, хочу слегка копнуть. Пока помогите Илье с крабами. Вдвоем вы справитесь быстрее. А когда Макарушка их зажарит, еще пожалеете, что мало принесли.

- Что вы тут могли обнаружить? - спросил Орлов. - Тростник сторел дотла. Но хижины были пустые. Ни костей, ни остатков утвари. Люди ушли и сожгли свои дома сами.

- Сами? Сомневаюсь. - Беренс покачал головой. - Ушли? Да. При этом унесли с собой все, что здесь было. Хоть бы одну лопату оставили.

- Покажите, где копать.

- Павел~ э-э~

- Григорьевич.

- Павел Григорьевич, любезнейший мой Павел Григорьевич, - с улыбкой произнес Беренс, - неужели вам доставит удовольствие рыться в выгребной яме?

- Покажите, где копать, - спокойно повторил Орлов.

Лопата все же нашлась, когда он немного поработал своим мачете, прорубая тропу. И не одна. Заржавленные, с обломленными черенками, они валялись в бурьяне возле заросшей выгребной ямы.

Едва сняв верхний слой комковатой бурой земли, Орлов понял, что лучше перейти на другую сторону. Он сменил позицию, устроившись рядом с Беренсом. Теперь ветер относил от них запах, поднимавшийся сквозь сырой песок.

Копать пришлось недолго.

Когда к ним подошел Илья, они сидели в сторонке и курили, пытаясь табачным дымом заглушить смрад.

Остерман уронил мешок, в котором скрежетали и щелкали наловленные им крабы, и длинно выругался по-испански. Потом заглянул в раскоп и зажал нос.

- Да сколько же их там?

- Полагаю, человек пять-шесть, не больше, - сказал Беренс, вытирая лоб рукавом.

- Застрелены?

- Расстреляны. Извольте видеть: у двоих, что сверху, руки скручены проволокой за спиной. Ставили над ямой и стреляли сзади. В затылок.

- Из чего стреляли?

Орлов молча открыл перед ним ладонь, на которой покатывались две потускневшие гильзы от винтовки Маузера.

- Армейские дела?

- Трудно сказать, - Беренс пожал плечами. - При случае расстреливают и те, и другие. Это раньше повстанцы обходились одними мачете. А сейчас, говорят, у них есть все, что лежало до поры в американских арсеналах.

- Но тут же не наши, так? - Илья, зажав нос, наклонился над телами. - Негры?

- Наши, - сказал Беренс. - Почернели.

- Руки связаны телефонным проводом. Узелок занятный~ Не знаю, кто расстреливал, но связывал человек опытный. Интересно, где он тут провод нашел. - Остерман выпрямился, сняв шляпу. - Значит, наши? И что? Не оставлять же их так.

- Вон там, за пальмами, кладбище.

- Ну, вы как хотите, а я пошел за похоронной командой, - сказал Илья. - Не то проваландаемся до утра.

* * *

К вечеру на окраине сожженного поселка, на кладбище, возле обгоревших развалин часовенки, появились семь новых крестов.

Воду из колодца нагрели на костре в большом котле и долго, тщательно мылись, песком и мылом оттирая с кожи неистребимый могильный дух.

Здесь же, на углях костра, были зажарены крабы. Наверно, они удались на славу. Остерман даже снисходительно заметил, что сей деликатес можно поставить рядом со знаменитой одесской барабулькой. Но Орлов не чувствовал вкуса, словно жевал промасленную бумагу. От джина он отказался. Снова и снова набивал трубочку и, дымя ею, все поглядывал на горы, покрытые плотной курчавой зеленью.

- А куда ведет эта дорога? - спросил он у Беренса. - Тут поблизости есть какой-то город?

- Нет. Городов поблизости нет. Там, за горами, Сьенфуэгос, миль пятьдесят по прямой, и три-четыре дня ходу. Мы туда ходили на баркасе, так быстрее, особенно если ветер

хороший. А эта дорога никуда не ведет.

- Никуда?

- Там карьер. Оттуда возили камень, когда строили причал. Взрывали скалу, возили сюда бой. Валили лес там же, вокруг карьера, и волокли сюда. Вот и натоптали дорогу.

- Значит, люди не могли уйти по ней?

- Не могли.

- Тогда остается предположить, что они ушли морем, - сказал Орлов.

- Или лесом, - ответил Беренс, кивнув в сторону гор.

- Чего гадать! - Остерман разлил джин по кружкам. - Завтра с утра пройдемся вокруг, хоть чего-нибудь, да найдем. Мы с Кирой в пустыне, на голых камнях следы читали. А тут - детская забава. Чтобы толпа ушла лесом и не наследила? Не смешите меня.

- Тела, судя по их состоянию, лежали в земле несколько месяцев, - сказал Беренс. - Я отбыл отсюда в январе. Если все случилось зимой или даже весной, следы давно заросли.

- Значит, искать бесполезно?

- Я этого не говорил. Там, в лесу, прячутся несколько деревушек. В одной живут индейцы, с ними будет трудно договориться, они при виде белых прикидываются глухонемыми. Но попытаться все же можно. А еще выше живут китайцы. Те с нами, можно сказать, дружили. Они разводят свиней, держат коз. Мы к ним часто наведывались за мясом, за молоком. Они могут что-то знать. Хотя я, в основном, возлагаю надежды на тех, кто живет на реке. Там большая, по местным меркам, деревня, домов семь-восемь. Там дорога. Наши не могли пройти другим путем, если уходили в горы~

Они сидели вокруг угасшего костра и смотрели, как солнце опускается в море, как раз между скалами, прикрывающими вход в лагуну.

Орлов не задавал лишних вопросов. Когда понадобится, ему скажут все, что нужно знать. Но не сейчас. Сейчас команде «Паллады» надо было прийти в себя после удара. Они переплыли залив. Они рисковали, просочившись сквозь блокаду. Они должны были принять на борт людей, для которых были подготовлены пустые трюмы и множество свернутых матросских коек, и для которых кок Макарушка с утра затеял готовить богатое угощение. И вот - эти люди пропали. Вместо встречи получились похороны. Какие уж тут вопросы?

Спрашивать надо было не Беренса и не Кирилла - прежде всего ему надо было спросить самого себя. Где его место? Отправится ли он завтра на поиски или останется на шхуне? Он чувствовал, что выбор придется делать самому.

«Вспомни, как ты оказался здесь, - сказал он себе. - Ты бежал от смерти. Ты должен вернуться домой живым и здоровым. Тебя ждет семья. Бог миловал тебя. Ты уже катился в пропасть, а он - в который раз! - протянул тебе руку помощи. Так сделай же то, что от тебя требуется. Вернись домой. Ты нужен Вере и Гришутке. Представь, как тяжело им придется, если завтра ты уйдешь в лес - и не вернешься оттуда. Ты рискуешь не своей жизнью, а их счастьем».

- А если завтра ничего не найдем? - спросил вдруг Кирилл. - Сколько времени вы собираетесь здесь провести?

- Не знаю, - ответил Беренс. - Если никто не помешает, за два-три дня можно обследовать обширную территорию. Люди не могли растаять, как снег. Они где-то рядом. Если же не найдем ничего - значит, они ушли морем.

- И что тогда? - спросил Остерман. - Пойдем вдоль берегов? На воде следов не остается.

- Попытаемся навестить рыбаков. Здесь и на островах. Они могут что-то знать. Но я все же предпочел бы начать с поисков в лесу. Ведь их лодок не хватило бы на всех, значит, сами уплыть не могли. Мне трудно поверить, что сюда вошло большое судно. Об этой бухте мало кто знает, и даже местные считали, что сюда нет прохода. Нет-нет, если искать, то только в лесу. - Беренс помолчал, раскуривая погасшую сигару. И добавил: - Но можно и не искать. Война, господа, война. Обстоятельство непреодолимой силы.

Кирилл встал, отряхиваясь от песка.

- Два дня. Потом уходим к островам. А сейчас - домой. Соберемся заранее, да и ляжем пораньше. Выйдем на рассвете. Втроем.

- Капитан не должен покидать корабль без особой необходимости, - сказал Беренс. - Если вы, Илья Осипович, согласитесь мне сопутствовать~

- Мы с Кирой всегда работаем в паре, - сказал Остерман. - Вот увидите, найдем мы ваших казаков.

- Казаков? - вырвалось у Орлова. - Каких казаков?

Ему показалось, что Илья смутился. Но Беренс ответил спокойно:

- Частью от Кубанского войска, частью от Амурского.

* * *

Вахты перекроили, и Орлову выпало дежурить с четырех утра. Он лег спать в полночь, но долго не мог заснуть, обдумывая, как бы подступиться к Кириллу со своими советами насчет завтрашней вылазки. Может быть, они и сами догадаются разбиться, чтобы прочесывать в поисках следа одновременно три сектора, назначив место схода. Может быть, они и без него знают, что, несмотря на жару, придется надеть крепкие ботинки и рубахи с длинным рукавом. Может быть, они сами способны подготовиться к поиску на вражеской территории - но в любом случае у них не было того опыта, каким обладал капитан Орлов. Значит, раз уж они не берут его с собой, так пусть хотя бы выслушают~

Его разбудил Макарушка:

- Аврал. Вельбот на воду.

Кажется, перед глазами еще не растаяли остатки сна, а Орлов уже работал вместе со всеми. Спустили вельбот, забрались вчетвером и принялись на буксире тянуть шхуну. Боцман с коком остались на «Палладе» и шестами отталкивались от свай, помогая гребцам. Мало-помалу добрались до выхода из бухты. Подчиняясь командам боцмана, гребли то правым бортом, то левым. Предраассветный туман скрывал очертания берегов, но Петрович, видимо, ориентировался по звукам прибоя, и шхуна стала на якорь почти вплотную к отвесной скале.

- Тут и подождем, - сказал боцман, когда все вернулись на борт. - С моря нас не разглядят, если огней не зажигать. А мы отсюда все увидим. Вахтенным ночью не зевать! С берега глаз не спускать. Наши будут сигналить факелом.

«Наши? Так они уже там? - подумал Орлов. - Что ж, неплохо. Конечно, высаживаться надо было в темноте. Если ты не видишь врага, это не значит, что и он тебя не видит. Неплохо, неплохо. Кажется, за них можно не беспокоиться».

Помогая коку убирать после обеда, Орлов сказал, как бы невзначай:

- Капитан наш, видно, по берегу соскучился. Мог бы кого другого вместо себя послать.

- Нет, - серьезно проговорил Макарушка. - Они с Ильей - не разлей вода. Куда один, туда другой. Илья - он такой, он отчаянный, себя не бережет. Да и то сказать, подрубили корень человеку, один остался, вот и мечется.

- Один?

- Ты не знал? Один, совсем один. Родня какая-то в Нью-Йорке живет, да только они сами по себе. А была у Ильи семья, большая семья. Жена-красавица, трое детишек. Хозяйство было завидное. Табуны знатные. Все пропало. Все. Нефть на его землях нашлась. Начались споры. Земля-то в Мексике, а там закона нет. Кто больше заплатит, тот и прав. Илья уперся, на силу свою понадеялся. Да плетью обуха не перешибешь. Пока он в Мексике воевал, в Аризоне на ранчо напали. Все вчистую пожгли, коней увели, ну и~ - Макарушка вздохнул. - Жена у него красавица была. Из мексиканок. Горячая, гордая. Руки на себя наложила, не далась. А детишки сгорели. Вот он с тех пор и ходит-бродит, как неприкаянный. Подрубили корень человеку, не сидится ему на месте.

Орлов вспомнил, как странно глянул Илья тогда, при первой встрече, когда услышал,

что он - нефтяной агент. Да, нефть - грязное дело, очень грязное~

- Другой бы поплакал, погоревал, да начал бы все заново. А Илья - ну, ты и сам видел: пьет, не просыхает. Как такого одного на чужой берег отпустишь?

- Что же Беренс его взял? Не мог выбрать кого понадежней?

- Гаврилыч знает, кого брать, - многозначительно произнес Макарушка. - У нас вся команда надежная, любого мог позвать. Но тут лучше Ильи да Кирилы Андреича никто не справится.

Они перебирали рис, лушили фасоль, и словоохотливый кок скрашивал нудное занятие рассказами о необычной команде шхуны «Паллада».

Оказалось, что эмигрантами могли назвать себя только Кирилл с Ильей. Макарушка же, как и молчаливые братья Акимовы, родился уже в Америке. Что же до их родителей, то те и слова такого не знали, «эмиграция». Уроженцы Архангельской губернии, они нанялись матросами на английский пароход, который в годы гражданской войны поставлял оружие южанам, прорываясь через морскую блокаду. Пароход был задержан, и команда, состоявшая из русских и англичан, оказалась в плавучей тюрьме. Британцев-то сразу завербовали на флот, по одному. А поморы не соглашались, держались кучей. Так, кучей, их вместе с тюремной баржей и унесло ураганом в открытое море. Помотало, покрутило, да и выбросило на берег разоренной Джорджии. Что было делать поморам? Не строить же ладью, чтобы вернуться к родным двинским берегам. Решили, что Бог велел им осесть на земле, где урожай снимают по два раза в год, где нет зимы, и где после войны осталось множество молодых вдовушек. Когда же на юг обрушилась эпидемия лихорадки, русские подхватили жен и детишек да перебрались на запад, в Оклахому.

В семьях бывших русских матросов говорили только по-русски, пели русские песни и на Пасху отправлялись в далекое путешествие, в Новый Орлеан, где была русская церковь. Хозяйство у всех было огромное, благо земли в Оклахоме им досталось изрядно. За что бы ни брались - все удавалось на славу. У самого Макарушки к двадцати годам уже был построен свой дом, и был свой пай на мельнице, и свое молочное стадо. Родители ему уже и невесту присмотрели, Катю Хлебникову, да только семейную жизнь пришлось малость отложить. Потому что появился в их краях лихой капитан Кирила Андреич. Женился он на дочери Луки Петровича, увез ее к себе. А когда пришло время крестить первенца, приехали к ним в Галвестон все оклахомские земляки. И показал им Кирила Андреич свою шхуну. И вышли на ней в море - прогуляться по хорошей погоде. И сказал Лука Петрович, что с чего человек начал жизнь, с того и закончит. И остался в Галвестоне с дочкой и внуком, и стал ходить боцманом на «Коршуне», и вся команда на ней стала русской, потому что и Макарушка, и молчаливые братья Акимовы как ступили на палубу, так и не смогли с нее уйти.

- На «Коршуне»? - переспросил Орлов.

- «Паллада» - не наша. Хозяин у нее - Гаврилыч. Мы у него наемная команда. А «Коршун» стоит дома.

- Понятно. Значит, Илья с Кириллом - тоже моряки?

- Моряки-то они моряки. Да только и на суше видали виды. Мы ведь как про них узнали? Той весной в наших краях тревожно было. То пастбища делили по-новому, то индейцы бузили, то банды новые объявлялись. Жил у нас на Волчьей реке ирландец один, Эдом Коннорсом звали. Хорошие у него табуны были, издалика за его лошадьми приезжали. Вот и убили Коннорса из-за его табунов. Думали, жена все бросит, ранчо продаст, да и уедет в город. А вышло-то по-другому. Как-то ночью будит нас Полюшка, дочка Луки Петровича. Говорит, на ранчо Коннорсов наши с бандой бьются. Всем миром собрались на подмогу. Приходим. Смотрим - ранчо, конечно, порушено. На доме живого места нет от пуля. Сарай сгорел. От конюшен одни головешки. И банда здесь. Мы их повязали - а у них все пораненные, и убитыми не меньше десятка валяются. Что оказалось? Илья с Кирилой Андреичем были с тем Коннорсом друзья, не разлей вода. Приехали ему помочь, да малость опоздали. Схлестнулись с бандой. И вдвоем чуть не всех положили. Вот такие они моряки.

Вот и суди сам, кого еще Гаврилыч мог позвать с собой на такое дело.

6

Ночью на шхуне, наверно, никто не сомкнул глаз. Но, сколько ни вглядывались, огня на берегу не увидели. Ни огонька, ни слабой искры.

- Сроку у них два дня, - сказал Петрович наутро. - Если сегодня до темноты не выйдут, сами пойдем навстречу. Орлов! Тебе нынче самая грязная работа достанется. Не обессудь, Павел Григорыч. Всей команде - такелаж ладить. А ты - за мной.

Они спустились в трюм, и боцман открыл сундук с оружием.

- Вот ветошь, вот масло. Тебе-то такая работа не в диковинку?

Орлов молча кивнул.

- К вечеру чтоб управился. Ночью высадишь Макара на берег. Если там нечисто, прикроешь его, чтоб мог обратно до лодки добежать. Ружье себе подбери.

- Макара? На берег?

- Больше некого. Акимовы по одному не ходят. Я староват. А Макарушка - он шустрый.

«Шустрый? По виду не скажешь», - подумал Орлов. Он умел отбирать людей в команду не по их желанию и не по рекомендациям, а по признакам, которые и сам бы не смог описать. По взгляду, по движениям, по речи и даже по молчанию и по тому, как держится человек в покое, - по всему этому Орлов видел, кто на что годится. Один хорош в засаде, другой в налете, а такого, как Макарушка, лучше оставить в лагере - он и костру не даст погаснуть, и мух от лошадей отгонит, а в случае чего и оборону держать сможет. Для чего Макарушка пойдет на берег? Если просто на разведку, то он для этого слишком впечатлительный. В разведку лучше бы послать черствого зануду. Вернувшись, тот доложит только о том, что видел, не примешивая свои мнения, предположения и чувства.

Но что толку - разведывать? Выручать их надо, а не разведывать. Способен на это Макарушка? Петрович приказал чистить оружие. Макарушка умеет хорошо стрелять? Возможно, ему доводилось охотиться. Но тут не охота, тут война. Где он мог порошу понюхать?

«Спокойнее, граф, - сказал себе Орлов. - Рветесь в бой? Пресытились мирной жизнью?»

Он не рвался в бой. Он очень хотел попасть домой, и поскорее. Но шхуна не направится к Галвестону, пока на ее борт не вернется капитан. А капитан - на берегу. Его надо оттуда вытащить. Но Макарушка с этим не справится.

- Лучше я пойду, - сказал Орлов.

- Может, оно и лучше, - хмуро глянул на него боцман. - Но дело такое, опасное дело. А ты вроде как пассажир.

- То-то и оно, - сказал Орлов. - От пассажира пользы никакой. А без кока - что за плаванье? Сделаем так: Макарушка меня высадит и - на шхуну. А на другую ночь заберет. Всех.

- Как знаешь, - ответил Петрович.

- Мне бы порошу с полфунта, черного. Найдется? Или из патронов вытряхивать?

- Сразу говори, что еще потребно?

- Пару веревок, подлиннее. Если дашь кресало и трут, не откажусь. А то у меня со спичками туговато. А так~ Вроде больше ничего и не требуется.

- Выдам, - кивнул боцман.

* * *

Капитан Орлов любил возиться с оружием и взялся за дело с таким воодушевлением, словно встретил старых друзей. Чистку он начал с двух своих револьверов. Уезжая в

Мексику, он взял с собой карманный «ремингтон» и кольт «Бизли», незаменимый в тех случаях, когда требовался особо точный выстрел. Смазав оружие, капитан Орлов занялся кольцами, доставшимися ему от «висельников». Вопреки ожиданиям, стволы оказались в превосходном состоянии, без ржавчины и грязи. У одного револьвера рукоятка была обтянута резиной, а у второго ореховые накладки были густо испещрены насечками. Орлов насчитал семнадцать с одной стороны и десять с другой. «Двадцать семь. А могло быть двадцать восемь», - подумал он. И вспомнил, как беззаботно курили «висельники», ожидая, пока он выроет для себя могилу. Поленились держать его на мушке. Видно, они привыкли, что им никто не оказывает сопротивления. Может быть, они и не собирались его убивать? Просто пугали? Что ж, им это удалось в полной мере.

Кроме револьверов, в сундуке лежали несколько винтовок. Вычистив их, Орлов решил, что возьмет с собой карабин Маузера, легкий и короткий. Надо будет только переделать ремень, чтоб носить винтовку на груди, по-охотничьи. Он закрыл сундук и выбрался из трюма.

- Закончил? - удивился боцман.

- Нет. Мне шило нужно. И нитка суровая.

- А говорил, ничего больше не требуется~ Ладно, найду. Погоди малость. Помоги мне с американцем разобраться.

- Ожил?

Спасенного репортера щедро напоили целебными препаратами с той же винокурни, где производился анисовый джин. Сутки напролет он пролежал в гамаке, лишь изредка вставая, чтобы справить нужду да выпить горячего бульона. Орлов и подзабыл о нем.

- Ожил-то он ожил, да больно прытким оказался. Подай то, принеси это. А теперь еще на берег ему захотелось. Поговори с ним. Меня он, вроде, не понимает.

Репортер лежал на палубе и строчил карандашом по бумажному обрывку. Судя по стопке таких же обрывков, он использовал для записей бумажный мешок из-под сухарей. Увидев Орлова, Холден на миг приподнял голову и сказал, продолжая при этом писать:

- Джим! Объясни своим друзьям, что я не сумасшедший. Я им целый час пытаюсь втолковать, что мне нужно попасть на берег, а они только улыбаются и пытаются снова напоить меня своими микстурами! Я не чокнутый, Джим! Мне просто нужно на берег! - Он поставил точку, сломав при этом карандаш. - Каррамба!

- Что тебе нужно на берегу? - спросил Орлов.

Ему было трудно говорить в такой же манере, как Холден. Отвык он от невнятных скороговорок, присущих жителям Новой Англии. Но репортер, услышав родную речь, зачастил еще быстрее и еще неразборчивей.

- Вот не думал, что придется объяснять такие простые вещи! Мои друзья там! Они меня ждут!

- Я был на берегу, - ответил Орлов. - И не заметил там никаких следов твоих друзей.

- Мои друзья не такие олухи, чтобы оставлять следы, - сказал Холден, шилом и суровой ниткой сшивая в тетрадь исписанные листки оберточной бумаги. - Я знаю, где они могут отсиживаться. Я обещал приплыть, и я сдержу слово. Ты хочешь, чтобы здесь, на Кубе, кто-то мог назвать нас, американцев, трусами и обманщиками?

- Френсис, не обижайся, но ты и вправду похож на чокнутого. Сам же говорил, что здесь кругом испанцы. И мне показалось, ты не очень-то хочешь с ними встретиться.

- Испанцы? - Холден прошелся по палубе, шаркая забинтованными ступнями. - Ну да, они тут шныряют повсюду. Но мы с тобой высадимся ночью. Если в лодке помещаются двое, для третьего найдется местечко. Что тут такого? У вас хорошая лодка, не сравнить с тем дырявым корытом, на каком я пытался перепрыгнуть через рифы.

- Да, лодка хорошая. Но по горам ходят не на лодке, а на ногах. На своих двоих. Вот заживут твои ноги, тогда и поговорим насчет прогулок на берег.

- Мои ноги - это *мои* ноги, - усмехнулся Холден. - Не знаю, какой дрянью их намазали. Воняет жутко. Но вонь ходьбе не мешает. Джим, в лодке я буду сидеть на подветренном

борт от тебя, если ты такой чувствительный. Ну что, согласен?

- Надо подумать.

- О чем тут думать! Тебе и делать ничего не придется, разве что пару раз взмахнуть веслами. А потом я обо всем напишу в газете! Это будет репортаж на пять тысяч слов! Сейчас все читают только о войне! Разве ты не хочешь, чтобы о тебе узнала вся Америка?

- Нет, - сказал капитан Орлов. - Не хочу.

- Ну, и кто из нас чокнутый после этого? - развел руками Холден.

* * *

Дневную вахту Павел провел на мачте, стоя с биноклем на самой верхней площадке и осматривая берег. Склоны, заросшие лесом, уже не казались ему сплошной непроницаемой стеной. Там угадывались тропы, просвечивали поляны, а в одном месте даже почудился дымок. Но вскоре небо затянуло тучами, и берег скрылся за пеленой дождя.

Вечером Орлов потратил не меньше часа, чтобы по-новому приладить ремень к карабину. Пробил пару новых дырок, пришил крючок. Теперь винтовка висела на груди, и руки были свободны. Чтобы изготавиться к стрельбе, достаточно было дернуть за кончик ремня, и тот, разъединившись, позволял мгновенно вжать приклад в плечо.

Выйдя на палубу, Орлов поупражнялся с карабином, подгоняя длину ремня. А потом, вздохнув, уложил маузер обратно в ящик.

Он уходил не просто в лес. Он уходил в горный лес. Там лишняя тяжесть может оказаться смертельной обузой. А если придется стрелять, то только в ближнем бою, где карабин проигрывает револьверу и даже хорошему клинку. Орлов достал из саквояжа свой засапожный нож и спрятал его за голенище.

- В сапогах пойдешь? - спросил Петрович, наблюдавший за его сборами. - В лесу днем - как в хорошей бане. Вздохнут ноги, собьешь в кровь.

- За день не собью.

- Сорочку не поменяешь? Так, в белой, и пойдешь?

- На берегу в саже изваляю. Там сажи много.

- Как знаешь. А то могу рубаху дать рабочую. Темную. Из запасов.

- Рабочая-то покрепче будет, - согласился Орлов.

- То-то и оно. Ружье не берешь?

- Обойдусь.

Он набил оружейный пояс патронами тридцать второго калибра, под свой кольт. Кобуру прицепил под мышку, чтоб не мешала при ходьбе. Мачете - слева, фляга с водой - сзади. Поприседал, попрыгал и снова немного передвинул пояс.

Освободив кисет от табака, он туго набил его зажигательной смесью из пороха и толченой коры, крепко-накрепко завязал и подвесил на шею. Кисет лег как раз поверх нательного креста, но Орлов понадеялся, что в том нет святотатства. В конце концов, все его действия будут бессмысленной тратой времени, если он не сможет в нужное время разжечь огонь, который увидят на шхуне.

Американец тоже собирался: разведя в воде золу из печки, красил ею тряпки на ногах. Петрович поглядел-поглядел на его старания, да и принес из трюма, вместе с парой черных рубах, резиновые сапоги, заляпанные разноцветными пятнами краски.

- Примерь-ка.

Холден осторожно натянул один сапог, хмыкнул, надел второй. Прошелся по палубе.

- Тяжелее, чем босиком, конечно. Но я не собираюсь бегать наперегонки. Спасибо. Когда вернусь, пришлю вам из Бостона целый ящик таких сапог, - пообещал репортер.

Петрович, явно заинтересовавшись такой перспективой, хотел что-то сказать, но вдруг раздался негромкий возглас наблюдателя с мачты:

- Вижу дым! Дым в лесу!

Орлов вскочил на фальшборт, схватившись за ванты, и вгляделся из-под руки в далекий лес на берегу бухты. Заходящее солнце ярко высветило макушки деревьев, и на этом золотистом фоне отчетливо виднелся дым. Он не поднимался к небу, а растекался над лесом, постепенно растворяясь.

- Наши?

- Посмотрим, - отозвался Петрович.

Несколько минут все, не проронив ни слова, глядели на еле заметные завитки, тающие над листвой.

- Нет. Не наши, - заявил боцман. - Чужие жгут. Орлов, запомнил место?

- Да.

- Туда не суйся.

«Туда-то я и загляну в первую очередь», - подумал Орлов.

* * *

Ночью, прежде чем спуститься в ялик, Орлову пришлось выпить какого-то зелья, настоятельно предложенного боцманом.

- Будешь в темноте видеть, - сказал Петрович. - В лесу любую тропинку найдешь. Три дня можешь не спать, не есть. Только не забывай воду пить, да отдыхай чаще. Хоть пять минут, но полежи.

- Спасибо, - с трудом ответил Орлов, у которого скулы свело от невыносимой кислотины.

- И не шуми там, - добавил боцман. - Если наших поблизости нет, возвращайся. Будем ждать. Я их знаю. Сами вернутся.

Холден, который первым перелез через борт шхуны, подал голос снизу, из ялика:

- А мне почему не дали выпить?

- Ты к такому питью непривычен, - буркнул Петрович. - С Богом. Не шумите только.

Отлив обнажил мерцающую дугу пляжа, и Орлов не рискнул высаживаться на белоснежном песке, где их черные фигуры были бы слишком заметны. Он показал Макарушке, чтобы тот греб к причалу. Сейчас, при низкой воде, под сваями проступил насыпной мол. Они дошли по нему до берега, не замочив колен.

Оглянувшись, Орлов не обнаружил лодки, уходящей обратно на шхуну. Макарушка греб бесшумно, а темнота была такая плотная, что не различить ни моря, ни скал, ни неба, затянутого тучами.

«Вот те раз, - подумал Орлов, все еще ощущая во рту кислое жжение. - Неужто обманул Петрович?» Боцманское снадобье не помогало. Даже наоборот, Орлову казалось, что он видел в темноте хуже, чем его непьющий спутник. Холден шагал впереди уверенно и быстро. Он бесшумно раздвинул камыши, и под его сапогами зачавкала грязь.

- Заберемся выше по ручью, - шепнул он, оглянувшись. - Я тут знаю одно место, где можно переждать ночь. Утром разойдемся. Только не броди по открытым местам, здесь все просматривается со скал.

- Кем?

- У испанцев новая тактика. Всюду рассадили наблюдателей с оптикой. Следят за любым движущимся предметом. Если заметят что-то интересное, отправляют донесение на ближайший блок-пост. Оттуда выдвигаются *лансерос*, конная группа. Лично мне неохота с ними встречаться.

- Мне тоже, - сказал Орлов.

* * *

Тропа пошла в гору, и тростник перестал со свистом скользить по одежде. Подъем был крут. Приходилось хвататься за корни, торчащие из земли. Глянув вверх, Орлов вдруг различил между деревьями черное пятно.

- Что там, пещера?

- Да. Мы в прошлый раз забросали вход ветками, сейчас придется немного полазить, поискать на ощупь.

- Не придется. Может, твои парни уже в ней?

- Нет. Они там, в скалах. Ничего, я их все равно найду. - Холден опустил на четвереньки, ощупывая землю руками. - Так-так, это где-то здесь~

- Да вот же она. - Орлов обошел его и направился к куче хвороста, наваленной у скальной стены. - Добро пожаловать в отель.

- Не спеши. Номер может быть занят крайне неприятными жильцами. - Холден зажег спичку и осмотрел низкую пещеру. - В прошлый раз пришлось долго выгонять отсюда змею. Ну, на этот раз, кажется, чисто. Заходи.

- Ты должен был сказать «заползай», - проворчал Орлов, забираясь вслед за ним.

Едва они снова прикрыли вход хворостом, как по веткам застучали крупные капли дождя.

- Опять льет, - проговорил репортер. - Хорошо. В дождь испанцы сидят под крышей, пьют ром и ругают погоду. Можно смело ходить у них под носом. Лишь бы не зарядило надолго. Бывает, так льет, что в незаметном ручье вода поднимается на два-три фута и смывает все на своем пути. В дождь по лесу трудно идти. Иногда - невозможно. Но зато - безопасно. Не подстрелят.

- Ты давно здесь?

- Где? На Кубе? С девяносто пятого года, наездами. Джим, ты что, газет не читаешь?

- Не читаю, - признался Орлов.

- Ага, и вся твоя команда тоже? Тогда понятно. От Флориды до Коннектикута мое имя известно любой домохозяйке. Но ваша шхуна, наверно, редко заходит в восточные порты. - Холден сгреб в кучу сухую траву, разбросанную по углам пещеры, и разлегся на ней. - Значит, не читаешь газет? Ну, и правильно делаешь. Я тебе и так все могу рассказать. Знаешь, сам иногда удивляюсь. Пишу репортаж, отправляю в редакцию. Потом читаю в газете и не узнаю свой текст. Вроде все слова на месте, а смысл совсем другой. Я с девяносто пятого года пишу о том, как кубинцы дерутся за свою независимость. А получается, что они страдают под гнетом Испании.

- Ну, и в чем разница?

- Если испанцы такие нехорошие, значит, несчастным кубинцам надо помочь. А кто годится на эту роль лучше, чем «дядюшка Сэм⁴»? Но дело-то в том, что, оказав помощь - о которой, кстати, нас никто не просил, - мы останемся тут надолго. И все начнется сначала. Только вместо испанцев угнетателями станем мы.

- И кубинцы снова начнут воевать?

- Вот именно. Но это будет совсем другая война. Сейчас кубинцы дерутся друг с другом. А если они повернут оружие против нас, то объединятся. И тогда у нас не будет шансов.

- Постой, постой. Почему ты говоришь, что они дерутся друг с другом?

- Потому что кроме Освободительной армии здесь действуют еще десятки разных соединений. Слышал что-нибудь про «Солнце Боливара»? Про «Легион Черного орла»? А про «герильерос»? Это такие партизаны, которые уничтожают других партизан, которых называют «мамби».

- «Герильерос» воюют за испанцев?

- Нет, за плантаторов. Каждый крупный плантатор содержит собственную армию. Вот

⁴ Дядя Сэм - Uncle Sam, шутливая расшифровка сокращения USA.

«лансерос», конники, те помогают испанцам. «Лансерос» почти все из местных. Это Куба. Здесь могут воевать только кубинцы. Приезжие торчат в гарнизонах и занимаются тем, что безвылазно сидят в сортирах, копают могилы и хоронят друг друга. Малярия косит их точно так же, как и наших ребят, которые имели глупость высадиться в самое гиблое время.

- Так ты считаешь, Америке не надо было вмешиваться?

- Конечно. Это не наша война. Это даже вообще не война.

- А что?

- Как бы тебе объяснить~ Скажем, Франция и Пруссия воевали из-за угольных районов. Или вот Россия пыталась отнять у турок Босфор и Дарданеллы~ Слыхал об этом? Ну, неважно. Но про то, как Америка воевала с Англией, знают даже на твоей шхуне. Так вот, та заварушка, что приключилась между французами и пруссаками, между русскими и турками, - это война. А то, что было у нас с англичанами, - это революция. Англия называла это мятежом. Понимаешь? Мы были колонией. Частью империи. Мы когда-то сами были англичанами. Англия вложила деньги в освоение новых земель, послала туда своих людей, рассчитывала получить доход. Подданные - это бараны, которых надо стричь. Чем больше у тебя баранов, и чем лучше они живут, тем больше шерсти ты с них сострижешь. Англия стригла чуть не половину мира. И вдруг, спустя какое-то время, мы говорим: знать вас не знаем и платить вам ничего не будем. Мы объявляем независимость. Понимаешь? Мы говорим на одном языке, у нас одна религия, одна история. Мы с англичанами - один народ, только живем на разных берегах океана. И на этом чисто географическом основании решаем стать независимой страной.

- Ну и правильно, - равнодушно сказал Орлов.

- Точно такая же штука и здесь, на Кубе, - продолжал Холден. - И во всех остальных колониях. Испанцы дали всем этим Колумбиям и Аргентинам свой язык, свою культуру. И остались с носом. Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины - они тоже оторвутся от метрополии, потому что география сильнее культуры, языка и религии. Если какой-то кусок земли имеет естественные границы, там рано или поздно заведутся люди, которые захотят основать собственное государство. Чтобы самим стричь баранов и всю шерсть оставлять себе, а не отправлять каким-то неведомым далеким правителям.

- Такие люди уже завелись на Кубе?

- В том-то и беда, что нет. Здесь почти нет местных богачей, только испанские и наши. Кубинская хунта - беспросветные идеалисты. Хотят построить абсолютно новое государство. Где у черных и белых будут равные права. Где будут выборы. Будет свободная пресса, а также все прочее, что эти лидеры могли подглядеть у нас, пока сидели в эмиграции в Нью-Йорке или во Флориде. Профсоюзы, страхование, бесплатные школы и так далее. Вот такие программы. А нашим магнатам хочется просто занять на Кубе то место, какое сейчас занимает Испания. И оставить все как есть. Но кубинцы сами не прочь управлять своим островом. Вот об этом я и пишу в своих репортажах. А ты их не читаешь. Да, наверно, их никто не читает. Репортаж неинтересен для публики. Он слишком сух и короток. Зачем читать сообщение с поля боя или из госпиталя, когда можно полюбоваться яркими картинками? Кубинскую войну рисуют художники, которые никогда не видели ни войны, ни Кубы. Они изображают всех испанцев мерзкими усачами в синих мундирах с золотыми погонами. А мундиры на самом деле не синие и даже не голубые. Они, скорее, белые, в тонкую голубую полоску. Очень удобные, кстати. И воюют испанцы отменно. Они бесстрашны и дисциплинированы. Наши любят живописать ужасы расстрелов. Но война есть война. Мои друзья «мамби» не берут пленных, разве что на час-другой. Но об этом никто никогда не напишет. Хотя о войне сейчас пишут все. Фельетонисты. Политические обозреватели. Составители дамских страничек~ - Холден сложил руки под головой и зевнул.

- Посплю хоть пару часов. Скоро рассвет.

Орлову не хотелось спать. Снадобье все же действовало. Темнота пещеры казалась ему прозрачной: он видел нависающие своды и стены в светлых потеках и даже различал в углу копыт, оставшуюся от давнего костра.

- Знаешь, я ведь сразу подумал, что ты не больно-то похож на репортера, - сказал он. - Видел я газетчиков. Все такие важные, круче президента.

- Президент? Да кто он такой? Временный сотрудник администрации. От него ничего не зависит. Миром правят газеты.

- Миром правят деньги.

- Ну да, конечно, деньги. Но - через газеты. Если бы в газетах не написали, что «Мэн» взорвали испанцы, разве Конгресс решился бы объявить войну Испании? А если бы газеты не кричали, что американцам в Гаване грозят погромами, разве «Мэн» пошел бы на Кубу? Неплохая защита от погромов - броненосец!

* * *

У капитана Орлова было особое мнение насчет истории с «Мэном». Этот броненосный крейсер три недели стоял на гаванском рейде. Американские наблюдатели, прибывшие на нем, следили за тем, как испанские власти обеспечивают безопасность граждан Северо-Американских Штатов, ведущих свой бизнес на Кубе. За три недели можно успеть многое. Например, сосчитать количество крепостных орудий, определить их сектора обстрела, вычислить дистанции, с которых удастся безнаказанно бомбардировать город с моря. Можно также наладить работу сети осведомителей, сигнальщиков и корректировщиков огня. Для военного разведчика три недели легальной работы - это очень большой срок.

Когда же три недели истекли, весь офицерский состав сошел на берег и отправился на прием в резиденции американского посла. На борту остались две сотни матросов-негров и несколько младших офицеров. Все они погибли, когда прогремел мощный взрыв, и крейсер исчез под водой.

Американские газеты в один голос твердили, что взрыв стал результатом диверсии. Кто, кроме испанцев, мог это сделать? Дальше - как обычно. Ультиматум с невыполнимыми требованиями. И война.

* * *

- Значит, по-твоему, войну начали газетчики? - спросил Орлов.

- Да. И задолго до того, как ее объявили официально. Мы писали об испанцах как о врагах, начиная примерно с сентября прошлого года. Тогда стало ясно, что Освободительная армия полностью владеет ситуацией и только ждет удобного момента, чтобы войти в Гавану. Но их вожди снова затеяли переговоры с союзниками и с администрацией, и снова сами же их завели в тупик. А потом кончился сухой сезон, и все боевые действия снова угасли под дождем. Это Куба. Здесь воюют только при хорошей погоде. Ну, а нашим стратегам показалось, что наступил самый удобный момент, чтобы вмешаться. Испанцы обескровлены, сопротивляться не смогут. Вот нам и пришлось поторопиться, чтобы не опоздать к празднику.

- Но газетчики не могли взорвать броненосец.

- Ха-ха. Скажи это испанцам. Они-то как раз утверждали, что незадолго до взрыва у судна крутилась лодка с американскими репортерами, и они поднимались на борт, и у них был с собой динамит. Бред. Такой же бред, как мина. Не было никакой мины. Скорее всего, вахта расслабилась, недосмотрела за приборами, взорвался котел, от него детонировала угольная пыль, а потом и боезапас. Взрыв был внутри судна, а не наружным. Ударная волна выбила стекла в домах. А оглушенной рыбы никто не видел. Тебе нужны другие аргументы? Их у меня - целая куча. Но меня никто не хотел слушать. Я написал, что нет никаких доказательств того, что наш корабль потопили испанцы. И этой строчкой заканчивался отправленный репортаж. Но когда он был напечатан, после моих слов появилась еще одна

строчка. «Доказательств нет. Преступники позаботились о том, чтобы скрыть следы. Но возмездие неотвратимо». Что-то в таком духе, не помню точно.

- Ты стал спорить с редактором?

- Нет. Меня отозвали с Кубы, чтобы отправить на Аляску. А я послал всех к черту и остался здесь. Я должен разобраться.

- В чем?

- Джим, не обижайся, но вряд ли ты поймешь. Ты не читаешь газет. Ты не знаешь, кто такие Пулитцер и Херст~

- Знаю.

- Ах, знаешь? - Холден порывисто приподнялся на локте, пытаясь разглядеть в темноте лицо собеседника. - Ты смеешься надо мной? Скажи, если знаешь: что между ними общего? Пулитцер - иммигрант, венгерский еврей, едва говорящий по-английски. Уильям Рэндольф Херст - сын миллиардера, и сам миллиардер. Что общего между ними?

- Ну, они издают газеты.

- Каррамба! Издателей - целая армия, и все они грызутся между собой. Но почему два самых крупных нью-йоркских издателя вдруг запели в унисон? Они не спорят друг с другом, как обычно. А повторяют друг за другом одно и то же. Они давным-давно начали кричать: «Нам нужна война с Испанией!» И правительство не могло заткнуть им рот. Хотя Штатам вовсе не нужна война. Штатам нужна Куба? Да, наверно. Так почему бы ее просто не купить у Испании? Купили же мы Аляску, Луизиану, Калифорнию, Аризону~

- Наверно, Пулитцеру и Херсту кто-то заплатил. Тот, кому выгодна война.

- Вот именно! - Холден снова заворочался, укладываясь на соломе. - Вот я и хочу узнать, кому выгодна эта война. Но не думай, что я напишу об этом очередной репортаж. Нет. Газеты - дерьмо. Я напишу книгу об этой войне. Если ты дашь мне выспаться.

Орлов больше не стал ему мешать, и через минуту Холден засопел во сне.

«Как он спокоен, - с завистью подумал Орлов. - На чужом берегу, в темной пещере, окруженной врагами. И спит, как младенец. Да нет, этот берег для него не чужой. Он здесь работает. А я-то что тут делаю?»

Здесь, на чужом берегу, посреди чужой войны, ему надо было отыскать своих.

И он не стал терять время. Раздвинул хворост и шагнул в темноту, пока волшебное зелье Петровича не перестало действовать.

7

Старые, позабытые навыки можно восстановить, если вспомнить самые первые шаги обучения. Найти ниточку, торчащую из клубка, дернуть за нее - и клубок сам собой разматывается. «С чего же я начинал читать следы?» - думал Орлов, стоя под пальмой и оглядывая то пустынный пляж, то неприступную стену леса.

Но вместо первых уроков следопытства ему почему-то вспоминались первые нефтяные вышки. Вспоминались первые партнеры и то, как они наказывали его за доверчивость. Вспомнил он и то, сколько денег и времени было потрачено на поиски юкатанской нефти. Они с Верой намеревались там, на Юкатане, вести дело по-новому. Прежде они только начинали осваивать месторождение. Как только скважина давала двадцать баррелей в день, они продавали ее той или иной компании и уходили на новое место. Теперь же, накопив деньги и опыт, они хотели построить собственную цепочку - добычу, очистку, транспортировку нефти и производство керосина. У них имелись необходимые связи, они могли опираться на проверенный банк, было у них и юридическое обеспечение. Не было только одного - желания бросать налаженную жизнь и погружаться в бурный поток нефтяного бизнеса.

«Вот и не будет теперь никакого бизнеса, - подумал Орлов. - Полковник Терразас не даст мне вернуться в Мексику. Забудем о незаработанных миллионах. Будем и дальше сверлить дырки в земле, кочуя по свету. А что? Вполне достойный труд. Как говорится,

жизнь должна быть многотрудной. Господи, кто же это сказал? Паттерсон?»

Федеральный маршал Нэт Паттерсон, с которым Орлов сдружился за годы рейнджерской службы, любил иногда щегольнуть неожиданной цитатой. Он, правда, читал только труды по истории кавалерии, поэтому его высказывания больше касались лошадей, чем людей.

Что ж, лошадям тоже живется нелегко. Но фраза, так не вовремя всплывшая в памяти Орлова, все-таки принадлежала не Паттерсону. «Жизнь воина должна быть многотрудной~ Нет, я это слышал еще до того, как попал в Америку. Кто же так говорил?»

Детство Павлуши Орлова прошло под присмотром двоих старых солдат. В городском доме его опекал англичанин Бартл, а в поместье - казак Нестеренко. Бартл, как Орлов узнал спустя много лет, на самом деле был ирландцем, бежавшим с английского флота, чтобы не быть вздернутым на рее. Мог ли он произнести столь глубокую сентенцию? «Жизнь воина должна быть многотрудной». Вряд ли.

Но не от Нестеренки же услышишь такое! От того можно было услышать разве что песни с непонятными для ребенка словами и с целыми куплетами, которые не произносились вслух, а лишь насвистывались. И еще старый казак называл зайца ушканом, а волка - бирюком. И, идя по заячьему следу, безошибочно угадывал, в какую сторону скакнет ушастый, чтобы сменить направление и завязать новый узел на своей петле.

Петля, вот с чего надо начать.

Пройти по кругу. Если не встретится след, описать новый круг, более широкий.

Так учил его Нестеренко. Наверно, он и про дождь что-то говорил - жаль, память слаба. Как искать следы под ливнем? Как искать следы на воде, которая струится мимо тебя со склона, унося листву, траву и сухие ветви - все то, на чем остаются следы?

Орлов поднял воротник, чтобы дождь не затекал под робу, и зашагал вверх по склону. Туда, где вечером был виден дымок.

Он не пробивался сквозь заросли, потому что обнаружил извилистую, еле заметную тропку, ведущую от ручья вверх. Какой зверь натоптал ее в этом лесу, спускаясь к водопою? Не слишком крупный, судя по тому, что ветки смыкались чуть выше орловских коленей. Они смыкались и податливо размыкались, и влажная листва шуршала, словно отфыркивалась. Он старался идти не слишком быстро, без рывков и остановок, чтобы неизбежный шум от ходьбы сливался с монотонным шумом дождя.

Неожиданно дождь прекратился, и Орлов застыл на полушаге, прислушиваясь к звукам последних падающих капель. Он осторожно поставил ногу и повел головой из стороны в сторону, вытянув шею и пригнувшись. Звонко щелкали капли, стекая с листьев. Захлопала мягкими крыльями ночная птица. Сова? Перелетает на сухую ветку? Или заметила мышку, которая выскочила из затопленной норы?

И вдруг в ночном лесу тихо и робко проблеяла коза.

Это, такое домашнее, «бе-е» длилось не более пары секунд, но Орлов успел определить направление. Его ничуть не удивило, что звук исходил с той же стороны, где был замечен дым. Все складывается логично, одно к одному. Дым - это жилье, а жилье - это хозяйство, а хозяйство - это козы, лошади, собаки~

Собак Орлов не любил с детства. Своей у него никогда не имелось, а от чужих вечно были разные неприятности, неизбежные при тайных операциях в чужих садах. У мачехи под ногами вертелись тонконогие левретки. Вот же омерзительные твари!

«Вспоминай, вспоминай, - приказывал он себе. - Плюнь на левреток. Ты вспоминай, чему тебя учил Нестеренко».

Лето перед поступлением в военное училище Павлуша провел в лагерях, где отец отбирал разведчиков из молодых солдат, временно прикомандированных к его полку. Несколько унтер-офицеров исполняли роль строгих судей во время различных испытаний, Нестеренко же находился вместе с испытуемыми, как бы доказывая им, что если уж сорокалетний старик справляется с переправой через речку в полной пластунской экипировке, то вам-то, юным и цветущим, грех жаловаться.

Сначала Павлуша только наблюдал, как каждое утро десятки парней бегают наперегонки по сопкам, потом уговорил отца и стал проходить все испытания вместе с разведчиками. Правда, он был обязан все время держаться рядом с Нестеренко. Ну и, само собой, оружия ему никакого не дали, поэтому на стрельбах ему пришлось сидеть в окопчике и крутить колесо, которое приводило в движение далекие фигурки бегущих мишеней. Зато в скрытном марше мимо наблюдательных постов или в подкрадывании к часовым Павлуша зарабатывал только отличные оценки. Уход от погони, тайное выдвижение из лагеря, розыски спрятавшихся командиров - во всех этих увлекательнейших играх он был на равных с солдатами, а те относились к происходящему с таким же, как у него, юношеским азартом.

Однажды всех разведчиков увели далеко в незнакомый лес. Унтеры долго водили их кругами по непролазным дебрям, а потом приказали возвращаться в лагерь по одному. «Пусть каждый выбирается, как хочет. Обедать будете, когда придете». Павлуша кружил часа четыре. Когда вышел к лагерю, отец уже пообедал и отбыл в штаб, оставив сыну записку: «Хороший разведчик всегда сыт, плохой вечно голоден». Павлуша почесал затылок, потом - пустой живот. Но не расстроился, а отправился на кухню к знакомому кашевару, и тот разогрел ему остатки обеда. После чего на обороте отцовской записки появился ответ: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», а сытый и довольный разведчик отправился удить рыбу.

Да, он тогда считал себя настоящим разведчиком и весьма гордился собой. Пройдет немного времени, и жизнь примется усердно щелкать его по носу, показывая, как далеко ему до настоящего разведчика. Но когда отец позволил ему присутствовать на торжественном марше, Павлуша, хоть и стоял далеко от строя, вытягивался в струнку и держал руки по швам, точно так же, как и солдаты, зачисленные в полк. Вот тогда-то оно и прозвучало~

«Жизнь воина должна быть многотрудной. Потому что трудности рождают упорство, а без упорства нет победы. Ни оружие, ни диспозиция, ни стратегия не принесут победы, если не будет в солдате победного духа», - речь командира разносилась над плацем, и каждое слово вонзалось в память, как гвоздь в доску.

Почему же только сейчас он вспомнил, что эти слова принадлежат его собственному отцу?

Наверно, потому, что там, на плацу, не было у него отца-матери, не было семьи и прочих глупостей. Был полк, был царь, и было Отечество. И впереди расстилалась ясная дорога - служба, победы и подвиги.

«Что-то я все не то вспоминаю, - огорчился Орлов. - Выбил из колеи. Старый я, никчемный. Штатский, одним словом. Все позабыл, все растерял. Надеюсь, там, куда я иду, нет собак. Только коза. Да ведь и коза может переполошить всех, если чужого заметит. Эх, граф, ваше место в деревне, на диване. Вам бы сейчас старые календари перелистывать, да с ключницей браниться, а вы все по лесам по заморским шастаете~»

Он увидел широкий просвет между деревьями и ощутил под ногой твердую, утопанную землю. Орлов стоял перед лесной дорогой, и лишь широкая ветка папоротника отделяла его от нее. Здесь пахло лошадиным навозом и конской сбруей. Но еще сильнее ощущался запах человеческой мочи. «Словно рота прошла», - подумал он. И весь сжался от предчувствия беды. Если тут прошла рота испанских солдат~ И если он им попадется~

Снова коротко, жалобно подала голос коза. И Орлов успокоился. Солдаты с козами не возятся. Здесь где-то поблизости прячутся крестьяне. Почему прячутся? Потому что война. Сейчас все прячутся друг от друга.

* * *

Люди сидели на земле, прижимаясь спинами к высоким колесам повозок. Почему-то они не спрятались от дождя под деревьями, где сидели другие. Наверно, потому что те, другие, носили на себе патронташи через плечо. И винтовки виднелись рядом, составленные

в три пирамидки. А вот те, кто сидел у повозок~ Орлов пригляделся. Они неподвижно сидели на мокрой земле, и вокруг них блестели лужи. Почему же они не встанут, не пересядут?

Потому что они связаны. Их руки были связаны за спиной. И, наверно, крепко прихвачены к колесам.

Связанные - их было семеро - молчали. А под деревьями не умолкал негромкий спор. Он прислушался. Два слова повторялись чаще других. Одно было «пуэнте», мост. Другое слово, звучавшее не так отчетливо, заставило его подойти ближе - неужели они говорят про «экстранерос», про иностранцев?

Сидевшие под деревьями пререкались, кому чинить мост через овраг. Никто не хотел этим заниматься.

«Да, это не солдаты», - понял Орлов и окончательно успокоился. С бандитами будет проще. Среди них не было командира. Не было даже старшего. У каждого имелось свое мнение, и он им весьма дорожил. Большинство склонялось к тому, что мост вовсе незачем чинить.

- Через реку можно перейти в другом месте, там обрыв не так крут.

- А что делать с телегами? С козами и свиньями? С мешками риса и фасоли? Зря, что ли, набрали всякого добра по деревням?

- Телеги бросим в лесу. Носильщиков навьючим.

- Их всего десять, им все не унести.

«Ага, десять, - отметил Орлов. - Значит, еще трое где-то сидят».

- Лучше заставим их мост починить.

- Опять ты за свое? День потеряем. Ты же знаешь, как работает деревенщина. Им только в говне ковыряться. Умели бы работать, жили бы в городе.

- День потеряем? Зато груз сохраним.

- Ни черта ты не сохранишь, если нас тут застанут парни Эрнесто Карденаса. Уходить надо поскорее.

- Говорят, Эрнесто давно убили.

- А если нет? Тут - его места, и его парни не потерпят чужаков. Мне неохота с ними разбираться.

- Так чего ж мы тут сидим, время теряем? Починим мост и поскорее смоемся!

Орлов понял, что этот спор будет тянуться бесконечно. Он бы давно ушел, но ему хотелось выяснить, о каких иностранцах тут могла идти речь. До бандитов было не больше десятка шагов. Один из них чиркнул спичкой, и Орлов, прячась за деревом, опустил голову, чтобы лицо не отсвечивало в темноте.

- Деревенщина прекрасно умеет работать, ее надо только заставить. Выпустить одному кишки, другие станут послушнее.

- Нет, пусть иностранцы поработают! Тот, в очках, сказал, что он инженер. Он знает толк в мостах! Пусть чинит!

«Тот, что в очках!» - отозвалось внутри Орлова.

- Их нельзя трогать. Приведем к Бобу Клейтону, он скажет, что с ними делать.

«К Бобу Клейтону? Не знал, что кубинцы могут носить такие имена. Клейтон~.»

- С ними ничего не случится, если малость поработают. А не нравится, кишки выпустим!

- Клейтон самому тебе кишки выпустит, если ты убьешь гринго.

- Тот, что в очках, - он не гринго. Двое других - не знаю, но этот - точно не гринго.

- Гринго разные бывают.

- Лучше не связываться с иностранцами.

- Лучше было сразу их завалить, а теперь уже поздно. Деревенские их видели, могут проболтаться. Теперь придется тащить их за собой до самого сентралья~⁵

⁵ Сентраль - на Кубе - сахарный завод с плантацией.

«Значит, они здесь, - подумал Орлов. - Все трое: Беренс, Кирилл, Илья. Как же они попались бандитам? Вроде не дети малые, могли бы поостеречься. Эх, чуяло мое сердце, нельзя было их одних отпускать. Возись теперь с ними. Так, сначала давай запомним то, над чем подумаешь на досуге. Их база - на сентрале. Значит, где-то рядом - сахарная плантация? Но здесь горы. Странно. Кто такой Боб Клейтон? И почему парень с американским именем командует кубинцами? И Эрнесто, Эрнесто~ Эрнесто Карденас. Это его места. Его убили? Неважно. Зато теперь есть хоть какой-то ориентир. Земля Карденаса. Все это надо запомнить. Пригодится».

Тем временем глаза его странным образом приспособились к ночной темноте. Все, на что смотрел Орлов, словно подсвечивалось пепельно-серым лучом, а вокруг стояла непроницаемая чернота. Стоило отвести взгляд, как то, что только что было видимым, исчезало в ночи. Это было довольно неудобно, но все же лучше, чем полная слепота. И Орлов поспешил воспользоваться неожиданным даром, пока он не пропал.

Он прикинул достоинства и недостатки ситуации. Плохо, что бандитов так много: в пирамидах стояли четырнадцать винтовок. Хорошо, что у них нет единого командования. Они разобьются на мелкие группы, как только начнется дело. А то и разбегутся по одному.

Что еще хорошего можно сказать о противнике? Боевой дух - низкий, весьма низкий. Никакого настроения на драку. Голоса утомленные, апатичные. Только один из них все порывается «выпустить кишки», но и то - вяло, лениво. Дойдет до дела - такие вояки разбегутся по кочкам.

Что плохо? Они знают местность.

Такое преимущество часто оказывается решающим.

Но и Орлов уже кое-что знал. Даже с закрытыми глазами он мог бы ориентироваться по одному только уклону.

Внизу - море и причал. Вверху - враг. Кроме того, ему был известен маршрут, по которому рано или поздно пойдет банда. Она пойдет по дороге, а дорога упрется в сломанный мост. Значит, надо всего лишь опередить противника и встретить его там, у моста~

Он еще не все просчитал, а ноги уже несли его туда, откуда слышался шум бегущей воды.

«Костер, - думал он на ходу, - мне нужен костер. И не один. Вот и тема для новой главы в будущем учебнике по войне в джунглях: как развести огонь во влажном лесу?»

8

Виктор Гаврилович Беренс отнюдь не был аристократом. Принадлежа к тому поколению офицеров, которые выросли из «кухаркиных детей», «учась на медные деньги», он был неприхотлив, терпелив и покладист во всем, что касалось его бытовых условий. Но, оказавшись запертым в крытой повозке вместе со связанными козами и свиньями, он не мог сдержать чувств. Все вершины матросского красноречия, постигнутые им за годы флотской службы, обрушились на ни в чем не повинных животных.

- Это вы по какому поводу? - спросил, дождавшись паузы, Остерман.

- Прошу прощения. Но если б вы вляпались рукой, пардон, в дерьмо-с~

- И не в такое попадали. А все же под крышей приятнее, чем под дождем. И заметьте, нас не связали, как прочих. Так что считайте, что нам оказали особое гостеприимство.

- А я-то думал, нас в плен взяли, - буркнул из темноты Кирилл.

- Не смей меня. Когда это нас в плен брали? Захотим - уйдем, верно, Виктор Гаврилович? Хотите, сию минуту устроим в лучшем виде? Раз уж вам так неловко тут находиться~

- Нет-нет, господа, прошу без импровизаций. Возможно, их командиру известно что-

нибудь о наших людях. В конце концов, мы тут больше ни к кому обратиться не можем.

- Разве что к козам.

Беренс не поддержал шутливую тональность разговора. Он старался подавить глухое раздражение, вызванное беспечностью спутников. С того самого момента, как их внезапно окружили бандиты, Илья и Кирилл держались подчеркнуто спокойно, словно не замечая нацеленных на них винтовок. Они не проронили ни слова, пока Беренс объяснялся с бандитами. Но когда к ним обратились, то оба отвечали на беглом испанском, отвечали почтительно, однако без робости, а Илья даже отпустил пару шуточек, вызвавших ухмылки на угрюмых рожах повстанцев. Кто-то, впрочем, предложил сразу «выпустить кишки этим чертовым иностранцам», но тут вмешался угрюмый бородач, до сих пор молчавший. Он напомнил, что иностранцев приказано не обижать, доставлять в сентраль, а уж там Клейтон с ними разберется.

Бандиты, промышляющие в этих горах, несомненно, знали обо всем, что тут происходило, а ко многим событиям и сами приложили руку. Так что у Беренса не было причин огорчаться: скоро он сможет поговорить с самим главарем и все узнает. Правда, неизвестно, позволят ли ему продолжить поиски или хотя бы вернуться на шхуну. Кто знает, что на уме у этих головорезов? Впрочем, Виктор Гаврилович старался не заглядывать в будущее, а решал задачи в порядке их постановки. На данный момент его задача состояла в том, чтобы выяснить судьбу исчезнувшего поселения.

А вот его спутники невольно мешали исполнению этой задачи, в то время как он рассчитывал на их помощь. Илья с Кириллом явно собрались выкинуть какой-нибудь рискованный номер, вроде побега. В непринужденности их поведения угадывалось тщательно скрываемое превосходство - так взрослые присаживаются на корточки, чтобы поиграть с детьми.

Они и с ним держались примерно так же. Правда, он заметил это не сразу. Поначалу Беренса свели с Остерманом. В русской общине Галвестона Илья имел репутацию человека, способного «улаживать дела», используя дружеские связи среди юристов, крупных бизнесменов и высокопоставленных чиновников. На первую встречу он явился гладко выбритым, в дорогом костюме и в белых перчатках. Когда же Виктор Гаврилович без обиняков изложил ему суть дела, Остерман усмехнулся, потер подбородок и, после минутных раздумий, сказал, что через три дня будет ждать Беренса в одном из портовых отелей. «Форма одежды - простонародная», - добавил он.

И там, в грязном и шумном ресторане, сведя Беренса с Кириллом, Илья уже вел себя немного покровительственно. Наверно, Виктор Гаврилович не смог тогда скрыть, что чувствовал себя белой вороной среди пьяной матросской толпы. Если выражаться точнее, то толпа была даже не матросской. Глядя на этих оборванцев, Беренс невольно вспомнил, что Галвестон, процветающий порт и респектабельный город, возник на месте пиратской гавани. Потомки флибустьеров не утратили духа и привычек своих отчаянных предков. Ром лился рекой, сквозь табачный дым не видно было лиц собеседников, многоязыкая речь заглушалась женским смехом. Виктор Гаврилович никогда прежде не посещал столь низкопробные заведения и, наверно, выглядел довольно сконфуженным.

К счастью, беседа, как и следовало ожидать, получилась не слишком длинной. Беренс полагал, что любой капитан на месте Кирилла сразу бы отказался от такого предложения - пройти сквозь блокаду, миновать рифы, забрать с берега людей, а потом пуститься в еще более опасный обратный путь. И Кирилл не стал тянуть. Ответил быстро, но не так, как ожидал Беренс.

«Добро. Я могу пойти капитаном на вашей шхуне, - сказал он. - Мое условие: команду набираю я сам».

«Это и подразумевалось».

«Сколько будет пассажиров?»

«Столько, сколько поместится».

«То есть может потребоваться не одна ходка?» - чуть нахмурившись, уточнил Кирилл.

«Я буду рад, если мы сейчас сможем вывезти хотя бы половину», - сказал Беренс.

«А остальные?»

«Остальных, может быть, вывезут позже, когда все уладится~»

«Может быть?»

«У меня мало времени. Я должен все завершить не позднее определенного срока. Поэтому не будем заглядывать в будущее. Когда вы будете готовы выйти в море?»

«Зависит от состояния судна. Я должен осмотреть вашу шхуну вместе с плотником и боцманом. Затем понадобится время, чтобы сделать все нужные запасы. Но обычно дольше всего приходится ждать, пока выправят бумаги », - Кирилл глянул на Остермана.

Тот снисходительно улыбнулся:

«Да хоть завтра утром можешь поднять флаг Русского географического общества. Кира, ты еще никогда не выходил в море с такими безупречными бумагами».

Юридическая сторона дела была проработана довольно тщательно, но в море юристы не помогут. Что толку в документах, если «научную» шхуну с толпой иностранцев на борту остановят в виду кубинского берега, в зоне блокады? И ведь неважно, кто остановит, испанцы или американцы - неприятности гарантированы в любом случае. Лучше сразу выброситься на рифы, уничтожить лишние бумаги и дальше идти разрозненными группами на веслах, авось кто-нибудь подберет, возьмет на борт. Лучше утонуть, чем попасться. Лучше смерть, чем скандал.

«Ни в коем случае нельзя допустить скандала», - несколько раз повторил консул тогда, в январе, когда Беренса вызвали к нему в Гавану. Приказ был предельно ясен: в кратчайшие сроки эвакуировать людей, занятых на стройке. Эвакуировать, не прибегая к помощи местных властей. И, по возможности, не ставя их в известность. Ведь подобные действия могут быть истолкованы как нарушение заключенных соглашений. И более того - как выражение недоверия к администрации. Тогда, в январе, все уже шло к войне. Напряжение в отношениях мадридского двора с заносчивыми американцами достигло апогея, и подданные малолетнего короля Альфонса сами стали обидчивы, как подростки. А Россия не хотела каким-нибудь неосторожным жестом осложнить и без того непрочные связи со своим единственным союзником на антильском направлении.

Следовательно, Беренс не мог воспользоваться услугами местных судовладельцев. Консул предложил дождаться, когда в Мексиканском заливе появится российский клипер, совершающий переход из Сан-Франциско. Возможно, он успеет зайти в Гавану до начала военных действий. Но как, *не привлекая внимания*, пересечь зону непрерывных боев с повстанцами?

Итак, людям, занятым на стройке, предписывалось незаметно испариться~

«Что они и сделали, не дождавшись меня», - с досадой подумал Виктор Гаврилович.

Он проснулся, услышав, как Илья с Кириллом негромко переговариваются между собой.

- Что-то случилось?

- Пока - ничего, - ответил Кирилл.

- Утром вас, «сеньор инженер», будет ждать работа, - сказал Илья. - Наши друзья вознамерились заняться починкой моста. Очень на вас надеются.

- Прекрасно. Постараюсь выспаться. И вам советую.

- Мы бы с радостью. Да не можем. Выпили «на посошок» по стопке пейотовки, теперь три дня глаз не сомкнуть.

- Простите, по стопке чего?

- Наш бесценный Лука Петрович гонит горилку из всего, что растет. И не забавы ради, а здоровья для. Джин, само собой, от морской болезни и простуды. Настойки всяческие от всех прочих хворей. А из пейота делает микстуру для полуночников. Вот мы с Кирой приняли, теперь видим в темноте как кошки. И слышим как мышки.

- Как мышки?

- У мышек - отличный слух, вы разве не знали?

«Да он пьян», - понял Беренс. И повернулся на другой бок, приказав себе немедленно заснуть. Что и было исполнено.

* * *

Утром бандиты погнали их по дороге, не дав даже позавтракать. Беренс шагал вместе с крестьянами, Илья с Кириллом держались у него за спиной. Впереди и сзади двигались повозки, а по бокам гарцевали всадники. В уныло бредущей толпе все же удалось перекусить. По рукам прошлись черствые лепешки. Каждый, откусив раз, передавал соседу. Потом таким же маршрутом проследовала тыквенная фляга с водой.

Шли медленно. Дорога раскисла после ночных дождей, и ноги лошадей, запряженных в повозки, разъезжались по скользкой глине. Тяжелые комья грязи прилипли к башмакам, и Беренс едва сдерживал желание остановиться и почистить обувь.

Впереди слышался шум бегущей воды.

- Скоро мост, - сказал Илья сзади и легонько похлопал Виктора Гавриловича по плечу. - Сейчас остановимся. Будьте готовы.

- К чему? - спросил Беренс, не оборачиваясь.

- Как только они столпятся на берегу и начнут спорить, незаметно уходим.

- Нет, - твердо сказал Беренс.

- Уходим, уходим, - повторил Илья. - Нечего с босяками шляться. Вы хотите узнать про своих? Так мы уже все знаем. Нас ведут совсем в другую сторону. Нечего. И так столько времени потеряли.

- Да что вы такое говорите! Как мы уйдем? У них лошади, у них винтовки. Не догонят, так подстрелят. Успокойтесь. Все равно они нас отпустят, мы им не нужны.

- Не смешите меня, Виктор Гаврилович~

- Эй! - угрожающе заорал всадник, подъехав ближе, и ткнул Беренса в плечо стволом винтовки. - Не болтайте по-своему! Чего вы там шепчетесь? А?

- Я говорю, кое-кому придется намочить задницу в речке! - заговорил по-испански Остерман. - Говорят, там, впереди, нет моста! Вам-то хорошо, верхом. А нам-то не больно весело!

- Можешь оставаться на этом берегу, - сказал бандит, переведя ствол на Илью и взявшись за затвор. - Хочешь остаться?

- Нет, сеньор, спасибо! Я не прочь лишний раз искупаться! - с улыбкой ответил Остерман.

- Не нравишься ты мне, - сказал бандит и оттянул затвор. - Стой. Подойди ближе. Не слышишь, что ли? Сюда иди!

- Оставь его, Хорхе! - крикнул всадник с другой стороны дороги.

- Не нравится он мне! Наглый больно. И шепчется.

- А я сказал, оставь его.

- А ты кто такой, чтобы мне указывать?

«Разве такие дадут сбежать? - думал Беренс, шагая по чавкающей грязи. - Для эдаких головорезов попытка побега станет только новым развлечением. Устроят охоту. Будут травить, как зайцев. Травить? Как же травить без собак? А лошадь по лесу не поскачет. Стрелять вдогонку? Только листья сшибать~ Ну что, значит, все-таки - бежать? »

Впереди идущие вдруг остановились, и Беренс уткнулся лицом в спину тощего крестьянина в дырявой соломенной шляпе.

- Мост! Ну, и где мост? Надо искать спуск! - слышались крики впереди. - Инженера сюда! Пусть скажет, что делать!

- Вот босяки! - Илья выругался вполголоса.

Бандит, не сводивший с него глаз, закричал:

- Я тебя предупреждал! Еще раз заговоришь по-своему, выпущу кишки! А ну, выходи

сюда!

- Эй, Хорхе, остынь!

Но разъяренный Хорхе уже наклонился, чтобы схватить Илью за шиворот.

И тут из леса ударил выстрел. И еще один, и еще~

Бандиты тут же попрыгали с лошадей на землю и залегли в грязи за колесами повозок.

Они принялись стрелять вверх по склону, откуда раздавались редкие выстрелы.

- Ложитесь, дурачье! - заорал по-испански Кирилл. - Ложитесь, пока пулю не поймали!

Илья рванул Беренса за рукав:

- За мной!

Кирилл уже бежал впереди, пригибаясь. Вот его спина мелькнула за деревьями - и пропала.

Беренс и сам не заметил, как оказался далеко от дороги. Ветки хлестали по лицу, земля стремительно неслась под ноги. Следом за Ильей он перемахнул через корягу, пробился сквозь кусты~

- Стой! Стой! Стойте, скоты! Ублюдки! Рогоносцы! - слышался сзади прерывистый крик. - Кишки выпущу!

Грохнул выстрел, и пуля с треском впилась в дерево где-то рядом.

- Кира! - негромко окликнул Остерман.

- Да вижу, - спокойно отозвался Кирилл откуда-то сбоку.

Беренс с завистью заметил, что они оба даже не запыхались от бега. А сам он уже хватал ртом воздух, и грудь горела с непривычки~

Еще выстрел, и срубленная ветка упала под ноги Виктору Гавриловичу.

«Надо бежать зигзагом!»

Но он и так прыгал из стороны в сторону, уклоняясь от деревьев, которые, казалось, сами несутся ему навстречу.

И вдруг что-то толкнуло его в бок. Он споткнулся, подвернул ногу и рухнул в колючий кустарник.

«Ранен! Как некстати~»

Он услышал тяжелый топот. Вдруг - глухой удар. Удивленный возглас. Снова затрещали ветки - и наступила тишина.

Там, наверху, у дороги, все еще хлопали винтовочные выстрелы. А здесь, в кустах, где лежал Беренс, было тихо. Невыносимо тихо. Он слышал только собственное свистящее дыхание, да сердце - оно билось так часто, что удары сливались в дрожащий гул~

- А вы-то как тут? - послышался голос Кирилла.

- Я за вами пришел, - ответил кто-то.

Беренс осторожно глянул сквозь куст.

Кто-то в черной рубахе, со связкой веревок через плечо, стоял на коленях, вытирая нож об какую-то кучу тряпья.

Только через пару секунд Виктор Гаврилович понял, что он вытирает клинок об труп. Кирилл стоял рядом. Надев на плечо патронташ, он пытался свести его концы под мышкой.

- Дай помогу, - сказал Илья, подойдя к нему.

- Сам. Лучше карабин подбери. Он куда-то туда отлетел.

Илья наклонился над убитым:

- Ага, так и знал, что это он. Ну что, Хорхе? Добегался?

- Знакомый? - спросил человек в черной рубахе.

- Почти родственник.

Они переговаривались вполголоса, деловито и неспешно. Будто не летели опростетью полминуты назад.

Виктор Гаврилович выбрался из цепких объятий куста и ощупал себя. Вроде цел. Не ранен. Показалось.

- Не ушиблись? - спросил его человек в черной рубахе.

Его лицо было вымазано в грязи, и Беренс едва узнал в нем Орлова.

- Что вы, что вы, Павел Григорьевич, не стоит беспокоиться~
- Что стоим? - Остерман подобрал с земли винтовку и затрусил бочком вниз по склону.
- Потом поговорите, господа. Паша, кто с тобой?

- Я один.

- А стрелял кто?

- Никто. Илья, бери правее. Там пещера. День пересидим. А ночью придет лодка.

Виктор Гаврилович снова и снова возвращался взглядом к трупам. Казалось невероятным, что эта куча окровавленного тряпья только что была живым человеком, который бежал, ругался, стрелял~ Кирилл взял Беренса под локоть:

- Бежать сможете?

- Смогу. - Он заставил себя отвернуться. - Но зачем лодка? Мне бы еще денек на поиски!

- Не стоять, не стоять, - проговорил Кирилл, подталкивая его. - Как бы они всей толпой за нами не пропустили. Не стоять!

И Беренс, не оглядываясь, побежал вниз, догоняя тех, кто почти бесшумно, как призраки, скользил и исчезал за частоколом голых тонких стволов.

* * *

В пещере было сухо и темно, свет едва пробивался сквозь кучу хвороста, наваленную у входа.

- Галеты - будете? - предложил Орлов.

- Не хочется, благодарю, - сказал Беренс.

- Оставим на ужин. Нам тут долго сидеть.

Он отодвинулся и сразу исчез в темноте.

- А пещерка-то обжитая, - послышался голос Ильи. - Есть и соломка, чтоб подстелить. И отхожее место где-то неподалеку, чую носом. Паша, это ты тут ночь коротал?

- Нет.

- Да я и сам вижу, что не ты, солома-то старая. - Его голос звучал все глуше: наверно, Илья забирался все дальше в глубину пещеры. - Ага, а тут костерок разводили. Дым куда уходил? О, да здесь тяга. Фу ты, черт!

- И что, попал-таки в отхожее место? - осведомился Кирилл.

- Давайте поговорим о деле, - сказал Орлов. - Вы нашли то, что искали?

Беренс понял, что вопрос адресован ему. И ответил коротко:

- Нет. Не нашли.

- Ну, я бы так не сказал, - вмешался Илья. - Сначала мы нашли дорогу. А потом нас самих нашли туземцы. В следующий раз надо будет взять с собой подарки: зеркала, бусы и отрезки ткани. Тогда нас встретят более дружелюбно.

- Я ночью поспрашивал крестьян, - сказал Кирилл. - Тех, связанных, что прятались от дождя под нашим фургонном. Говорят, ваш поселок вместе с причалом сожгли солдаты. Многих убили прямо на месте, в поселке. Остальных угнали к скалам, где раньше добывали камень. И там расстреляли.

- Вы мне этого не говорили, - сказал Беренс.

- Не успел. Но согласитесь, дальше оставаться там не было смысла.

- Пожалуй.

Беренс протер очки, абсолютно бесполезные в темноте. Затем полез в карман за сигарами, забыв, что их отобрали повстанцы.

- Хотите курить? - спросил Орлов. - Лучше бы воздержаться. Если тут есть тяга, дым могут учуять снаружи.

«Он тоже видит в темноте, как и они, - подумал Беренс. - Также выпил боцманской

микстуры?»

- Как вы нас отыскивали, Павел Григорьевич?

- Докладываю по порядку. Ночью Макарушка высадил меня и Холдена~ Это тот самый репортер, ему здесь надо встретиться с кем-то. Ну, так вот, высадились ночью, заняли эту пещеру. Холден остался ждать рассвета, а я пошел искать вас. Услышал козу. Вышел к дороге. Послушал разговоры. Понял, что вы где-то тут, с бандитами. Решил, что попытаетесь бежать при первом удобном случае. И устроил такой случай. Вы побежали. Я отрезал погоню. Вот и все.

- А стрелял-то кто? - спросил Илья. - Неужто Холден?

- Да нет. Простейший трюк. Костер с патронами. Все повернулись в ту сторону, а вы припустили в другую. Я только опасался, что будете связанными. Тогда пришлось бы по-другому. Но Бог миловал.

- А как «по-другому»? - спросил Кирилл.

- Не знаю. Придумал бы что-нибудь.

- Кира, а помнишь, в Аризоне? - смеясь, спросил Остерман. - Помнишь, как мы устроили побег с помощью ящика виски?

- Это интересно, - сказал Орлов. - Поделитесь.

Илья не заставил себя упрашивать. Рассказчик он был превосходный, да и его история вполне могла показаться кому-то интересной, но Виктор Гаврилович не слушал Остермана. Новости были слишком тяжелыми, чтобы думать о чем-то еще.

Неужели это правда? Неужели стройку и в самом деле уничтожили солдаты? Они не могли действовать без приказа. Кто же способен отдать такой чудовищный приказ, нелепый по замыслу и отвратительный по исполнению?

Провинцию обороняла Вторая дивизия, и с ее командиром, генералом Эрнесто де Агирре, у Виктора Гавриловича были почти дружеские связи. Генерал не раз называл русских союзниками. Что могло бы заставить его так переменить свое отношение?

Впрочем, Беренс слишком долго отсутствовал. За это время Агирре мог перевестись на другую должность. Ему давно уже прочили место начальника штаба всего Антильского фронта. Мог ли его преемник приказать своим солдатам~

Но кто сказал, что расстрел был произведен именно солдатами?

- Крестьяне - ненадежный источник, - сказал Беренс, думая о своем. - Солдаты не могли всех расстрелять. Незачем. Я не верю.

Все замолчали. Наконец, Орлов произнес:

- Да, крестьяне горазды на выдумки. Но есть вещи, которые они и придумать-то не могут.

- Солдатам нечего делать в этих краях, - сказал Виктор Гаврилович. - Здесь никогда не шли серьезные боевые действия. На Кубе война длится уже лет двадцать, с небольшими перерывами, но все сражения разворачиваются на равнинах. А здесь - горы. Война идет на плантациях, вокруг плантаций и ради плантаций. Партизаны их выжигают, армия пытается спасти. Но здесь~ Табак, сахарный тростник - здесь ничего этого нет. Здесь горы. Здесь нечего делать солдатам. Они не могли всех расстрелять.

Ему долго никто не отвечал. Молчание было сочувственным. И недоверчивым.

- Это легко проверить, - сказал Орлов. - Пойти и посмотреть. Другого способа не существует.

- Сейчас нельзя, - сказал Кирилл. - Можем опять напороться на банду.

Илья возразил:

- Что им делать внизу? Мы по бережку, по дорожке. Да и не с пустыми руками теперь. Прогуляемся, Виктор Гаврилович?

Беренсу не хотелось никуда идти. В пещере было сухо, тихо, уютно. Казалось, никакая сила не заставит его выйти отсюда, чтобы снова оказаться во враждебном лесу.

«А если они - там? Все до одного? - думал он. - Что тогда? Пересчитывать тела, чтобы убедиться? Не лучше ли прекратить поиски? Я сделал почти все, что мог. Никого не нашел,

но не по своей вине. Война есть война. И батальоны, и целые корабли, бывает, исчезают без следа. В Генштабе поморщатся, но спишут. И через полгода никто и не вспомнит о кубинской затее. Итак, пора ставить точку. Не надо никуда идти».

- Да, - сказал он. - Надо идти. Другого способа нет.

9

- Командуйте, Павел Григорьевич, - сказал Кирилл.

Орлов, понимая, что выглядит последним занудой, настроил репетир часов на полчасовую отметку. Затем снял тесак с пояса и вручил его Кириллу:

- Пойдешь первым, тропу пробивать. Я второй. Господин Беренс, вы третий. Илья замыкающий. Карабин держать наготове. Через полчаса меняю Кирилла. Через час первым пойдет Беренс.

- Но через час мы будем на месте, - сказал Виктор Гаврилович.

- Вот и хорошо. Хорошо, если именно вы нас туда приведете, - сказал Орлов. - Всем все понятно? Открытые места просматриваются. Поэтому будем двигаться по границе леса. Разговоры исключить. При чистке тропы рубить только то, что препятствует движению. Если можно перешагнуть - не трогать.

- Все ясно. - Кирилл попробовал ногтем лезвие тесака. - Как я понимаю, вы имеете опыт в подобных прогулках?

- Да, - коротко ответил Орлов.

Он счел, что, приняв на себя командование, имеет право не докладывать о боевых заслугах. Ему доверяют, и ладно. Его дело - не обмануть доверие.

Кирилл оказался хорошим ведущим. После взмахов его мачете лианы расступались бесшумно, и лапы папоротника ложились под ноги мягким ковром. Шагая сзади, Орлов успевал замечать, что время от времени Кирилл пробивает путь не прямо перед собой, а чуть правее. Это выдавало в нем опытного лесовика. При долгой ходьбе без ориентира человек невольно сбивается влево, просто потому что шаг левой ноги короче, чем у правой, - и начинает кружить. Кирилл, видимо, знал об этом и постоянно делал поправку, подобно тому, как штурман делает поправку на течение и ветер.

Впрочем, по крайней мере один ориентир у них все же был: порой справа, сквозь стену листвы, поблескивала изумрудная гладь бухты. Отсюда до пляжа было не больше двух сотен шагов. Там, внизу, чистый плотный песок, утрамбованный прибоем. По нему так приятно шагать босиком. Там, внизу, свежий ветерок с моря. Он так дивно обдувал бы вспотевшее лицо. Там, внизу, проложена дорога, по которой можно безо всяких усилий спокойно дойти до карьера~ Орлов понимал, что подобные мысли роятся в голове не у него одного. Но никто из его спутников не выказал ни малейшего недовольства тем, что вместо легкой прогулки по пляжу им пришлось шагать в душном, раскаленном и влажном зеленом аду, раздвигая колючие лапы кустов, отирая глаза от липкой паутины, спотыкаясь о петли корней под ногами~

Идти было трудно, но капитан Орлов был в превосходнейшем настроении. Он командовал отличным отрядом. Бойцы двигались по лесу не только почти бесшумно, они еще и шагали след в след. Они хранили полное молчание, и только Беренс дышал более шумно, чем все. «Он устал, - думал Орлов. - Годы берут свое~ Черт возьми, да он мой ровесник. Интересно, Илья с Кириллом тоже считают меня стариком?»

Часы мелодично щелкнули в кармане, отмерив полчаса.

Орлов коротко свистнул, и все остановились. Он прошел вперед, забрав у Кирилла мачете.

- Отдохнем пять минут? - шепотом спросил Илья.

«Он не устал, - понял Орлов. - О стариках заботится».

Он кивнул. Выждал пару минут, чутко вслушиваясь в ровное дыхание леса. И шагнул вперед, взмахнув тесаком. Здесь, в этом уголке леса, не было сейчас никого, кроме них. Но,

перерубив лиану, Орлов подхватил свисающий конец и не дал ему с хрустом рухнуть в сеть ветвей. «Тишина, - думал он. - Самое важное сейчас - тишина. Пока есть возможность, будем хранить тишину. Нашуметь мы еще успеем. Хорошо бы обойтись без шума. Но чует мое сердце - не получится~»

* * *

Виктор Гаврилович, сменив Орлова, почти сразу же взял круто влево, вверх по склону. Скоро они вышли к ручью, и Беренс сказал:

- Не пить. Мутная вода. Дальше будет чище.

И действительно, минут через десять они спустились по невысокому обрыву и остановились перед кристально чистым и быстрым потоком, бегущим вниз среди замшелых валунов. Напившись и наполнив флягу, Орлов поднял голову и огляделся. Лес тут был совсем другим. Исчезли лианы и мохнатые стволы, поредел кустарник. Обрывистые берега ручья разделяли лес на две части. С одной стороны под ногами лежала прелея листва, а с другой - толстый ковер бурой хвои.

Они поднялись по невысокому глинистому откосу и пошли между густо стоящими соснами. Кроны смыкались над головой, не пропуская вниз ни одного солнечного луча. Какая-то птица перелетала в вышине с ветки на ветку, тревожно вскрикивая.

- Вот зараза, - проворчал Илья. - Чем бы ее заткнуть? И камня не найти.

Он кинул шишку. Птица злобно огрызнулась, но отлетела подальше и скоро затихла.

- У нее тут гнездо, - сказал Кирилл. - Мы прошли, она и успокоилась. Вот попугай - это другое дело. Как привяжутся, так и будут над головой орать, куда б ни шел.

Они остановились перед каменистой грядой.

- Пришли, - сказал Беренс. - Пойдите здесь. Я пройду вперед, осмотрю сверху. Потом, возможно, начнем спуск. Если потребуется. Подождите меня здесь, пожалуйста.

Он взобрался по замшелым валунам и ушел туда, где за деревьями угадывался широкий просвет.

Орлов опустился на хвойный настил. Он не чувствовал ни усталости после нелегкого пути, ни голода. А ведь у него не было во рту и маковой росинки с тех пор, как он покинул борт шхуны. Постоянно хотелось пить, но и жажда эта была какой-то слабой, не мучительной. Есть вода - хорошо, нет - потерпим. И еще ему не сиделось на месте. Хотелось двигаться. Покой казался невыносимо скучным. Он поймал себя на том, что машинально вонзает нож в землю, словно продолжая чистить лезвие от крови.

- Хороший кинжал, - сказал Илья. - Можно глянуть?

Орлов положил нож перед ним, и Остерман, не прикасаясь, долго разглядывал его, прежде чем бережно взять в руки.

- Интересный рисунок на стали. Дамаск?

- Златоуст.

- По рукояти не скажешь. Больно проста.

- Менял. Первоначальная-то была покрасивей, - сказал Орлов, пытаюсь вспомнить, как выглядел этот нож тогда, четверть века назад, когда он получил его от деда. - Такая же плоская, но узорчатая. Кажется, были выгравированы какие-то охотничьи сцены.

- Сломалась?

- Не уберег. Глупо вышло. Держал на поясе, в ножнах. Ну и пуля угодила аккурат в рукоять. Если б, как всегда, спрятал за сапог~ - Он махнул рукой, усмехнувшись. - Новые накладные делали всей ротой. Кто кость нашел, кто подгонял. Умельцы нашлись.

- Думаете, нашлись бы умельцы и пулю из живота вытащить? - спросил Кирилл. - Хотя, если бы дотянули до госпиталя~ Вы, значит, воевали?

- Да.

- С турками? - завистливо спросил Остерман.

- Так точно.

- Эх, завидую вашему поколению. А мы с Кирой тогда только с мало-фонтанскими пацанами воевали. С татарчатами. А за нас греки бились. Как их? О, братья Сардакисы. Надо же, столько лет прошло, а вспомнил. А еще~

- У мало-фонтанских тоже полно греков было, - перебил его Кирилл. - Вы, Павел Григорьевич, наверно, офицер? И наверно, в чинах высоких?

- Нет, в невысоких. - Орлов поднял ладонь, останавливая Кирилла, который, казалось, готов был засыпать его вопросами. - погоди. Мы не в казарме. Давай без церемоний. Когда ко мне по отчеству обращаются, я теряюсь. Понимаешь? Не то место. И время не то. некогда артикулы соблюдать.

- Я артикулов не знаю, - улыбнулся Кирилл. - Отец инженером был, а у него трое братьев, и все военные. По маминей-то родне одни рыбаки, а отцовские все такие строгие. А так уж праздновали, когда война началась. Так радовались. Ну, тогда все отчего-то ликовали. Оркестры в каждом сквере. Марши. Радовались, радовались, а с войны все трое не вернулись. За Дунаем похоронены. Вот так. С тех пор у меня к военным какое-то особое почтение, что ли. Видишь, я даже покраснел. Как в гимназии. Знаешь, когда мы с Илюхой сюда попали, я еще с полгода думал о том, что у меня осенью - переэкзаменовка по алгебре. Уже чуть не всю Америку проехал, от Нью-Йорка до Техаса, а все из головы не шло: «а-квадрат плюс бэ-квадрат». И как вспомню, так краснеть начинаю, уши горят~

Орлов подумал, что за все время их недолгого, впрочем, знакомства Кирилл еще не произносил столь длинной речи.

Остерман вернул ему нож:

- А у меня был обсидиановый кинжал. Армяне подарили. Острый, острее бритвы. Жалко, потерялся. Да нет, вру, не жалко. Оружие не должно быть дорогим.

- Согласен, - кивнул Орлов. - Но обсидиановый нож - это не просто оружие. Наверно, он был еще и с украшениями, да? Что-нибудь вроде рубиновых вставочек или перламутра. Такое оружие не для боя. Оно как орден.

- Мне орден не нужен. Мне нужна вещь, которая меня защитит. Да хоть напильник под руку попадется - и вот, я живой, а мои враги - не очень.

- Что-то мы расчирикались, как воробьи на солнышке, - сказал Кирилл недовольно. - Паша, я только хотел спросить насчет войны. Можно?

- Изволь.

- Ты тоже радовался, когда шел на войну?

Орлов задумчиво почесал переносицу, как делал всегда, столкнувшись с неразрешимой проблемой. Он не помнил, как уходил на войну. Во-первых, она для него началась задолго до царского манифеста: Орлов тогда служил в разведке Генштаба и посещал вражеские тылы, составляя карты для будущих операций. Во-вторых, с той войной было связано слишком много горьких и тяжелых мыслей, но все они появились уже после того, как был заключен мир. А тогда, в самом начале кампании~

- Наверно, любой человек бывает рад, когда после долгого безделья появляется работа, - сказал он, наконец. - Тогда в армии все радовались. Солдаты уходили из казармы в поле, это само по себе радостное событие. Вместо муштры - вольная жизнь, да еще с приключениями. Офицеры радовались предстоящим повышениям и наградам.

- То есть как? - спросил Остерман. - Как можно радоваться, что кого-то из твоих товарищей убьют и ты займешь его место?

- А вот так. И потом, когда уже начались стычки, и кровь, и болезни, все равно это было лучше, чем стоять в каком-нибудь захолустье, пить дрянную водку и резаться в карты. Впрочем, я сейчас не о себе. У меня все было немного не так, как у всех.

- А как? - спросил Кирилл.

Остерман поднял вверх палец и произнес многозначительно:

- Я сразу сказал, что ты - наш человек. У тебя непременно должно быть все не как у всех. Потому что все остались там, а ты - здесь. И мы - здесь. Это что-нибудь да значит.

Таких людей, как мы, я видел очень редко. Нет, не подумай, я не хвастаюсь. Особая порода - не повод для гордости. Наоборот, повод для стыда, если ты, такой особенный, а живешь, как все, и ничего особенного не сделал.

- Да оставь ты свою философию! - Кирилл шутливо повалил Илью на землю и придавил, зажав рот. - Дай человеку ответить!

- У меня была не такая война, как у всех, - продолжил Орлов, когда они утомонились. - Я не брал перевалы, не замерзал под Шипкой. Состоял при картографическом управлении.

- В штабе, значит, сидел? - спросил Илья. - Вроде писаря?

- Вроде писаря.

- Оно и видно, - насмешливо сказал Кирилл. - Значит, ты не радовался?

- Ты задаешь трудные вопросы.

- На легкие вопросы я и сам могу найти ответ. Война - непонятная вещь. Почему люди так рвутся к ней? Убивать - жалко, умирать - страшно. Столько страданий от войны, а люди снова и снова ее разжигают. И еще радуются ей. - Кирилл внимательно глянул на Орлова. - Ты уехал в Америку, потому что не хотел больше воевать?

- Нет.

«Как раз наоборот», - чуть не сказал Орлов. Он мог бы ответить, что не навоевался. Турецкая кампания оказалась для него слишком короткой - несколько рейдов за Дунай, пара-другая диверсий под Карсом, бесконечные дежурства при штабе и, наконец, ранение. В то время как другим довелось испытать настоящие муки потерь, штурмов, маршей, осады и совершить настоящие подвиги~ Ему нестерпимо хотелось поговорить. Такого никогда не было, разве что на самых первых, еще юнкерских гулянках, когда от одного глотка шампанского просыпаются невиданные ораторские таланты~

- Тогда - зачем?

- Долгая история, - сдержанно ответил он и обернулся. - Тихо! Беренс идет.

* * *

Лес кончался обрывом. Крайние деревья стояли, наклонившись над пустотой, и сухие корни свисали из щелей в скальной стене. Далеко внизу среди нагромождения камней тянулись кверху тонкие деревца.

- Как быстро здесь все зарастает, - проговорил Беренс. - Еще год, и карьер утонет под зеленью.

- Это и есть карьер? - Орлов долго вглядывался из-под ладони. - Знаете, если б я командовал расстрельным взводом, то выбрал бы другое место. Как, по-вашему, тут можно выкопать могилу для полутора сотен человек?

- Могилу? Здесь оставались такие выемки, вроде траншей. Там попадался не гранит, а камень помягче. Мы его крошили на щебень. Вот если таких траншей мы не найдем, значит, их завалили камнем. А если их завалили, значит~ - Беренс не договорил. - Как думаете, Павел Григорьевич, за этим местом наблюдают?

- Насколько я понял, испанцы выставили наблюдательные посты, чтобы следить за дорогами, за тропами, за берегом. Они следят за движением. А карьер - тупик. Думаю, что он вне зоны наблюдения.

Они лежали на краю обрыва. Беренс свесился вниз и подергал торчащий корень.

- Не внушает доверия. Хватит нам веревок, чтобы спуститься? Не хотелось бы карабкаться, как таракану по голой стенке.

Остерман, продолжая разглядывать скалы на другом краю карьера, пробормотал:

- Виктор Гаврилович, и не думайте даже. Ваше дело - привести нас на место, а дальше мы уж сами как-нибудь. Сколько, вы говорите, там таких траншей?

- Три. Одну прокопали в первый год, и две во второй. Да, три. Они там, на том конце, ближе к дороге.

Орлов встал и отошел под деревья, снимая с плеча связку веревок. Кирилл помог ему разложить их на земле, распрямляя и подергивая, проверяя на прочность.

- Как ты догадался веревки захватить?

- Незаменимая вещь в горах, - ответил Орлов.

- Дашь мне револьвер? Останешься с карабином. Прикроешь нас.

- Прикрою, если будете держаться на виду. Не зарывайтесь там. Оглядывайся почаще.

Он снял оружейный пояс с кобурой, отдав Кириллу. Погонял туда-сюда затвор карабина, прислушиваясь к его работе.

- Не смазан. Вернемся, займусь им.

- Постараемся обойтись без лишнего шума, - сказал Кирилл, обвязывая конец вокруг сосны на самом краю обрыва. - Илюха, углядел что-нибудь?

- Чисто.

Один за другим они, поплевав на руки, ловко и бесшумно спустились вниз. Орлов лег рядом с Беренсом, подобрал с земли толстый сук и пристроил на него ствол карабина.

- Я за ними присмотрю, - сказал он. - Но надо, чтобы кто-то поглядывал назад.

Однако Беренс и не подумал отползти, а лишь сказал:

- Мне и самому неуютно, когда тыл открыт.

- Вот и отойдите к тылу. Будете слушать. Если что, голос не подавать, киньте в меня шишкой.

- Вы уж простите великодушно, но я тут останусь, - сказал Беренс. - Возможно, что-нибудь смогу разглядеть. Должны же какие-то следы остаться. Поверьте моему опыту, порой издалека можно увидеть больше, чем с близкой дистанции. Особенно если рассматриваешь знакомую картину.

Орлов поглядел вниз, где две фигурки сновали между скальными обломками. Словно бесплотные тени, просочились они сквозь редкую молодую рощицу, и ни одна ветка не шевельнулась, выдавая их движение.

- С карабином системы Маузера знакомы? - спросил он.

- Время от времени практиковался в стрельбе по мишеням.

- Надеюсь, ваши навыки сегодня не подвергнутся переэкзаменовке.

- Надеюсь всей душой, - улыбнулся Виктор Гаврилович.

Орлов оставил ему карабин и отполз от края, снова укрывшись под соснами. Он был недоволен собой. Нельзя было потакать Беренсу. Приказ, возможно, был непродуманным, но Беренс обязан был его выполнить.

Почему - обязан? Потому что они, все трое, сами признали Орлова старшим. Значит, должны подчиняться.

«Вы не в казарме, граф, - сказал себе Орлов. - И Беренс не ваш подчиненный. К тому же он лучше вас знает место. А следить за тылами, вглядываться в пустой лес может и новичок в этих краях».

Он подпрыгнул, ухватился за сук и, подтянувшись, забрался на сосну. Устроился в развилке, срезав пару лишних ветвей. Обзор отсюда был гораздо лучше, чем с земли. Да и противник, ежели он появится, будет шарить взглядом по нижнему уровню и не увидит его. В лесу мало кто дает себе труд глядеть не только под ноги. Так что наблюдательный пост на дереве - самое лучшее решение. Здесь можно также пристроить снайпера, чтобы прикрывал тропу. Затянуть его маскировочной сеткой. Причем завязать ее снизу вокруг ствола, чтобы стрелок ничего не ронял на землю. Да и сам не свалится, если пострадает в перестрелке.

Злость мгновенно испарилась, как только Орлов принялся обдумывать устройство огневых и наблюдательных точек в лесу. «Между соседними деревьями можно наладить сообщение при помощи подвешенных канатов, - фантазировал он. - Чтобы с одной площадки можно было перелететь на другую. И так двигаться по всей позиции, ни разу не ступив на землю. Конечно, солдат - не мартышка, он выдаст себя шумом при таком прыжке. Но если проделать это во время перестрелки? Или просто, чтобы сменить точку, не оставляя следов на земле и не тратя время на спуск-подъем? Нет-нет, в этой забавной идее есть рациональное

зерно».

Да, идея была неплохая. Но что он станет делать, если сейчас в лесу появится противник? Если бандиты и в самом деле не успокоились, а только разозлились, потеряв одного из своих? Если они способны на прочесывание? Как быть, если кто-нибудь из них забредет и сюда? Закидать его шишками?

Там, у дороги, было проще. Там Орлов знал совершенно точно, куда кинутся беглецы, и куда будут смотреть бандиты. Все возможные траектории были им вычислены заранее. Если бы в погоню бросились несколько конвоиров, он бы применил револьвер. С одиночкой же удалось справиться и без единого выстрела. Достаточно было лишь оказаться на его пути, и он сам налетел на клинок. А здесь - совсем другое положение~

Оставалось надеяться лишь на то, что он вовремя заметит угрозу. Пожалуй, зря он так радовался хорошему обзору. В лесу надо больше надеяться на слух, чем на зрение. Густая хвоя, окружавшая его со всех сторон, приглушала звуки. Осторожно спустившись вниз и распластавшись на земле, Орлов стал слышать больше и скоро различил даже журчание ручья, до которого, как он помнил, было несколько минут ходу.

Невидимые птицы то возились в ветвях, то перелетали между деревьями. Редкие порывы ветра шелестели в вышине.

«Тихо. Нет никого, - думал Орлов. - Бандиты давно переправились через речку. Они и забыли про беглецов. Как тихо~»

У него за спиной хрустнула ветка, и он оглянулся. Беренс привстал над краем обрыва, размахивая фуражкой.

- Возвращаются? - спросил Орлов.

- Да. Но, кажется, сбились с курса.

И вдруг где-то далеко застучали выстрелы. Они сыпались так часто и ровно, что звук напоминал работу машины.

- По нашим бьют! - Беренс выругался и схватил карабин. - Похоже, что из картечницы!

Он выстрелил куда-то, стоя на колене.

- Что вы делаете! - крикнул Орлов. - Отставить! Им же тут подниматься!

Вырвав карабин из рук Беренса, он побежал вдоль обрыва, держась за деревьями.

Так-так-так-так~. - новая порция выстрелов заставила его пригнуться. Но пуль не было слышно, и он понял, что стреляют не по нему. Это плохо!

Отбежав на пару сотен шагов, он упал как раз тогда, когда стрельба возобновилась.

Карьер отсюда выглядел, как овальная бухта, окруженная высокими скалистыми берегами, только вместо волн внизу пестрели камни. Орлов залег на одном берегу, а на другом, прямо напротив него, из-за кустов на скале тянулся сизый дым.

«Стреляют оттуда?»

Он прикинул дистанцию, сдвинул прицельную планку почти до конца - и выстрелил, метя чуть выше кустов, чтобы пуля ударила в скалу. Есть! Попадание обозначилось белесым облачком пыли. Теперь Орлов знал, куда целить, чтобы пули ложились поближе к стрелку. (Попасть в него отсюда можно было только случайно.) Он успокоил дыхание и стал подводить мушку - и вдруг в прорези прицельной рамки что-то сверкнуло. Пули простучали по соснам над головой Орлова. Он нажал на спуск и торопливо отполз назад, чтобы спрятаться за ствол.

И вовремя. Еще одна щедрая пригоршня пуль ударила по кромке обрыва, взметнув пыль. Одна угодила в соседнее дерево, другая перебила ветку где-то за спиной Орлова.

«Так нечестно! - возмутился он. - На один мой выстрел мне отвечают залпом!»

Теперь ему было ясно, где сидит стрелок, - позицию выдавал не только дым, но и поднятая пыль. Неясным было другое. Если по нему бьют из картечницы - а это было очевидно, - то как она могла оказаться там, на скале? Как ее туда затянули, на громоздком лафете с колесами чуть не в рост человека? И куда прячется ее расчет? Один крутит ручку «мясорубки», вращая стволы; другой наводит на цель, третий следит за подачей патронов - кажется, там должны стоять трое. Так где же они?

Он ответил парой выстрелов, после чего противник обложил его так плотно, что Орлов не мог головы поднять. Ствол, за которым он укрылся, сейчас казался ему таким узким, таким тоненьким!

На какое-то мгновение его охватил страх. Захотелось вжаться в землю, зарыться с головой. Пули щелкали все ближе, на спину посыпались щепки с соседнего дерева. Нет занятия более тяжкого, чем прятаться за ненадежным укрытием и ждать, когда же в тебя, наконец, попадут. «И зачем я сюда полез! - ругал себя Орлов. - Неужто нельзя было сразу отбежать в глубину леса, после первого же выстрела? Нет, граф, вам всенепременно надо было покрасоваться перед врагом! Вот и получайте! Только бы не в спину, ох, только бы не в зад, вот стыдно-то будет, и не объяснишь никому, что рикошетом задело~»

В короткой передышке между грохотом выстрелов ему слышался свист. Он отполз еще дальше за деревья и увидел, что Беренс машет ему рукой.

«Наши вернулись», - понял Орлов. Значит, можно больше не отвлекать стрелков. Пусть продолжают тратить патроны, обстреливая лес.

Илья с Кириллом живо сматывали веревки. Беренс шагнул навстречу Орлову, разводя руками:

- Я ошибся, Павел Григорьевич. Там не картечница, а пулемет системы Кольта. У «гатлинга»⁶ темп менее высокий.

Орлову очень хотелось отчитать его за безрассудный выстрел. Но Виктор Гаврилович улыбнулся виновато, и стало ясно, что он и сам все понял. И Орлов промолчал. Он загнал новые патроны в карабин и глянул на Илью с Кириллом.

- Нам не пришлось долго искать, - сказал Остерман, перекинув веревки через плечо. - Эти траншеи до сих пор видны. Две пустые. Одна завалена битым камнем. И воняет. Я прикинул: если эта яма по глубине такая же, как другие, то в ней человек двадцать, не меньше.

- Плохо, - сказал Беренс.

- Было бы лучше найти там всех? - спросил Орлов.

- Не лучше, нет. Но, по крайней мере, я получил бы ясный ответ. - Беренс ощупал нагрудные карманы. - Вот незадача. Остался без курева.

- На шхуне покурим, - сказал Орлов. - Возвращаемся в пещеру. Покаждемся темноты, у нас будет время все обсудить. А сейчас уходим. И побыстрее.

10

Вернувшись в пещеру, Орлов распечатал галеты. Илья с Кириллом отказались, Беренс взял парочку и захрустел, запивая водой. Орлову есть не хотелось, но он все же запихнул в себя половинку галеты - больше в сухое горло не лезло. Сухость во рту не пропадала, сколько бы он ни пил. Зато пропало желание говорить. Илья с Кириллом тоже молчали. И только Беренс, возбужденный звуками выстрелов, все не мог успокоиться и бормотал, словно размышляя вслух.

- Как же я так опростоволосился? Картечницу от пулемета не отличил. Я же видел их в работе, все варианты. Американцы нам еще лет тридцать назад предлагали купить партию «гатлингов», наши специалисты взяли парочку на пробу, да и смастерили нечто вроде. Мы с тех пор про всякие такие переделки так и говорим - «вариант улучшенный». Так издавна повелось. Откуда тульские револьверы у дворцовых офицеров? Те же «кольты», только улучшенные в мастерской Голтякова. Скажете - кража? Так я отвечу, что оружие делается для войны, а на войне своя мораль. У штатских это считается преступлением, а у нас - военной хитростью~

- Ну и что же выдумали с «гатлингами»? - любопытствовал Орлов, которого не могла

⁶ «Гатлинг» - многоствольный пулемет.

не задеть эта тема.

- Да ничего особенного. Поставили затвор Бердана, да изменили подачу патронов. Ну, еще стволы. Сделали десятиствольную картечницу, четырехлинейную⁷.

- Картечница Горлова, - сказал Орлов. - Солдаты ее пулеметом называли.

- Видели в деле?

- Нет. Слышал отзывы. В основном, неодобрительные.

- Самое забавное, что американцы-то сейчас используют не старый вариант, а наш. «Улучшенный». Вот и думай теперь, кто у кого украл. Военная хитрость, одним словом.

Капитан Орлов несколько лет своей жизни потратил как раз на ту «военную хитрость», о которой рассказывал Беренс. Не счесть, сколько образцов вооружений, секретных чертежей и планов передал он в разведцентр Генерального Штаба за время своей командировки в Северо-Американские Штаты. Орлов так и не увидел результата своих усилий. Но сейчас, кажется, ему представилась возможность кое-что выяснить. И он, откашлявшись, спросил:

- Может, вы и про систему Максима что-нибудь знаете?

- А как же-с! Это еще при мне было. В том смысле, что я тогда еще в Петербурге обретался. Восемьдесят восьмой год, перевооружение идет полным ходом, и отчаянные споры вокруг пулеметов. Привезли на Царскосельский полигон диковинную конструкцию. Сорок пятый калибр, скорострельность - шестьсот шестьдесят шесть выстрелов в минуту. Ну, положим, на самом-то деле гораздо меньше, но звучит-то как! Число зверя! Сам государь, покойный, опробовал в деле, остался доволен. Это все и решило. А то ведь теоретики наши были категорически против. «Если бы для убийства человека было бы потребно совершить тысячу выстрелов, тогда пулеметы стали бы весьма ценным приобретением. Но практика показывает, что любой солдат выходит из строя после попадания всего одной пули. Зачем же убивать его еще девятьсот девяносто девять раз?» - примерно так они иронизировали. Основания для иронии, думаю, лежали в скупости. Уж больно дорогую штучку нам предложила фирма «Виккерс». По три тысячи золотых рублей за одно изделие! Беда, коль армией начинают командовать интенданты. Помнится, в турецкую кампанию четыре месяца миноносцы без дела простояли! Так и не дали ни одного залпа. А все почему? Потому что наверху посчитали - торпеды слишком дороги, чтобы их тратить на турка. Ну да, я понимаю, люди дешевле~

Он замолчал.

- Так приняли пулеметы Максима на вооружение? Или нет? - спросил Орлов.

- Взяли в доработку. Улучшают. Я, к сожалению, с девяностого года отошел от тех сфер, где обсуждаются подобные вещи. Но, говорят, на наших новых крейсерах будут стоять «максимы».

Капитан Орлов не был лично знаком с Хайремом Максимом. Но имел возможность подружиться с его братом, чья фирма устанавливала электрическое освещение на пирсах и складах русской хлеботорговой компании. Брат был весьма расстроен тем, что американское правительство не оценило изобретенного Хайремом пулемета. «Хлеботорговец» Орлов признался, что ничего не смыслит в оружии, но знает точно, что все семейство Максим гениально, а в правительстве сидят тупицы. После нескольких вечеров за щедрым столом у Орлова остались наброски чуда оружейной техники, выполненные на ресторанных салфетках.

Салфетки были переправлены в Генштаб, где, наверно, и хранятся вместе со всеми прочими реликвиями Орлова и его рапортами об отставке~

- ~ Но лично я склоняюсь к той мысли, что пулемет Кольта - лучше, - продолжал невнятно бормотать Беренс. - По многим параметрам. Он легче, имеет более простую механику. Не так сильно греется при стрельбе. Правда, если применяется на суше, то

⁷ «Четыре линии» - соответствует калибру 10,47 мм.

демаскирует позицию, поднимает много пыли. Но при установке его на корабле этот недостаток отпадает сам собой. Кстати, Павел Григорьевич, на чем были основаны те отрицательные отзывы о горловской картечнице, которые вы изволили упомянуть?

- Не помню. Давно было.

- Полагаю, что в турецкую компанию это оружие часто использовалось не по назначению. Рассказывают, генерал Скобелев применял их в качестве осадных орудий. Обстреливал крепостные стены. Естественно, безрезультатно. Картечь кладку не пробьет. Но вот в хивинской экспедиции те же самые пулеметы ставили против конницы. Результат - исключительный. Я склонен думать, что пулеметы решительно изменят всю картину будущих войн. Установить десяток «максимов» или «кольтов» в хорошо укрепленных блиндажах, зарядить их сшитыми лентами на тысячу-другую патронов - и никакая вражеская цепь не пройдет и сотни шагов, будет выкошена вчистую. Вы, как человек военный, должны понимать, насколько сильно это повлияет на ход событий. У кого больше пулеметов - тот и хозяин положения~

- Я не военный человек, - устало возразил Орлов.

Виктор Гаврилович ненадолго замолчал, а затем продолжил совсем другим тоном:

- Мне, право, неловко, господа, просить об одном одолжении~ Я бы не хотел, чтобы мои слова были превратно истолкованы. Но позвольте мне сегодня, как стемнеет, снова отлучиться. На этот раз - одному. Мне настоятельно необходимо побывать на том захоронении. Неизвестно, чьи тела там находятся. Братских могил по всей Кубе разбросано немало. А меня ночью никто не заметит. Дорогу я знаю. Постараюсь действовать бесшумно. Сниму верхний слой, осмотрю первое попавшееся тело, и все станет ясно.

Никто не ответил ему, и, выждав, он заговорил снова.

- Вы можете возразить, что в темноте эта операция невыполнима. Но поверьте, для опознания мне достаточно только обнаружить нателный крест. Как я убедился, это наиболее верный отличительный признак нашего человека в любом краю.

«Вот почему он вдруг стал таким разговорчивым, - понял Орлов. - Мысли покоя не давали, и он старался их заглушить. Говорил об одном, а думал о другом. О своем. Думал, думал, да и надумал. Его не остановить. Уйдет к могилам. Он уже все решил. Никого в расчет не берет. Уйдет. Ну и пусть уходит».

- Поступайте, как знаете, - сказал Кирилл. - Вы хозяин. А я только шкипер. Мое дело - доставить вас из одного порта в другой. Все, что вы делаете на берегу, меня не касается.

- А вот меня касается, - раздался в темноте голос Остермана. - Я, Кира, пошел на Кубу, чтобы земляков выручить. Прихожу - а они мертвые. Расстреляны. Меня это очень даже касается.

- Ты их не воскресишь.

- А как насчет того, чтобы помочь тем, кто еще жив?

- Именно этого я и хочу! - воскликнул Виктор Гаврилович, ободренный поддержкой Ильи. - Может быть, погибли не все? Может быть, мы еще найдем живых?

- Может быть, - сказал Кирилл. - Если сами не погибнем. Вы верите в приметы, господин Беренс?

- Нет.

- А в то, что красный закат предвещает сильный ветер?

- Ну, это не примета, а метеорологический признак.

- Так вот. В морских делах вы имеете опыт. Богатый опыт. А у меня есть кое-какой опыт в других делах, которые пахнут кровью. Вы можете угадать, что скоро будет шторм. А я точно так же могу вам сказать, причем весьма уверенно - если мы не уйдем отсюда, то скоро нам придется убивать, иначе убьют нас. Вы к этому готовы?

«Браво!» - едва не воскликнул капитан Орлов. Именно так следовало говорить с Беренсом. Причем с самого начала, а не после двух малоприятных эпизодов с его участием. «Если б меня кто-то сначала завел в лапы бандитов, а потом подставил под пулеметный огонь, я бы с таким субъектом говорил вовсе не столь деликатно», - подумал Орлов.

- Добро, - сказал Беренс. - Сегодня ночью уходим обратно в Галвестон. Вот только гляну на могилу, и уходим.

* * *

Илья и Беренс ушли, едва в лесу стали сгущаться сумерки, чтобы дожидаться полной темноты уже возле карьера. А Орлов с Кириллом принялись искать место, откуда можно будет подать сигнал для Петровича. Огонь должны были увидеть со шхуны, но не со скал, окружающих бухту.

- Надо было взять фонарь, - сказал Кирилл. - Странно, что ты до этого не додумался. Вербки взял, а фонарь - нет.

- Обойдемся факелом. Кабы знать, что тут такая катавасия выйдет, я б не только фонарь, я бы весь арсенал прихватил~ Ну-ка, может быть, отсюда?

Они остановились возле поваленной пальмы. Вглядываясь из-под руки против заходящего солнца, Орлов видел нос шхуны, немного выступающий из-за скал. Он подумал, что сейчас кто-то смотрит на него оттуда. Наверно, боцман. Даже в бинокль Петрович не мог бы сейчас увидеть их под пологом леса, но все же Орлов помахал рукой.

- Как думаешь, - спросил Кирилл, - почему шхуну не обстреляли, когда мы вошли в бухту?

- Наверно, дистанция не позволила.

- Согласен. Значит, их позиции начинаются по северному краю карьера. Когда мы с Илюхой выбирались, честно сказать, поленились ползти. Попробовали в рост шагать. Да и как-то забылись, что ли. Все-таки могилу нашли, сам понимаешь, немного отвлеклись. Ну и подставились. Так вот - били в нас примерно с пятисот ярдов. Били неточно. Пули ложились далеко и с большим разбросом.

- Сверху вниз трудно целиться, - сказал Орлов, отламывая сук для факела. - Да и вряд ли пулеметчик рассчитывал попасть.

- Тогда зачем надо было открывать огонь?

- Чтоб вы не приближались. Как я понял, солдаты здесь сидят в укреплениях. На вылазки отправляются только конники. Значит, любой пеший - враг.

- А если местного жителя ухлопают?

- Их тут нет, - сказал Орлов. - Ушли, если и были. Нечего им тут делать. Потому, наверно, и поселок сожгли, чтоб не мешал воевать. Нарезь-ка веток сосновых, потоньше.

Он развязал кисет и высыпал зажигательную смесь на лист лопуха.

- Что меня до сих пор иногда удивляет, - сказал Кирилл. - Вроде Америка, другой край света. А сосны те же самые, как у нас. Про березки даже не говорю.

- И лопухи такие, как в любом московском дворе, - согласился Орлов.

- Гаврилыч говорит, в Африке все иное. Как на Луне, говорит.

- Он был в Африке? Где, не уточнял?

- Говорит, почти везде. И западный берег, и восточный. Дакар, Танжер, Красное море~

- Ну, Танжер. Какая ж это Африка? Я жил в Гибралтаре, аккурат напротив Танжера.

- А я как-то ходил в Бразилию. - Кирилл разложил перед ним на земле очищенные от хвои гибкие ветки. - Дошел до Наталя, встал на ремонт. Оттуда что до Рио, что до Дакара - одинаково. Хотел взять фрахт на Африку. Ничего не подвернулось. Так и не побывал.

- Еще успеешь. - Орлов обвил ветвями верхушку сука, обмазывая их влажной смесью пороха и коры. - Вот и факел. Пусть малость подсохнет. Гореть будет недолго, но ярко. Под любым дождем.

- Дождь - это бы хорошо, - сказал Кирилл. - Люблю дождь, ветер. Даже ночь люблю и туман. Все моряки ненавидят, а я люблю. Ненавижу, когда солнце и слабый ветер. Паруса висят, как тряпки, ползешь, вот-вот встанешь, а перед глазами все сверкает. Вода горит, ничего не видно. Нет, дождь и ветер лучше всего.

Стемнело быстро, словно кто-то на небесах задул лампу. Факел разгорелся с треском. Орлов принялся описывать им круги, и почти сразу же на другом конце бухты, там, где пряталась в ночи шхуна, затеплился ответный огонек, отражаясь в воде.

- Гаси! - приказал Кирилл. - Идем на берег.

Орлов взмахнул еще пару раз, и огонек на шхуне моргнул в ответ. Вот теперь можно было сунуть факел в промоину, где накопилась дождевая вода.

Они спустились к причалу и, пройдя по мелкой воде, присели на распорки между сваями. Воды под ногами не было видно, и только тонкая белая дуга волны вдруг вспыхивала в темноте перед самым берегом, прежде чем слиться с мерцающей полосой песка.

- Что-то наши долго возятся, - сказал Орлов.

- Идет вельбот. Слышишь, уключины?

- Да я про Илью. И Беренса. Могли бы уже вернуться.

- Подождем. Время еще терпит.

- До рассвета?

Кирилл промолчал.

- Хочешь, ты отправляйся на шхуну, а я их здесь дождусь, - сказал Орлов. - Мало ли. Вдруг за ними увяжется кто-нибудь. Если все хорошо, посвечу тебе, вышлешь ялик.

- Вместе подождем. Они уже возвращаются.

Орлов не нашел, что ответить. И еще минуты три они сидели молча в темноте.

- Хорошо идет вельбот, резво, - сказал Кирилл. - Наверно, двое на веслах.

На темном зеркале воды уже можно было различить светлый силуэт лодки. Весла, последний раз громыхнув в уключинах, зависли в воздухе, и вельбот скользил к причалу, замедляя ход. С легким журчанием рассекая воду, он вдруг чиркнул килем по песку и остановился.

- Кирила Андреич? - спросил кто-то, негромко и осторожно.

- Здесь мы, - так же тихо отозвался Кирилл.

- Слава тебе, Господи~

Они побрели к лодке, стараясь не плескаться. На веслах сидели двое братьев Акимовых. Один из них протянул Кириллу оплетенную бутылку. Тот выдернул пробку зубами, приложился к горлышку, а потом передал бутылку Орлову:

- Выпей. А то свалишься. После ночных капель надо выпить дневных.

Жидкость была мятной на вкус и приятно холодила горло.

- А что Макарушку-то не послали?

- Ужин готовит.

- Сейчас Илья вернется, и отойдем.

- Лука Петрович просили поторопиться. В море огни показались.

Кирилл ничего не ответил. Только оглянулся на берег и снова глотнул из бутылки.

- Выпей еще, Павел Григорьевич. Чтоб мозги в правильную сторону сдвинуть. У меня однажды в Оклахеме было: выпил настойки на ночь, ушел далеко, не рассчитал, вернулся поздно. Подхожу к дому, а вокруг меня сосны завиваются в штопор, трава по глазам хлещет, совы человеческим голосом разговаривают. Хорошо, Петрович навстречу пошел с заветной бутылочкой, застал меня, когда я уже совсем плох стал. Обошлось. С тех пор я с его «каплями» стал аккуратнее обращаться. Так ты выпей, выпей~

Орлов снова отпил. Ему хорошо были известны легенды о воздействии пейота на сознание. Не хотелось проверять на себе их достоверность.

- Ох ты, мать честная! - приглушенно воскликнул один из близнецов, всплеснув руками и глядя в небо.

Орлов поднял голову и увидел голубоватый яркий луч, сияющий во влажном ночном воздухе. Он появился из моря и лег на скалы сверкающим пятном. Скользнул по блестящим макушкам леса, рассек бухту пополам - и скрылся.

- Прожектор, - сказал Кирилл.

Да, то был луч мощного электрического прожектора, и сейчас он упирался в ту самую скальную стену, возле которой стояла на якоре «Паллада».

- Увидит? - спросил кто-то.

Вход в бухту сейчас вырисовывался удивительным образом: одна из стен была словно окаймлена алмазной бахромой.

- Увидел, - с отчаянием произнес тот же голос.

- Павел Григорьевич, посиди пока на бережку, подожди наших, - спокойно попросил Кирилл.

Все разом выпрыгнули из лодки и столкнули ее с отмели. Кирилл тут же снова забрался в вельбот, а Орлов остался стоять по пояс в воде. Весла ударили с такой силой, что взбили пену, и сквозь плеск донесся негромкий голос:

- Мы живо. Туда и обратно.

Орлов попятился к сваям причала, не в силах оторвать взгляд от сияния на выходе из бухты. Неужели Кирилл надеется на веслах отбуксировать шхуну в бухту? Да нет, это бессмысленно. Если «Палладу» заметили, то ей уже не спрятаться.

Сияние понемногу становилось все ярче, и стало понятно, что прожектор приближается. В шуме моря возник механический рокот. К берегу приближался пароход, невидимый в ночи, но несущий перед собой мощный луч света.

«Но ведь там рифы, - вспомнил Орлов. - Вряд ли даже самый искусный шкипер сможет в темноте повторить те же маневры, что совершила „Паллада“, когда мы сюда пришли. Да, пароходу придется остановиться довольно далеко от бухты. Возможно, с него будет отправлена досмотровая шлюпка. Правильно, на шхуне ее должен будет встретить капитан. Вот почему Кирилл туда отправился».

Он так и не заставил себя вернуться назад и спрятаться между сваями. Так и остался стоять на отмели, словно зачарованный мертвенным светом с моря, и только порой оглядывался на берег, надеясь увидеть там возвращающихся Илью и Беренса.

Но берег был по-прежнему пуст, а сияние становилось все ярче - пароход приближался~

Он не увидел, а, скорее, почувствовал на берегу какое-то движение. Спohватившись, побрел к сваям. В прибрежном тростнике кто-то просвистел «камаринского», и Орлов коротко свистнул в ответ.

- Кира ушел-таки на лодке? - спросил Илья, появившись из темноты. - Вот же вредный. Ушел, как обещал. Ну да мы тоже, как обещали, вернулись мигом.

- Мощный прожектор, - сказал Беренс. - На три мили все высвечивает, как днем.

- Там не три мили, гораздо меньше, - сказал Илья. - Я даже чую копоть от машины.

- Что там, в карьере? - спросил Орлов.

Ему было все равно, нашли они что-нибудь в карьере или сходили впустую. Ему было все равно, что там еще придумает Беренс для поисков своих казаков. Ему было все равно, что будет дальше. Потому что он уже знал, что дальше ничего не будет. Не будет шхуны. Не будет Галвестона. Не будет поезда в Калифорнию~

- В карьере? - рассеянно переспросил Беренс. - Ах, там, в могиле~ Да, там наши. По крайней мере, сверху.

Гулкий раскат грома прокатился над морем и трескучим эхом отразился от скал. Шипение и плеск взметнувшейся воды отозвались ему через мгновение.

- Недолет.

«Кто это сказал? Беренс или я сам? - подумал Орлов. - Черт бы побрал этого Беренса. Если б не он, давно бы ушли в море~»

Два удара один за другим сотрясли воздух. Эхо еще металось над водой, когда в угасающие раскаты вплелась трескотня пулеметов. Огненная цепочка пролетела в небе, и Беренс произнес:

- Зажигательные пули.

«Да замолчит он когда-нибудь?!» - Орлов был готов сбить его с ног. Но не мог

пошевелиться. В оцепенении глядел он, как к мертвенному сиянию прожектора прибавляется неровное красноватое зарево. Видимо, пожар на шхуне разгорался быстро, судя по тому, какие яркие отблески пробегали по волнам.

Илья вдруг бросился в воду. Несколько резких гребков - и вот его уже не видно в темноте, и только слышно, как бурлит вода, да едва виднеется пенная дорожка.

- Да, - вдруг сказал Беренс. - Война.

Орлов отошел от него и бессильно опустился на песок. Шхуна погибла. Война. Никаких досмотровых шлюпок. Любое судно не под твоим флагом - вражеское. Если его нельзя захватить, значит, оно должно быть потоплено. Рифы мешали пароходу подойти к «Палладе». И он ее уничтожил, ударив из пушек. Такова логика войны.

Шхуна погибла. Сгорела. Ее больше нет. Она не выйдет больше в море. И не встанет на рейде Галвестона, дожидаясь разрешения войти в порт. И «матрос Джим Брукс» может потеряться своими липовыми документами - больше они ему не понадобятся. Он погиб вместе с командой шхуны~

Орлов чувствовал, как свинцовой тяжестью наливается все тело. Ему хотелось лечь, лежать неподвижно, как бревно, и пусть его заносит песком.

Смерть приходит не в тот момент, когда раскаленный кусок свинца впивается в сердце, или когда вражеская сабля сносит голову - нет, она подкрадывается и опутывает липкой паутиной, и вот ты уже не можешь спрятаться от наведенной на тебя винтовки. Смерть наваливается невидимой тяжестью и сковывает тебе руки, и ты не можешь отразить удар сабли. Смерть приблизилась к капитану Орлову в ту же секунду, когда он понял, что не сможет вернуться к жене и сыну.

Что ж, ему следовало быть готовым к смерти, когда он отправился на войну~

- Война так война, - сказал капитан Орлов, подбирая с песка карабин, брошенный Остерманом. - Будем воевать. Сколько, вы говорите, отсюда до Сьенфуэгоса?

- Тише! - раздраженно повернулся к нему Виктор Гаврилович. - Слышите?

Канонада разрывов и пулеметный треск - все это не смогло заглушить едва заметный скрип уключин и плеск воды под веслами возвращающейся лодки.

Часть вторая

11

В Зимнем дворце о существовании российского флота вспоминали только во время очередного обострения отношений с Британией. И каждый раз неожиданно выяснялось, что флот находится в упадке, корабли сгнили, экипажи разбежались. Морское министерство тут же принималось лихорадочно составлять программы возрождения флота, иностранные верфи получали крупный заказ, а из Кронштадта в дальнее плавание срочно отправлялось более-менее сносное судно под Андреевским флагом - просто чтобы показаться в зарубежных портах и напомнить всем о славных морских традициях Российской империи.

Очередная вспышка государственной любви к флоту прилась на начало царствования Александра Третьего. Тогда близкие ко двору морские начальники отстаивали идею о неизбежности крейсерской войны.

Военно-морские операции, условно говоря, делятся на три основных вида - уничтожение вражеского флота, блокада чужих берегов и оборона своих. Нападение на коммерческие суда противника никогда не признавалось делом, достойным военных моряков, хотя и никогда не запрещалось. Но только к концу девятнадцатого столетия появился особый тип корабля, специально предназначенного для войны на морских торговых путях.

Крейсер - быстроходное судно, приспособленное к долгому пребыванию в море без заходов в порты. Вооруженный дальнобойными орудиями, он мог за считанные минуты пустить на дно любое гражданское судно, идущее под вражеским флагом. Артиллерия была

неотразимым аргументом и при встрече крейсера с нейтральными кораблями. Один только вид грозных орудий весьма способствует скорому исполнению команды «Прошу остановиться для досмотра». Если при досмотре обнаруживались грузы, явно предназначенные для противника, такое судно подвергалось аресту как нарушитель нейтралитета и конвоировалось крейсером в ближайший порт для следственных мероприятий. По крайней мере, так выглядели действия крейсеров на бумаге. Не оставалось, однако, никаких сомнений, что во время войны никто не станет церемониться с контрабандистами в открытом море, вдали от международных наблюдателей и мирового общественного мнения.

Крейсерский флот России к началу девяностых годов имел примерно полтора десятка вымпелов. Примерно - потому что к двенадцати броненосным и бронепалубным крейсерам могли в нужный момент присоединиться еще и несколько вспомогательных. Таковыми являлись гражданские пароходы современной постройки, закупленные в Америке. На их палубах имелись специальные площадки под орудия, но сами орудия до поры до времени хранились на берегу. Достаточно быстроходные, эти суда могли разместить в своих коммерческих трюмах дополнительные запасы угля и потому превосходили своих военных собратьев по дальности плавания. Правда, они уступали в вооружении, но нескольких орудий, в нужный момент скрытно установленных на палубе, должно было хватить для действий против безоружных торговых судов.

Преображение мирного парохода в военный корабль должно было произойти после того, как за кормой останутся Босфор, Дарданеллы и Гибралтар. Только выйдя в океан, «вспомогательный крейсер» мог сменить коммерческий триколор на Андреевский крест и убрать с палубы заслонки, скрывающие артиллерию.

Основными направлениями для действий крейсеров считались три района - Южная Атлантика, Индийский океан и юго-западный угол Тихого океана.

Английский флот безраздельно господствовал в этих районах, как и в любом другом уголке открытого моря.

Французы имели свои базы на западе Африки и в Индокитае. Немцы опирались на Занзибар и Макао. И только российский флот был прикован к своим внутренним портам, мелководным и замерзающим. У России не было баз там, где должна была развернуться крейсерская война. Поэтому ее флот и не брали в расчет стратеги всего мира, готовясь к неизбежным схваткам за морские коммуникации.

Тем громче могли прозвучать залпы русских крейсеров там, где их никто не ждал.

* * *

Десятого декабря тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года вся Одесса высыпала на набережную, провожая пароход, на котором к берегам далекой Африки отправились две сотни казаков атамана Николая Ашинова.

Примерно пару лет спустя на индонезийский остров Бали прибыл русский горный инженер Василий Малыгин, намеревающийся наладить здесь добычу нефти.

Еще через год в Карибском море стали замечать шхуну под флагом русского Географического общества, и офицер-гидрограф Виктор Беренс начал обследовать юго-западное побережье острова Куба.

Таким было начало многоходовой комбинации, разработанной в самых потаенных кабинетах Зимнего дворца.

А вот каким было ее развитие.

Ашиновские казаки высадились на сомалийском берегу и основали станицу Новая Москва. Спустя пару месяцев французская колониальная администрация расценила эти действия как акт агрессии. Казачье поселение было снесено с лица земли огнем подошедших к берегу крейсеров, а сами казаки под конвоем выдворены в Египет, откуда их с большим

трудом удалось переправить обратно в Россию на русских военных кораблях.

Деятельность Малыгина в Индонезии имела мало общего с его первоначальными планами. Местный раджа приблизил к себе инженера, прекрасно говорящего по-английски, по-китайски, по-голландски. Но, видимо, темой их бесед стала не только нефтедобыча. Спустя пару лет российский консул направил в МИД секретную депешу с сообщением о том, что балийский раджа готов признать суверенитет любой европейской державы, лишь бы избавиться от ненавистных ему голландцев. Пока в России взвешивали, поддержать ли островитян, да в какой форме, да в какие затраты сия поддержка обойдется - островитяне ждать не стали. На Бали вспыхнуло восстание. После кровопролитных боев оно было подавлено голландскими войсками. Малыгина схватили и бросили в тюрьму. Утверждали, что он не только сочувствовал мятежникам, но и был их военным советником. Никаких доказательств у обвинителей не имелось, однако Малыгин не стал дожидаться суда и бежал из тюрьмы.

Что же касается гидрографа Беренса, то он продолжал бороздить Карибское море, отбирая пробы воды и грунта и педантично нанося на карту результаты своих исследований.

К середине девяностых годов Особое совещание по морским базам уже могло бы ответить на вопрос - где и как будет заправляться топливом русский крейсерский флот, не имеющий постоянных угольных станций?

Рассчитывать на заправку в нейтральных портах? Это рискованно, с учетом возможностей дипломатии и разведки противника. Пополнять запасы за счет перехваченных судов? Но кто знает, сколько таких захватов удастся произвести, а уголь нужен постоянно. Средний крейсер имеет запас на десять суток хода. Бункероваться в открытом море с угольщика можно только при спокойной воде, да и то - если корабли найдут друг друга. Вот если бы назначить место встречи не в открытом море, а в тихой бухточке~

После долгих дебатов сочли наиболее рациональной следующую схему. В нейтральном порту фрахтуется судно-угольщик. Соблюдая меры предосторожности от наблюдения противника, оно приходит в определенное место. Таким местом должна быть малоизвестная бухта в нейтральных водах, доступная для крейсеров. Там, на тихой воде, вдали от лишних глаз, происходит бункеровка. И крейсер снова направляется в оперативный район.

Таких стоянок нашлось не слишком много. Всего три.

Российские газетчики сначала превозносили атамана Ашинова, называя его «русским Магелланом», а после возвращения смешали его с грязью. Они, наверно, взвыли бы от ярости, узнав, что Особое совещание сочло результаты ашиновской экспедиции вполне удовлетворительными. Да, к сожалению, государство российское так и не обзавелось собственной колонией на африканском берегу. Но пока несостоявшиеся колонисты обживали берега Таджурского залива, все его укромные бухты были обследованы морскими офицерами, входившими в состав экспедиции под видом агрономов. Побывала в заливе и русская канонерка, промерив глубины. На берегу были установлены навигационные знаки. Да, от станицы ничего не осталось. Но остались связи с местным населением, между прочим, православного вероисповедания. И ничто не препятствовало использовать эти связи в дальнейшем. Скажем, для того, чтобы в нужное время обозначить удобные подходы к бухте для последующей бункеровки.

А вот героические усилия Василия Малыгина, направленные на создание военно-морской базы в районе Индонезии, Особое совещание посчитало нецелесообразными. Содержать такую базу было бы слишком дорого, а в случае войны она бы не устояла под атаками немцев или англичан, имевших здесь огромное влияние. Кроме того, Индонезия слишком удалена от района основных операций российского флота.

Итак, Особое совещание признало полезным дальнейшее развитие африканской стоянки и решило отказаться от стоянки индонезийской. Оставался невыясненным лишь один вопрос - что делать с бухтой, облюбованной на Кубе гидрографом Беренсом?

Отношения с Испанией были традиционно теплыми, но не более того. Пойдет ли регентша Мария-Кристина на тайное военное соглашение? Не побоится ли реакции англичан

и американцев, если им станет известно о строительстве морской станции?

Чтобы склонить испанцев к сотрудничеству, потребовались настойчивые, хотя и деликатные, усилия лучших российских дипломатов. Многие из них получили ордена и повышения по службе, когда, наконец, удалось подписать первое соглашение о военно-морской базе. Щедро раздававший награды император был бы немало удивлен, узнав, что Мария-Кристина тоже высоко отметила заслуги своего дипломатического корпуса. Ведь Испания рассчитывала выбраться из опасной передрыги, опираясь на русское плечо, так вовремя подставленное.

Все дело было в том, что Мадрид пытался любой ценой избежать военного столкновения с Северо-Американскими Штатами. Армия была изнурена боями с кубинскими и филиппинскими повстанцами. Коммуникации, растянутые на тысячи миль, были легко уязвимы. Администрация колоний погрязла в казнокрадстве и не предпринимала ничего для укрепления обороны.

Командующий Антильским фронтом маршал Бланко понимал, что неплохо бы направить в кубинские воды побольше кораблей, да только где же их взять? Испанский королевский флот влачил жалкое существование, да к тому же был распылен по трем океанам. Но если на Кубе появится военная база дружественного государства, ею можно будет хотя бы немного прикрыться. Укрепрайоны Гаваны и Сантьяго были, по мнению Бланко, неприступными. Эти морские крепости обладали не просто множеством орудий и мощными укреплениями, в них была доведена до совершенства система огневых точек, перекрывающая сухопутные подступы. А с моря Гавану и Сантьяго должна была прикрыть флотилия адмирала Серверы. Так что за северо-западный и юго-восточный берег можно было не волноваться. Но противник мог зайти со стороны Юкатанского пролива. Вот если бы там, на юго-западном берегу, словно по мановению волшебной палочки, появился еще один укрепрайон, пусть даже не совсем испанский, пусть и наполовину российский~

Эта волшебная палочка была в руках русского императора. Александр Третий взмахнул ею, и транспорты с «добровольцами» тронулись в далекий путь из Владивостока и Батума.

На батумском пароходе теснились три сотни оборванцев, спешно зачисленных в Кубанское казачье войско. (Остряки тут же переименовали их в «кубинских» казаков.) Они прибыли на Кубу в сентябре и принялись валить лес, копать колодцы и строить бараки.

В декабре к ним присоединились пассажиры тех пароходов, что вышли из Владивостока. Среди них были казаки-амурцы, входившие в конвойную сотню. Но большей частью эти «добровольцы» просто сменили одну каторгу на другую. По всему Забайкалью и Амуру, от Нерчинска до Сахалина из тысяч арестантов были отобраны те, кто имел хоть какое-то отношение к флоту. Бывшим матросам, кочегарам и машинистам было сказано, что остаток срока они отбудут в заморских землях, и срок тот будет изрядно сокращен, и, выйдя на свободу, они станут служить в портовой команде - если, конечно, не захотят вернуться в Россию.

Почему Особое совещание решило выбрать для строительства базы именно моряков? На то было много причин. Неискоренимая флотская дисциплина, вбитая кулаками боцманов, должна была в новых условиях уравновесить почти полное отсутствие конвоя. Возвращение в знакомую обстановку должно было способствовать укреплению созидательного духа. Кроме того, набранный контингент уже обладал необходимыми навыками с учетом того, что в будущем основным занятием портовых команд станет обслуживание заходящих кораблей и загрузка на них угля. Но была еще одна причина. Практика морских перевозок заключенных показала слишком высокую смертность среди них, вызванную как общим истощением, так и тяготами плавания. Только люди, уже проверенные морем, способны были совершить столь длинный переход, не понеся существенных потерь.

Расчет оправдался. Преодолев Тихий океан, обогнув мыс Горн и дважды перешагнув экватор, каторжане сбросили за борт всего-навсего шесть покойников.

Особое совещание хотело обмануть смерть, но та ударила оттуда, откуда не ждали. От таинственной и неизлечимой болезни умер Александр Третий, и вместе с ним умерли и все

военно-морские программы. Морское министерство несколько раз перелопатили. К тысяча восемьсот девяносто восьмому году никто из высших морских чиновников и не знал о строительстве русской базы в Карибском море. А те, кто знал, уже не могли ей ничем помочь.

Смерть собирала свой урожай и на Кубе. Первый же летний сезон унес половину из прибывших. За три года количество строителей сократилось до сотни. Малярия косила и казаков. К январю девяносто восьмого года всех оставшихся в живых можно было без особого стеснения разместить на пароходе средней вместимости.

Но где взять такой пароход?

И тогда Виктор Гаврилович вспомнил о гидрографической шхуне, уже не первый год стоявшей на ремонте в галвестонских доках~

- А дальше вы знаете, - сказал он, завершая короткий рассказ.

- Я знаю одно, - произнес Петрович. - Пешком нам отсюда не уйти. Так что, Кирила Андреич, думай, как нам домой попасть.

12

Они укрыли вельбот в прибрежном тростнике, вынеся из лодки все, что могло пригодиться. С особым тщанием Кирилл отнесся к бумагам. На шхуне велись одновременно два судовых журнала. Они немного различались, но последняя запись в обоих была сделана одна и та же. Судя по ней, сегодня ночью шхуна «Паллада» была атакована неизвестным судном, находясь в двадцати милях к юго-западу от южной оконечности острова Пинос.

- Думаешь, страховая компания все спишет на испанцев? - спросил Остерман.

- Ничего я не думаю. Но бумаги должны быть в порядке.

Журналы, ведомости и квитанции были обернуты клеенкой, после чего Кирилл стянул рубашку и приказал привязать этот пакет ему за спину.

- Кирила Андреич! - жалобно воскликнул Макарушка. - Да что же это такое! Да нешто б я не мог~

- Бумаги - капитанские, капитану и таскать, - оборвал его Петрович. - Своя ноша не тянет.

Своей или не своей, а ноши набралось изрядно. Орлов, с двумя флягами у пояса, да еще с кобурой на бедре, кроме двух патронташей и карабина на груди, приспособил за спину мешок с сухарями.

Наверно, если б у Петровича было больше времени, он бы загрузил вельбот не только оружием. Он бы прихватил с собой и солонину, и консервы, и посуду с камбуза. Но, подгоняемый пулеметными очередями и близкими разрывами снарядов, он успел сбросить в лодку Кириллу только самое ценное. Рассудил, наверно, так: человек с винтовкой без еды не останется. Вот и получилось, что у каждого из братьев Акимовых из-за плеча выглядывали по два приклада.

Начинало светать, когда они добрались до пещеры.

- Всем спать, - сказал Кирилл. - Табак, у кого есть, спрятать подальше. Дома накуримся.

- Надо бы за берегом присмотреть, - проворчал Петрович. - Прилив будет, авось принесет чего.

- Чего?

- Мало ли, чего. Не все же сгорело.

- За берегом я присмотрю, - вызвался Орлов.

- Добро, - сказал Кирилл.

- Я тоже пойду, - сказал Остерман.

- Сменишь меня потом. Я в камнях залягу. А вдвоем там делать нечего.

Ему, конечно, хотелось бы порадовать старого боцмана какой-нибудь находкой, уцелевшей после разгрома и принесенной волнами. Но он рассчитывал увидеть и кое-что кроме обломков. Без сомнения, в самое ближайшее время в бухте должны были появиться шлюпки с парохода, погубившего шхуну. Орлов не знал, как он поступит, увидев вражеских моряков. Может быть, захватит для допроса. А может, просто перестреляет. Придет новая шлюпка, он и ее встретит. Патронов хватает~

Он устроился между двумя валунами, соорудив перед собой бруствер из сухих водорослей. С боков его прикрывали камни, сзади поднималась стена тростника. Теперь обнаружить Орлова можно было только сверху, но вряд ли противник располагает воздушными баллонами для наблюдения. Судя по газетным фотографиям, американцы успешно использовали аэростаты для корректировки артиллерийского огня с кораблей. «С броненосцем мне не тягаться, - подумал Орлов, - а вот пару-другую шлюпок я бы приголубил».

Кровожадные мысли доставляли ему своеобразное удовольствие, но он прекрасно понимал, что не сделает ни единого выстрела по врагу. Ну, разве только в крайнем случае. Если один из них забредет сюда, к тростнику, и просто наступит на Орлова. Вот тогда, естественно, он будет вынужден~

Он так и не решил, каким именно способом убьет бедолагу, потому что увидел шлюпку.

Ярко-белая, она ходко скользила по зеркалу бухты. Размеренно вскидывались и опускались три пары весел.

«Шестеро? Для такой большой шлюпки маловато, - подумал Орлов. - Может быть, остальные прячутся на дне? От кого им прятаться?»

Лодка наткнулась носом на отмель. Матросы попрыгали в воду и развернули шлюпку бортом к берегу. Оказалось, что в ней стоит на треноге пулемет.

«Кто они? Американцы или испанцы? - гадал Орлов. - По униформе не отличить. Флага нет. Надпись на борту мелкая, не прочесть. Безобразия».

Матросы были одеты не по форме, кто в чем. Они разбрелись по пляжу и принялись собирать крабов. Орлов прислушался. Они перекрикивались по-английски.

«Значит, нас атаковали янки. Возможно, приняли шхуну за канонерку, одну из тех, что прячутся среди островов. Если „Паллада“ затонула, то они, наверно, считают, что команда погибла вместе с судном. Если бы заметили, как уходил вельбот, то сейчас не были бы так беспечны. Могли бы и отряд высадить покрупнее. И берег прочесать. А эти - какие-то гуляки на пикнике. Безоружные, если не считать пулемета. Пугнуть их, что ли?»

Карабин так и просился к плечу, требуя отомстить за «Палладу». Но здравомыслие восторжествовало, отчасти подкрепленное воспоминанием о недавних минутах, проведенных под пулеметным огнем.

Матросы стянули нательные рубахи и, завязав узлом, набивали их пойманными крабами. Наконец, все они собрались вокруг шлюпки. Но не спешили столкнуть ее с отмели. Они долго препирались. Орлов, желая подслушать, приподнялся над камнем и приложил ладонь к уху. Однако тут же снова распластался среди валунов, едва увидев вспышку у пулеметного ствола.

Стреляли прямо в него. Пули с треском вспороли воздух в паре метров над его головой.

Он хотел ответить, но увидел, как фонтаны песка пробежались по дуге пляжа, сначала возле самой воды, затем под пальмами. Пулемет стрекотал непрерывно. Небольшая заминка - и снова невыносимо долгая череда выстрелов.

Матросы либо упражнялись в стрельбе из нового для себя оружия, либо просто забавлялись. Но, возможно, таким способом они выполняли приказ на прочесывание местности. Что ж, прогресс в вооружениях часто вносит поправки в тактику.

Где-то рядом послышался голос Остермана:

- Паша, ты как?

- Чего вылез?
- Любопытство разобрало, не усидел. В кого быют-то?
- В белый свет.

- Вот босяки~ - Илья пристроился за соседним камнем. - Выманить бы их на берег. Половину перебить, двух-трех взять живыми. Одного отпустить на корабль. Переговоры начнем. Поторговаться насчет пленных. Капитан, само собой, плевать на них хотел. Но хоть пулемет нам достанется. Да и шлюпка не помешала бы. Ты умеешь с пулеметом обращаться?

- Я - нефтяной агент, а не артиллерист, - сердито ответил Орлов. - И выброси эти мысли из головы. Если их тронешь, в бухту войдет крейсер, и как врежет из всех орудий! Вот тебе и все переговоры.

Словно в подтверждение его слов с моря донесся протяжный пароходный гудок.

- Да шучу я, шучу, - мигом прismatic Илья.

Пароход прогудел еще дважды. Лодка, наконец, развернулась и отошла от берега.

- Не хочешь так, можно по-другому, - снова заговорил Остерман. - Могли бы кинуться к ним с криками «Спасите, помогите!». Мол, терпим бедствие, мучаемся в испанском плену. Гип-гип ура освободителям. Плюс разумное вознаграждение. Глядишь, через недельку будем дома~

- В лагере для военнопленных ты будешь, а не дома.

- В лагерь не хочу. Говорят, в них народу померло больше, чем во всех боях. Держи, Паша.

Из-за камня высунулась рука с фляжкой.

- Не буду, спасибо.

- Напрасно. Не знаешь, от чего отказываешься. Когда меня Петрович за шкуру из воды поднял, я первым делом сунулся под заднюю банку, где положено держать согревающее. И вот, не промахнулся. Джин, последняя фляжка. Когда еще придется отведать эдакое чудо~ Ну, будешь?

- Нет. Ты скажи лучше, зачем кинулся в воду?

- Я тоже могу спросить - почему ты не кинулся?

- Бесполезно.

- Зато на душе стало легче. Глупо? Да я и сам знаю, что глупо. Поумнел уже на середине бухты. Штаны вниз тянут, задыхаюсь. Лег на спину, чтоб отдышаться. В небе огненные строчки пролетают. Взрывы гремят. Прямо Чесменский бой. Смотрю, вельбот. Гребут осторожно, тихо, будто их могут услышать. И ругаются шепотом. Петрович чего-то Макарушку клянет. Соль забыли взять. Ну, трагедия~ - Илья приглушенно рассмеялся. - Соль-то мы добудем. Вот уляжется шумиха, выйдем в море. Главное - соль не забыть, а то Петрович Макарушку заест.

- На чем выйдем? На вельботе?

- А что такого? Парус поднимем, и вперед! Тесновато, зато меньше прибирать. Надо будет только сначала с могилами разобраться. Мы с Гаврилычем осмотрели верхних, что сразу под камнями лежат. Та же история. В затылок. И на руках - провод телефонный.

- Много их там?

- Три ряда по пять-шесть тел. Осталось найти еще с полсотни.

- Тел?

- Да лучше бы живых. Надоели уже эти покойники~ - Из-за камня снова показалась фляжка. - Будешь? За то, чтоб живых найти.

Орлов пригубил джин и спросил, вернув фляжку:

- С живыми что делать будем? Тоже - на вельбот?

- Любишь ты, Паша, привязываться с неуместными вопросами. Ты смотри, какая красота вокруг. Пальмы, птички, солнышко. Рай земной. В раю не надо думать. Не надо вопросы задавать. Все как-нибудь образуется. И не в таких переделках бывали~

«Как быстро на него действует выпивка, - подумал Орлов. - Как быстро, и как хорошо. Мне бы так».

В отличие от благодушного соседа, он видел вокруг себя не рай земной, а западню, из которой нелегко будет вырваться.

* * *

Время от времени из-за скал доносились гудки парохода. Что означали эти сигналы? Кому они были адресованы? Другим кораблям или кому-то на берегу? В любом случае, пока пароход стоял напротив бухты, нечего было и думать о выходе в море на вельботе.

Кирилл забрал Орлова, оставив Илью наблюдать за берегом. Отойдя подальше, Орлов спросил:

- Ты не боишься, что он заснет? У него с собой фляжка.
- Да знаю. Не заснет. Мне спокойнее, когда он пьяный. Илюха от выпивки добрее. - Кирилл остановился, глядя из-под ладони на сиреневую гладь лагуны. - Куда бы забраться, чтобы море было видно?

- На скалы.
- Сходим, посмотрим на пароход?
- А если там кто есть, на скалах?
- А мы незаметно. Только глянем, и сразу назад.
- Ты же сам приказал всем спать, - напомнил Орлов.
- Все и спят, как приказано. Кто ночных капель не принимал. А нам еще долго маяться.
- Кирилл легко и бесшумно шагнул по крутому склону, не отводя ветки, а пригибаясь под них.
- У Луки Петровича много разных капель. Он ведь колдун, ты разве не понял?

- Я понял, что от ваших капель дураком станешь, - сказал Орлов, слегка запыхавшись на подъеме. - Двое суток без сна. Что потом-то будет? Недельку отсыпаться?

- Не беспокойся. Не в первый раз. У Петровича все по уму. А что насчет дурака - это ты верно заметил. Глаза и уши становятся как у зверя. С головой - то же самое. Начинаешь соображать хуже. Ну, не хуже, а как-то не так, как раньше. Не беспокойся, это тоже пройдет. Ляжешь спать, утром встанешь - вот и все.

Они остановились перед отвесной скалой. Кирилл поглядел вверх, придерживая шляпу.

- Нет, - сказал Орлов. - Залезть-то залезем. А спускаться как? Нет. Пойдем вдоль кручи, может, найдем тропинку.

Скальная стена вздымалась над деревьями. Ее отполированный ветром гранит поблескивал между ветвями. Глянув вперед, Орлов увидел сквозь листву темно-синюю полосу и понял, что скоро перед ними откроется море. Вовсе необязательно забираться на самый верх. Оглядеть горизонт можно будет и отсюда, с границы леса и скал.

- Тебе так не терпится поглядеть на крейсер? - спросил Орлов, едва поспевая за Кириллом.

- Да хочу понять, зачем он трубит. Как бы высадку не затеяли. Придется ноги уносить.
- Если высадка - прощай, вельбот. И что тогда?
- Да лодку-то мы найдем, - легко ответил Кирилл. - Купим. Или так возьмем. Не беспокойся, уйти-то мы отсюда уйдем.

- Куда? Отсюда только до Флориды миль двести. Да нет, много больше. А до Галвестона - и подумать страшно.

- На Ямайку уйдем.
- А сколько до нее?
- Она ближе всего. Там у меня друзья. Не беспокойся.
- С чего ты взял, что я беспокоюсь?

Неожиданно Кирилл застыл на месте, подняв руку. Орлов остановился и затаил дыхание. Оба медленно присели, прячась в кусты за скальный выступ.

- Ты что? - шепнул Орлов.
- Дым, - едва слышно ответил Кирилл. - Чуешь? Курят.

Надсадный гудок парохода отразился эхом от скал. Но его рев не смог заглушить легкое похрустывание сухой хвой. Орлов показал Кириллу один палец и вытянул револьвер из наплечной кобуры. Кирилл кивнул, но прикрыл ладонью ствол его кольта.

«Там крадется кто-то. Он один».

«Пока не стреляй».

Примерно так можно было бы передать словами их немой разговор.

Орлов опустил на колено, держа кольт на уровне глаз и целясь туда, где снова хрустнула ветка, - как раз тогда, когда снова прогудел пароход. Кто-то не очень умело подкрадывался к ним снизу, от бухты, стараясь подгадать шаги под рев гудков.

Кирилл коснулся его плеча и показал два пальца, а потом свой «смит-вессон». Он брал на себя тех двоих, что подбирались к ним вдоль скалы, со стороны открытого моря.

Ветер разогнал тучи, нависшие над бухтой. Солнечные пятна вспыхнули на красных стволах сосен, раскинулись резным узором по склону - и в этом свете Орлов увидел, как что-то мелькнуло между деревьями. Прямо напротив мушки. Он с трудом удержался от выстрела.

С трех сторон его окружали гибкие ветви папоротника, и ствол револьвера не выглядывал за них. А со спины Орлова закрывал Кирилл. Позиция была надежной, незачем было лишаться ее без особой нужды. А после выстрела сразу придется откатываться в сторону. Нет уж, пусть первый же удар окажется последним. Бить надо наверняка. В лесу преимущество у того, кто атакует. Но только тогда, когда его не видят. Лесная война - это война невидимок~

И вдруг он тоже почувствовал запах. Но то был не табачный дым. Нет, что-то похожее, но другое.

- Эй, вы, двое! - крикнул по-испански кто-то, прячась за деревьями. - Мы вас окружили. Давайте не поднимать шум. Шум никому не нужен.

«Они нас не видят, - подумал Орлов. - Хотят обнаружить по голосу. Надеюсь, Кирилл не собирается с ними беседовать».

Не дождавшись ответа, невидимый противник снова подал голос:

- Мы можем договориться. Чего вам тут надо? Кого вы ищете?

«Кто там? Явно не солдаты. Бандиты? Мирные жители? Скорее всего, обычные бродяги. Их всего трое, и они нас боятся».

- Давайте просто разойдемся! Мы вас не тронем, если вы уберетесь туда, откуда пришли. Но если еще раз попадетесь нам, то даже не успеете заметить, как окажетесь на небесах! Эй! Слышали? Мы вас отпускаем! Уходите!

За спиной Орлова послышался шепот Кирилла:

- А запах-то не табачный. Знаешь, чем пахнет?

Орлов уже знал, чем пахнет: той мазью, какой Петрович лечил израненные ноги спасенного репортера.

- Эй, Холден! - позвал он негромко.

Он прикрывал рот ладонью, чтобы труднее было определить, откуда идет звук. Но никто не выстрелил в его сторону.

- Френсис Холден из Бостона, я знаю, что ты здесь! - крикнул он по-английски. - Почему ты снял сапоги? Только не говори, что ты их потерял. Боцман не переживет такого удара.

- Джим? - послышалось откуда-то из-за спины.

- Да, это я, Джим Брукс! Ты с кем там?

- Тут мои друзья. Может быть, хватит прятаться?

- Может быть, хватит держать меня под прицелом?

- Никто и не держит.

Орлову очень хотелось повернуться в ту сторону, откуда шел голос Холдена. Но он не опускал револьвер, продолжая целиться в дерево, за которым кто-то прятался. Еще неизвестно, что за птица этот репортер, что у него за друзья. Может быть, такие же, как тот,

кого вчера пришлось зарезать в лесу?

- Вижу, - шепнул Кирилл. - Показались. Он безоружен. С ним негр. С мачете, другого оружия не видно.

- Нас тут трое! - крикнул Холден и добавил по-испански: - Эрнесто, все хорошо, это свои! Это те парни, которые меня спасли!

- Что им здесь нужно? - раздалось из-за дерева.

Только сейчас Орлов смог разглядеть, что у самых корней, вздымающихся над землей, виднеется ствол карабина, нацеленный в его сторону.

- Эрнесто! - крикнул он. - Я слышал про твоего тезку, Эрнесто Карденаса. Парни Боба Клейтона спорили, убит он или живой.

- Парни Клейтона? Проститутки! Где ты их видел?

- У сломанного моста. Они спешили унести ноги, не хотели задерживаться. Говорили, тут земля Карденаса.

Винтовочный ствол исчез, и из-за дерева поднялся молодой бородач в шляпе с обрезанными полями. Он закинул карабин за спину и с вызовом упер кулаки в бок:

- Ну, кто тут хотел видеть Эрнесто Карденаса?

Орлов убрал револьвер в кобуру и встал, показавшись над кустом. Наконец-то он смог обернуться и увидеть Холдена. Тот стоял чуть ниже по склону, опираясь о дерево. Вид у репортера был неважный. Лицо казалось серым, щеки ввалились. Повязки на ногах сбились книзу, превратившись в бесформенные кучи тряпок.

- Френсис, а где же сапоги? - спросил Орлов.

- В них жарко, - устало махнул рукой Холден. - Но слушай, Джим, ведь ваша шхуна~ Ее же потопили испанцы!

- Какие испанцы?

- Пойдем, сам увидишь. Познакомься, это мои друзья - Эрнесто и Луис.

Обменявшись неизбежными на Кубе рукопожатиями, они пошли вдоль скалы туда, где за деревьями виднелось море. Холден ковылял, опираясь на палку. Верзила-негр шагал возле него с таким видом, будто репортер вот-вот рухнет, и он должен будет подхватить его на лету. Эрнесто и Кирилл шли последними, негромко переговариваясь. Орлов подивился умению Кирилла мгновенно находить нужный тон в разговоре с любым незнакомцем. Это была приветливость без заискивания, немногословность без скрытности, теплота без панибратства. Сейчас он весьма дружелюбно беседовал с человеком, которого только что был готов застрелить. Впрочем, и Карденас просто излучал радушие и миролюбие.

- Дальше не пойдем. Поползем, - сказал Холден и, кряхтя, опустился на четвереньки. - Испанцы считают, что этот берег ими очищен. Не будем лишать их приятной иллюзии.

Ползком они взобрались на гребень скалы, и у Орлова захватило дух от распахнувшегося перед ним морского простора. Картину портил лишь пароход, застывший на лазурной глади.

Когда-то судно выкрасили в белый цвет, но сейчас его борта были испещрены ржавыми полосами и черными потеками. Сверху было видно палубу, тоже местами черную, местами ржавую. Ключья дыма вырывались из двух широких труб, которые стояли как-то косо. Две мачты с небрежно подвернутыми парусами тоже казались косыми. Носовое орудие крупного калибра смотрело на берег. Вдоль борта нависали над водой две полукруглые площадки с орудиями помельче. Под ними жались к ржавому борту три белые шлюпки с пулеметами на треногах. В одной никого не было, из другой выбирались те, кто ходил на «прочесывание берега». А в третью по штормтрапу спускались матросы в темных тужурках, подавая друг другу винтовки и патронные ленты.

- Почему ты думаешь, что это испанцы?

- Я знаю все суда нашей флотилии, - заявил Холден. - От флагманского крейсера «Нью-Йорк» до последнего рассылного катера. Все наши корабли выкрашены в серо-зеленый цвет. А этот - белый. И все наши ходят под звездно-полосатым флагом. Этот - без флага.

- Ну и что? Флаг спустить нетрудно.

- Подожди, я не закончил. Вдоль этого побережья не осталось ни одной рыбацкой лодки, не говоря уже о судах побольше. Лодки сожжены, шхуны и барки потоплены испанцами. Они уничтожают любое подозрительное судно, чтобы пресечь поставки оружия партизанам. Вот и вам не повезло. Мне жаль, Джим, что я не успел предупредить. Но, может быть, кто-то и спасся?

- Спаслись все, - сказал Орлов.

- Невероятно! Нам даже отсюда было страшно смотреть, как горела шхуна. А как они по ней молотили! Ты бы видел, сколько рыбы болталось утром на волнах. Не думал я, что кто-то выживет в такой мясорубке~ - Холден оглянулся на своих спутников. - Да, вам повезло. А нам - нет. Я торопился сюда, чтобы попасть в отряд Карденаса. Но я опоздал. Отряда больше нет. Эрнесто и Луис, вот и все, кто остался в живых. У нас нет ни еды, ни патронов. Они рассчитывали на меня. Но я ничего не привез.

- Мы можем поделиться с вами.

- Это не выход. Надо уходить отсюда. Здесь гиблое место, Джим. Испанцы озлоблены. Они были бы счастливы схватить хотя бы одного американца, чтобы отомстить ему за поражение. А если им в руки попадет целая команда~ Нет, мы не доставим им такого удовольствия. Надо уходить отсюда, Джим.

- Для вас найдется место в пещере.

Холден покачал головой.

- Надо уходить в Сантьяго, где наши, вот что я хотел сказать.

Пока они говорили, Орлов насчитал шестерых матросов, которые спустились по штурмтрапу. А над фальшбортом уже скопились другие, которых, видимо, и ожидала пустая шлюпка.

Кирилл, до сих пор молча наблюдавший за пароходом, сказал:

- Не дадут нам уйти. Ни морем, ни лесом. Пойдем. Видишь, какие серьезные ребята грузятся. Надо готовить им встречу.

13

Две шлюпки, войдя в бухту, направились не к причалу, а к противоположному берегу - и у Орлова отлегло от сердца. Ему не хотелось вступать в бой. У противника дюжина бойцов, два пулемета. А у него всего-то шесть стрелков с карабинами, да двое с револьверами. Ну, да, еще один - с мачете. Негр Луис залег в тростнике, пообещав, что ни один испанец, зашедший туда, не выйдет живым.

Но его угрозы были напрасными. Противник направился в другую сторону. Высадившись, моряки скрылись за пальмами, углубляясь в лес. В лодках остались только пулеметчики, в каждой по два.

Беренс, лежавший за валуном справа от Орлова, поднес к глазам бинокль.

- Это не «кольты» в лодках, - произнес он. - Ствол закрыт кожухом. Похоже на «максим-норденфельд». Я еще утром отметил, что темп стрельбы несколько отличается от того, что мы имели удовольствие слышать вчера у карьера. Кстати, эти господа явно направляются туда же. В таком случае мы скоро будем иметь возможность сравнить голоса двух пулеметных систем.

- Вряд ли. Испанцы не будут стрелять по своим.

- Испанцы? Но в лодках прибыли американцы. Испанские моряки носят не такую форму. Впрочем, я вообще теряюсь в догадках. Ведь и на американском флоте нет таких черных тужурок. Полубуйтесь~

Он передал бинокль, и Орлов спрятал его себе под грудь. Виктор Гаврилович недовольно покосился на него, но промолчал. Будь на его месте кто-нибудь другой, например, Макарушка - тогда бы Орлов не поленился объяснить, что из-за туч то и дело пробивается солнце, и его лучи падают так, что могут отражаться в стеклах бинокля, и

любой такой отблеск может выдать позицию. Но Беренс не нуждался в его поучениях. Он и сам все понимал. Должен был понимать.

- Мне тоже думается, что эти парни - не испанцы, - сказал он все же, чтобы как-то смягчить свой жест. - Я слышал утром, как они перекрикивались. Но они довольно уверенно себя тут чувствуют.

- Самоуверенность слетит с них после первой же очереди. Вот увидите, как резво они побегут обратно.

- Побегут, или пойдут парадным маршем - все равно. Лишь бы не на нас.

Однако время шло, а ничего не менялось. Безмятежную тишину нарушал только плеск прозрачной волны да щебетанье птиц. Те, кто остался в шлюпках, не проявляли ни малейшего беспокойства. Один из пулеметчиков сидел на борту. Закатав штанины, он болтал ногами в воде. Остальные стрелки разлеглись, сонно прикрыв физиономии шляпами.

- Да, ведут себя по-хозяйски. Я бы и сам не прочь вздремнуть, - пробормотал Беренс.

Орлов подумал, что не напрасно устроился рядом с ним. Виктор Гаврилович более всех прочих нуждался в неусыпном контроле. То он стреляет без приказа, то биноклем отсвечивает, сейчас вот спать на позиции вознамерился.

- Не спать, не спать! Вы же сами все время повторяете: «война, война». На войне самое тяжелое - это ожидание. Будем ждать, пока они не пойдут на нас.

- А пойдут ли?

- Надеюсь, что нет. Но ждать - будем.

- Вам бы, Павел Григорьевич, вдоль всей позиции пройти. Воинов подбодрить. Макарушку, да и Акимовых. А то ведь заснут.

- У Акимовых свой командир есть.

- А вы, значит, меня под крыло взяли? И что я должен сказать в ответ на заботу? Рад стараться, ваше благородие?

- Достаточно будет и того, что вы не заснете. И не станете больше стрелять без команды.

Беренс засопел, заворочался за валуном, устраиваясь удобнее. Прошло еще несколько тягостных минут. Орлов приподнял голову, оглядываясь. Он не видел никого - ни Кирилла с Акимовыми на правом фланге, ни Илью на левом, ни всех остальных, кто остался на подступах к пещере. Пока все держались неплохо, не выдавали себя ничем. Но как долго они выдержат? Ведь ждать придется до тех пор, пока лодки не уйдут обратно. Или пока не придется открыть огонь. Когда-то Орлову приходилось подолгу лежать в засаде, и он хорошо запомнил эту муку. Особенно сильную в том случае, если приходилось уходить с пустыми руками, зря потратив драгоценное время~

- Ваше благородие, разрешите обратиться?

- Не ерничайте, Виктор Гаврилович.

- Виноват, не буду. Посоветуйте, как сонливость победить. Глаза, как песком натерты. Умыться бы, да воду жалко.

- Не жалейте. Плесните из фляжки за шиворот, - посоветовал Орлов.

За камнями послышалось журчание.

- Кажется, помогает, - доложил Беренс спустя минуту.

В лодках уже не было никого видно - все лежали внутри. Только один, с закатанными штанами, бродил по отмели по колено в воде и смотрел под ноги - наверно, развлекался с наглыми мальками, которые крутились вокруг его следов.

Тучи сгустились и низко нависли над скалами. «Сейчас польет, - подумал Орлов. - Надо было взять с собой хоть что-нибудь, накрыться. Да ладно, не сахарные, не растаем».

Он забеспокоился, поняв, что Беренс уже давно не подает никаких признаков бодрствования, и хотел его окликнуть. Но тот вдруг принялся напевать вполголоса.

Здорово, брат служивый.
Ты куришь табачок.

Трубка просто диво.
Ну, дай курнуть разок.
Трубка просто диво,
На что она тебе?
Я ведь помоложе,
Продай, брат, трубку мне~

- Откуда вы знаете эту песню? - спросил Орлов. - Вы же по морской части, не так ли? А песня - солдатская.

- Солдатская, не спорю. У казаков подслушал. Был там один вахмистр конвойной сотни. Все напевал за работой. Как помер, так песенка мне передалась. Жаль, слов не знаю. Песня-то длинная, а я только три куплета запомнил.

И он допел с чувством:
Трубочку заветну
Продать не в силах я.
В память командира
Досталась мне она.

- Вот и все, - сказал Виктор Гаврилович. - Сразу сон прогнало.

- Что ж вы не попросили того вахмистра. Он бы научил, как дальше.

- Да помер он рано, в первое же лето помер, от желтой лихорадки. Мы тогда лечиться не умели, людей много потеряли. Кладбище наше видели? Не до песен было. Я и сам переболел. Мука, смею доложить, неопишная. Невольно позавидуешь тем, кого мимо тебя вперед ногами понесли. Да уж~ - Беренс осекся. И спросил шепотом: - Слышали? Сорока трещит.

- Это не сорока.

- Ну, еще спорить будем! Кто-то по лесу идет!

- Возвращаются.

- Но почему не тем же путем? Дело нечисто.

- Не отвлекайтесь. Наблюдайте за своим сектором. За лесом есть кому следить.

Орлову почудилось какое-то движение в той стороне, где было кладбище, и он глянул в бинокль.

За зеленью белели свежие кресты. Возле крестов стояли двое в черных тужурках с карабинами на плече, прикладом назад. Орлова всегда раздражала манера носить оружие подчеркнуто небрежно. Эти двое держали винтовки как дубины. Ему не было видно их лиц, но они явно спорили. Кажется, предметом спора были кресты - один моряк все показывал на них, а другой махал рукой в сторону сожженного поселка. Вот подошли еще двое~

- Что там? - нетерпеливо прошептал Беренс.

~а за теми среди деревьев мелькают и другие. Да, похоже, вся группа возвращается~

- Вы их видите?

Нет, не возвращается. Они направились не к берегу, а вдоль кромки леса. Туда, где когда-то был поселок.

- Вижу! - приглушенно воскликнул Беренс, когда их темные силуэты показались на фоне серебристой зелени кустов.

Они сгруппировались над чем-то. Разбрелись в разные стороны. И через пару минут снова сошлись.

- Что они там делают?

- Рассматривают выгребную яму. Что-то их насторожило.

Да, теперь они держали винтовки наперевес и хищно оглядывались.

- Дайте же посмотреть! - потребовал Беренс.

Схватив бинокль, он проговорил:

- Вы их считали? Ушло восемь, а я вижу десятерых. Обратили внимание на бородатого?
- Не было там бородатого, когда я смотрел.
- Значит, подошел. В шляпке его не было, я бы сразу заметил. Он не моряк, моряки бороду бреют. Ну-ка, ну-ка~ Что им нужно? Чего ради они собрались над ямой? Внимание, Павел Григорьевич, полюбуйте - они расходятся!

Орлов снова посмотрел в бинокль и увидел совсем других людей: теперь это были не бездельники на пикнике, а бойцы. Причем опытные бойцы. Они держались парами, и пары эти рассыпались в разные стороны. Пригибаясь, они перебегали между кустами, и скоро Орлов потерял их из виду. Но вот опять мелькнула черная тужурка - уже далеко, на склоне. Четверо уходили в лес, остальные исчезли.

- Если они вздумают спускаться к причалу, наткнутся на наших, - спокойно сказал Орлов. - Следите за пулеметчиками. Вы меня слышите, Виктор Гаврилович? Пожалуйста, не отвлекайтесь. Пулеметы могут всех нас посечь. Они на вашей совести.

- То есть? - Беренс вытянул руку, словно пытался удержать Орлова. - Позвольте, что вы мне предлагаете? Стрелять на поражение?

- Именно так. Если вы забыли, я напому - они тоже стреляли на поражение.

- Но мы ничего о них не знаем! Возможно, произошла ошибка~

- Они ошиблись? Им и отвечать.

Беренс покраснел так, что стекла очков запотели. Он снял их, протер и водрузил обратно.

- Виноват, Павел Григорьевич. Понял вас. Пулеметы - на мне.

- Вот и превосходно. А я - к Илье. Надо укрепить левый фланг.

Он откатился к низкому стелющемуся кустарнику и, скрываясь за ним, пополз туда, где в песчаной ложбинке между двумя пальмами залег Остерман.

Тот кивком указал Орлову его сектор обстрела. И снова прижался щекой к прикладу, целясь в кого-то, еще невидимого за деревьями.

Готовясь к обороне, Орлов рассчитывал на атаку со стороны моря. На этом направлении он разместил близнецов и Кирилла, Илью же отправил одного прикрывать подходы со стороны леса. Боцман, Макарушка, Карденас и Холден остались оборонять пещеру.

Орлов не предвидел, что противник может совершить обход. И теперь кинулся к Остерману, чтобы исправить свою ошибку.

- Ломятся, как медведи, - Илья оскалил зубы в хищной улыбке.

- Дай им выйти на чистое место, подпусти ближе.

- И что? Предложим сдаться?

- Они нам не предлагали.

Илья кивнул. И вдруг ухмылка слетела с его лица:

- Вот босяки! К пещере свернули!

В лесу сухо щелкнул револьверный выстрел. В ответ ударил сдвоенный грохот винтовок.

- Мать вашу! - крикнул Остерман и выстрелил. - Бей, Паша! Чего ждешь, бей!

Орлов схватил Илью за плечо:

- погоди!

Из леса раздались новые выстрелы винтовок, они звучали иначе - звонче, злее, и пули яростно защелкали по валунам.

- Ага, взялись за нас! Теперь отвечай! - приказал Орлов. - Пусть повоюют с тобой. Я сбоку зайду.

Извиваясь ужом, он прополз вперед и устроился за поваленной пальмой. Он пока не видел, куда бить. В зелени мелькали тени, между деревьями повис пороховой дым, винтовки грохотали непрерывно, и звук выстрелов умножался лесным эхом.

Вот! Высунулся из-за сосны, скидывает винтовку~

Орлов подвел мушку как раз ему под локоть: «Да он, никак, прямо в меня метит? А я

первый!» - и нажал спуск. Черная тужурка дернулась и стала медленно вываливаться из-за ствола. Не отрывая взгляда, он передернул затвор и выстрелил туда, куда упал противник. Чтоб наверняка.

С почином! Стало легче, потому что враги уже были слишком близко и почти не таились. Они перебежали вперед и стреляли с колена. «Кто вас этому учил?» - даже немного сочувственно думал Орлов, укладывая их одного за другим.

За спиной гремела яростная перестрелка. Раскатилась пулеметная очередь. «Беренс! Ну же!» - взмолился Орлов. И пулемет захлебнулся.

От наступившей тишины звенело в ушах.

Орлов прислушался. Хрипели и стонали раненые. Щелкали патроны, которые Илья загонял в магазин. Других звуков не наблюдалось. Он привстал, оглянулся и перебежал обратно к Остерману. Перебежал, хотя мог бы и проползти. Но никто не выстрелил по нему.

- Вроде больше не видно. - Илья повернул к нему чумазое лицо. - Надо срочно менять винтовку. Дымит, как печка.

- У нас богатый выбор. Четверо готовы с тобой поменяться.

- Пятый в кусты повалился, вон, нога торчит.

Орлов увидел, что нога торчит правильно, не вызывая подозрений. И сказал:

- Значит, у нас пять. Ищем еще семерых, плюс двое лишних.

Остерман приподнялся, оглядываясь, и свистнул.

- Кира, как у вас?

- Кончено.

- Сколько видишь?

- На песке пять, четверо по лодкам.

- В расчете! - весело крикнул Илья.

Двое братьев Акимовых уже торопливо шагали по воде к лодкам, заходя с разных сторон. Пулеметчиков не было видно. Только из одной шлюпки свешивалась рука.

Орлов вытер лоб рукавом. Все, чего он ждал несколько часов, заняло не больше пары минут. Солнце уже высоко. А дождь так и не пошел.

Беренс подошел к нему, протирая очки.

- Что делать с ранеными?

- Потом разберемся, - ответил Орлов, увидев, что по склону, прихрамывая, спускается Холден. - Френсис! Как у вас?

- Плохо! - издали крикнул репортер. - У нас раненый! Кто тут Беренс? Его боцман зовет!

Илья собрал в охапку чужие винтовки и побрел вверх, к пещере. Орлову пришлось одному снимать с убитых патронташи и обыскивать их. Один еще дышал. Кровь хлестала из бедра, и струя становилась все слабее с каждым толчком. «Сам дойдет», - решил Орлов.

- Его надо перевязать, - сказал Беренс.

- Помогите Петровичу с нашими ранеными разобраться. А с этими я справлюсь.

- Могу я поинтересоваться, что вы намерены делать? - сухо спросил Виктор Гаврилович.

- Идите к боцману, ему нужна ваша помощь. Заодно отнесите патроны.

Он нагрузил патронташи на плечо Беренсу и заторопился вниз, к Кириллу.

Тот вставлял патроны в барабан револьвера.

- Ну что? - спросил Орлов.

- Сложим в ту же яму, где наши лежали.

- Раненых нет?

- Уже нет.

- Жаль. Хотел у них спросить кое-что.

- И так все понятно. - Кирилл прокрутил барабан и вернул «смит-вессон» в кобуру. - Будет время, почистим оружие. Песок мелкий, набивается во все щели. И сыро тут, железо ржавеет моментально. Видишь бородатого? Вот с ним можно было бы потолковать, да сам

видишь, наповал.

- Жаль, - повторил Орлов.

- Да, жаль. Он был там, с бандой, когда нас сцапали. Вроде старшего у них. Знаешь, они ведь хотели нас кончить там же, на дороге, где окружили. А он не дал. А теперь вот~

- Бывает.

- Я, как только его увидел здесь, все понял. Это серьезные люди, Павел Григорьевич. С ними - только так.

- И что теперь?

Кирилл пожал плечами:

- Видно будет. Что там у Петровича стряслось?

- Еще не знаю. Мне сначала надо было с тобой договориться.

- О чем?

- Как дальше жить, - сказал Орлов.

- Что предлагаешь?

- Пленных не брать, патроны беречь. И чтоб никаких следов.

- Добро. Пойдем к Петровичу.

14

Макарушка обводил виноватым взглядом тех, кто над ним склонился.

Петрович уже затянул ему повязкой живот и сейчас бинтовал руку. Вынутая из плеча пуля лежала на ящике, покрытом белой тряпицей, рядом с двумя узкими ножичками и парой склянок с темной жидкостью.

- Я-то думал, вы их не видите~ - повторял Макарушка, облизывая губы. - Думал, как наваяются сзади~

- Молчал бы уж, - проворчал боцман, завязав последний узелок. - Вот без тебя не справились бы.

- Не скажи, Петрович. - Кирилл присел рядом с раненым. - Если б Макар их не отвлек, нам бы туго пришлось.

- Отвлек! - Петрович укрыв Макарушку и встал. - Пошли все отсюда, ему заснуть надо. Орлов на четвереньках выбрался из пещеры.

Братья Акимовы поднимались ему навстречу, двое несли пулемет, третий согнулся под тяжестью треноги.

Они остановились, вопрошающе глядя на него.

- Закопаем, - сказал Орлов. - Завернуть в тряпье и зарыть в песок.

Они переглянулись.

- В пещере и так тесно, - пояснил он. - Можно было и не забирать. Утопили бы на глубине.

- Лучше потеснимся, - возразили близнецы.

Шлюпки остались на берегу. Сначала их хотели притопить в тростнике, но Кирилл решил, что это слишком рискованно: не обнаружив лодок, их станут искать по всей бухте и наткнутся на вельбот.

Беренс считал, что крейсер с минуты на минуту должен войти в бухту: уровень воды скоро начнет понижаться, и тогда пароход не сможет миновать банку, перекрывающую проход. Торопясь уйти с берега, все же позаботились о том, чтобы не оставить следов боя. Песок разгладили, а тела сложили в выгребную яму и засыпали землей. Работали, поминутно оглядываясь на бухту.

Но крейсер так и не появился. Только продолжал надсадно гудеть.

К вечеру тучи снова нависли над бухтой и разразились ливнем, который загнал всех в пещеру. Один Илья остался караулить снаружи, укрывшись клеенчатым плащом. Потoki воды струились по склону горы, журча у самого выхода.

Луис порылся в разных углах пещеры, откапывая то, что оставил здесь несколько

недель назад. Мрачная берлога преобразилась, когда масляный фонарь уютно осветил своды, а над каменным очагом зашумел чайник. Мясные консервы решено было не разогревать, просто пустили их по кругу.

- Отличная пещера, - сказал Холден. - Мы тут жили почти весь май. Нас было двенадцать, и мы не жаловались на тесноту.

- Да, двенадцать, - мрачно отозвался Карденас. - Апостолы хреновы.

- Эрнесто! - Луис осуждающе покачал головой.

- А что я такого сказал? Не сказал же «чертовы»! Хотя мог бы. Сам черт не разберет, кому мы служим, кому должны верить. Я верю только в то, что никому нельзя верить. - Карденас говорил, подбрасывая на ладони круглый оловянный жетон, найденный у одного из убитых. - Никому и ничему. Вокруг нас слишком много вранья.

Этот жетон все уже рассмотрели, и не один раз. На одной его стороне имелись личный номер и сокращенное название воинской части, на другой был силуэт креста с надписью внутри - «RED», «красный». Холден сказал, что такими жетонами Красный Крест снабжал добровольцев Рузвельта. Но те сейчас гнили в окопах под Сан-Хуаном на другом конце Кубы. Возможно, парень, погибший в бухте, снял этот «смертный медальон» с убитого врага и сохранил как трофей. Но тогда зачем он повесил его на шею?

Холден упорно называл убитых моряков испанцами. Но все, кроме него, слышали: в бою они перекрикивались по-английски.

Карденас опознал бородатого - тот состоял в банде Клейтона, орудовавшей в окрестностях Санта-Клары. Но что этим рогоносцам делать здесь, в горах?

- Да, слишком много вранья, - повторил Карденас. - Интересно, Френсис, что напишут в ваших газетах про меня, когда война закончится? Готов поспорить, что тогда меня перестанут называть повстанцем, а переименуют в бандита.

- Ничего не напишут, - ответил Холден. - Газеты пишут только о новостях. А ты превратишься в историю.

- Так вы из этих мест, Эрнесто? - спросил Беренс, пересаживаясь к нему поближе.

- Нет, сам-то я из Матанзаса. А сюда попал в девяносто шестом, с «Армией Вторжения»⁸. Генерал Масео пошел громить испанцев дальше, а я остался здесь, в горах. Думал, соединимся, когда армия пойдет обратно. Но «Лев» погиб, а без него все разладилось.

- Может быть, вы мне расскажете, что тут стряслось? Видели, что осталось от нашего поселка? Кто это сделал? Кто угнал наших людей?

- Испанцы, кто же еще. Снова за старое взялись. Ваши люди теперь «консентрадорес».

- Простите, что вы сказали?

Френсис Холден поспешил объяснить:

- Эрнесто, дай я расскажу сеньору Беренсу, он ведь не знает о лагерях. «Консентрадорес» - так называют сельских жителей, которых согнали поближе к городам в особые зоны, чтобы лишить повстанцев поддержки. Испанцы контролируют только территорию, непосредственно прилегающую к городам, а вся сельская местность объявлена ими зоной военных действий, и любой, кто покажется там не в испанском мундире, будет застрелен без предупреждения.

- Даже безоружный? - уточнил Кирилл.

- Здесь нет безоружных. У самого нищего крестьянина есть мачете, а это - главное оружие революции. Так вот, о лагерях. Их ввел еще прежний главнокомандующий, генерал Вейлер. Наши газеты сразу окрестили лагерь «пруссским изобретением», потому что Вейлер родом из Пруссии. Однако он ничего не изобрел. Еще во время нашей гражданской войны додумались держать пленных в загонах, окруженных колючей проволокой~

⁸ Освободительная армия Кубы полностью контролировала восточные провинции. «Армия Вторжения» под командованием Антонио Масео («Лев», «Бронзовый титан») прошла всю Кубу с востока на запад, громя испанские гарнизоны.

- Ты имеешь в виду Андерсонвилль? - не удержался Орлов. - Так комендантом того лагеря был как раз пруссак, Вюрц. Выходит, твои коллеги правы. Концлагерь - прусское изобретение.

- Американское, а не прусское, - парировал Холден. - В Пруссии пленных не оставили бы под открытым небом. Такое возможно лишь в нашем благодатном климате. Если имелся подходящий материал, для них строились навесы, если нет - ставили палатки. Но это - с пленными. А здесь, на Кубе, в лагеря загоняли своих же граждан! Правда, недолго, в самом начале войны. Вейлера сняли, и новое командование распустило все лагеря. По крайней мере, так заявляла испанская администрация.

- Да вранье все это, - махнул рукой Эрнесто Карденас. - Опять стали людей сгонять в концлагерь, а жилье сжигать. Чтобы нам ничего не досталось.

Беренс глядел на него с сомнением:

- Вы уверены, что это сделали именно солдаты? Может быть, вам известно, кто ими командовал? Откуда они пришли? В каком направлении угнали людей?

- Эх, сеньор, в чем сейчас можно быть уверенным? Я знаю только, что несколько возов с рулонами колючей проволоки прибыли в декабре в Лас-Сендрильяс. Мы малость пощипали тот обоз, думали разжиться едой. Но нашли только «колючку» да гвозди, а там и кавалерия подросла. Нам пришлось отступить в горы, а обоз пошел дальше. Так что я точно знаю, что испанцы построили новый концлагерь, Лас-Сендрильяс, там стоит гарнизон, там окопалось все начальство~

- Я знаю, - кивнул Беренс. - Там штаб Второй дивизии.

- Вот и народ туда согнали, чтобы все были под присмотром. Так испанцы делали и раньше, еще в прошлую войну. Вы знаете, сколько народу померло в тех лагерях? Ведь люди брали с собой только то, что могли унести. Бросали все хозяйство, и у них на глазах деревня исчезала в огне. Каково пережить такое, сеньор? А в лагере всех загонят в один барак, и живи, как хочешь. Что с собой принесли - съедят за пару дней, а потом? Крестьяне привыкли кормиться своими огородами, привыкли к тому, что еда растет под боком, только руку протянуть, сорвать - и в рот. А в лагере? Эх, сеньор, не завидую я тем, кого испанцы угнали из вашего поселка~

- Если их увели в Лас-Сендрильяс, я их найду, - сказал Беренс. - Не могли же всех расстрелять.

- Зачем расстреливать? - проговорил из своего угла Луис. - Зачем тратить патроны на тех, кто сам умрет через месяц?

- Да, сеньор, - сказал Карденас скорбно. - Три могильщика идут по Кубе один за другим. Зовут их Июнь, Июль и Август, и они прячут в землю всех, кто не успел спрятаться от них на возвышенности. Те лагеря, что строились в низинах, к сентябрю пустели. Не оставалось там никого, кроме похоронных команд. Поторопитесь, сеньор, если хотите застать кого-то в живых. Только хотел бы я знать, кто вас пустит в Лас-Сендрильяс?

- Что ж, я надеюсь, испанские солдаты не убьют меня по дороге и отведут к своему начальнику. А с тем-то я договорюсь. Пока мы строили тут причал, перезнакомились со всеми гарнизонными офицерами. К нам и из Сьенфуэгоса приезжали, и из Санта-Клары. Я смогу договориться. И если наши люди находятся в концлагере~

Беренс замолчал, потирая виски.

- Если ваши люди в лагере, - сказал Кирилл, - то их никто оттуда не отпустит, не надейтесь. А вот вас оставят вместе с ними.

Виктор Гаврилович снял очки, протер их и ответил:

- Да я и сам охотно останусь.

- Сеньор, послушайте меня, - сказал Карденас. - Если вы хотите расстаться с жизнью, для этого можно найти и другие способы.

- Видите ли, Эрнесто, я должен найти своих товарищей. Если они мертвы, я вернусь домой и расскажу об этом их родственникам. Если же они живы, то я должен быть с ними. Где бы они ни находились.

* * *

Орлов решил, что пора сменить Илью в карауле. Дождь кончился, и лес пронизывали лучи предвечернего солнца. Влажный и теплый воздух был словно настоян на цветах. Отовсюду неслоще щебетанье птиц.

- Рай, - сказал Остерман. - Мы без лишних хлопот попали в рай. Осталось найти ром, и тогда незачем будет отсюда уходить.

- Там Петрович кофе сварил.

- Кофе? Хорошо. Но лучше бы он сварил ром.

- Беренс опять за свое, - сказал Орлов, забирая у него плащ. - Собрался в испанский концентрационный лагерь, искать там своих казаков.

- Ну, найдет, а дальше? Кто ж их оттуда выпустит?

- Говорит, что останется с ними.

- А где лагерь? Далеко?

- Не знаю. Да и какая разница?

Орлов уселся на сухой камень под густо сплетенными лианами. Отсюда просматривались и берег, и почти весь склон.

Илья не спешил уходить.

- И кто пойдет с ним в тот лагерь?

- Да он вроде один туда собирается.

- Один не дойдет. Здесь по одному не ходят, ты же видел. Если лагерь близко, можно было бы прогуляться.

- Я вижу, тебе тут понравилось.

- А что? Я и не скрываю. Понравилось. Патронов хватает, винтовку я поменял на новенькую. Сходим в лагерь, по дороге рому найдем. Что такого? Я - с ним. А ты?

Орлов пожал плечами и ничего не ответил. Но Илья не отставал:

- Паша, чего тут думать? Все равно нам сейчас в море не выйти. Я Киру знаю, он осторожный, теперь неделю будет выжидать. И что? Неделю будем коптиться в этой норе, как суслики? Джин кончился, кофе ты от Петровича будешь получать по капле в день. Будем сидеть и пугаться каждого шороха, так, что ли? Нет, я на такое не согласен. Я лучше с Гаврилычем.

- Ты тише, тише, - сказал Орлов. - Знаешь, как далеко в лесу голос слышно?

- Да я уже молчу, - едва не шепотом продолжал Остерман. - Тут и говорить не о чем. Лагерь - это одно. А мне другое интересно. Кто наших ребят здесь пострелял. Ты же видел. Руки связаны, и пуля в затылок. Что на берегу, что в карьере, одно и то же. Мне теперь покоя нет.

- Можешь успокоиться. Ты с ними поквитался.

- Что? Как?

- А так.

Капитан Орлов вытер внезапно взмокший лоб. Его бросило в жар, когда он смог, наконец, поймать мысль, которая давно уже вертелась где-то рядом и все не давалась~

- Они стояли возле крестов на кладбище, а я смотрел на них в бинокль. Они удивлялись, откуда появились кресты. Они спорили. И вдруг зашагали прямо к яме. К той яме, откуда мы вытащили тела. Откуда они про нее знали? Но шли уверенно, не плутали. Пришли - и снова спорят, но уже по-другому. А потом рассредоточились и стали лес прочесывать~

- Вот! - Илья схватил его за плечо. - А я-то думаю, с чего это ты их приговорил? Нет, я бы и без спросу их всех перебил, здесь и говорить не о чем. Но от тебя не ожидал. А выходит, ты просто знал, кто они такие, да?

- Получается, что знал.

- Надо будет Гаврилычу это растолковать, - озабоченно произнес Илья. - А то он на нас коситься стал. Не нравится ему, как все повернулось. Хочет, чтобы тихо, мирно. Думает, что нам - лишь бы пострелять. Ну да, мы такие. Но тут иначе нельзя. Или мы их, или они нас. Верно? Тут кто первый попал, тот и прав. Знаешь, если он передумает, я и без него туда пойду.

- Куда пойдешь?

- Да в лагерь! Хочу посмотреть на них. На тех, которые так лихо стреляют с трех шагов. В затылок. - Илья сунул руку за пазуху, извлек фляжку и встряхнул ее возле уха. - Эх, ни капли не осталось.

- Я говорю, ты с ними поквитался.

- Нет, погоди. Кто людей увел, тот и расстреливал. Эти, с парохода, наверно, тоже замешаны. Но я хочу на других посмотреть. Паша, меня сто раз убивали, но всегда это было честно. Один раз, правда, присудили электрический стул, но у них ничего не получилось. А раз не получилось, то и говорить не о чем. Так меня сто раз могли убить, но я не в обиде. Меня убивали, я убивал - дело такое. Но я никому в затылок не стрелял. И меня тоже не ставили на край могилы со связанными руками. Все было честно. А тут~

- Не горячись, - сказал Орлов. - Все равно Беренс никого с собой не возьмет. Он гордый. Он задумал подвиг свершить. Куда уж нам, со свиным рылом в калашный ряд.

- Ты его не знаешь. Был бы гордый, не стал бы нанимать нас с Кирой. Был бы гордый, нашел бы кого почище. А он нашел нас, потому что чистенькие с таким делом не стали бы связываться. И теперь он нас воротить не станет. Без нас далеко не уйдет.

* * *

Капитан Орлов не ошибся - Беренс не собирался никого с собой брать. Но когда он отправился в путь, вместе с ним вышли и те, кто не собирался никуда уходить.

Френсис Холден заявил, что он никогда не видел испанских концлагерей. Только слышал о них. И он не может упустить возможность своими глазами посмотреть на то, о чем будет писать в книге, в единственной правдивой книге о кубинской революции.

Вместе с Холденом пошли Карденас и Луис, потому что даже вдвоем они не сумели его отговорить, а отпустить одного не могли.

А когда к группе присоединился Илья Остерман, тогда со своих мест поднялись и Кирилл, и капитан Орлов.

Петрович их удерживать не стал:

- Бог привел, Бог и выведет. Макару еще три дня спать, на четвертый день можем в море выходить. Вот если б вы еще и соль раздобыли~

Он то ли рукой махнул с досадой, то ли перекрестил их на прощание - не разобрать в темноте.

Они шли по утреннему лесу один за другим, обливаясь потом и отбиваясь от комаров.

Дорогу показывал Луис. Он когда-то жил в этих краях и знал самый короткий путь на Лас-Сендрильяс.

Орлов шел последним. Он шел и думал о том, каким извилистым и долгим иногда оказывается самый короткий путь. А еще он думал о том, как уязвима любая армия, идущая сквозь джунгли. Головной дозор нельзя выдвинуть дальше прямой видимости, и потому он практически сливается с головой колонны. Боковое охранение, едва отделившись от общего строя, рискует отстать и заблудиться. Следовательно, колонна остается неприкрытой с флангов. А про тыл вообще лучше не думать. Если в хвосте начнется бой, как оповестить о нем передние подразделения? Как обеспечить управление и связь на марше в джунглях? Это тебе не чистое поле, где вестовые могут скакать в любом направлении с донесениями и приказами. Здесь каждый шаг дается с трудом, и никто не сможет обогнать колонну по

целине, по зарослям.

Даже их маленькая колонна из семи человек растянулась так, что Орлов не мог видеть и ее половины. Мелькала в ветвях черная шляпа Карденаса, а за ней иногда поблескивала кожаная фуражка Беренса. Холдена Орлов уже не видел и только порой слышал, как тихонько повизгивали резиновые сапоги, касаясь друг друга. А от Луиса оставалась только тропа, прорубленная в подлеске.

Зато Илья был рядом, под присмотром. Орлову было ясно, что Остермана ни в коем случае нельзя оставлять одного. Его глаза азартно блестели, он был готов в любую минуту ринуться в бой. Илья часто оглядывался к Орлову, хищно скаля зубы и подмигивая.

- Скоро, Паша, попробуем с тобой настоящего испанского хереса, - шептал он. - Испанцы ром не пьют, только херес. Но мы не гордые. Что дают, то и пьем~

Они остановились разом, как по команде, едва услышав среди лесного шелеста новый звук. Нельзя было понять, откуда он доносится. Но и спутать его тоже было нельзя ни с каким иным звуком. Так могут стонать только несмазанные деревянные колеса.

* * *

Лес становился все светлее, прозрачнее. Еще несколько шагов, и уже не скрыться за кустами. Их просто нет, и стволы деревьев стоят голые, с обрубками вместо веток на высоте человеческого роста. «Зона безопасности», - понял Орлов и остановился, залег, затаился рядом со своими спутниками.

Только сейчас он понял, насколько измотал его не такой уж и большой переход по горам. Здесь дышать стало легче. Порывы ветра унесли комаров и остудили воспаленное лицо.

Впереди угадывалось ровное расчищенное пространство. Дорога? Присмотревшись, он заметил проволоочное ограждение. Саму проволоку отсюда не было видно, ее выдавали тонкие одинаковые столбики да мусор, повисший на шипах, - где листья, где ветки, где какие-то лохмотья~

Да, там, за ограждением, была дорога, и по ней медленно двигалась повозка на двух огромных колесах, запряженная парой буйволов. Негр-погонщик брел рядом, едва волоча ноги. Позади телеги шагали еще трое негров, таких же унылых. А замыкали процессию двое всадников с винтовками. На одном была черная тужурка, на другом - добела выгоревшая солдатская рубаша с оторванными по локоть рукавами. Капитан Орлов не особо рассматривал идущих. Груз - вот что привлекло его внимание.

Телега была из тех, на каких возят сахарный тростник, - с высоко надставленными решетчатыми бортами. Но сейчас такие высокие борта были не нужны, потому что груз занимал едва ли четверть объема. И это был не тростник.

В той бесформенной массе, что виднелась между жердями, глаз не сразу мог различить очертания человеческих тел. Вот белеет согнутая рука. Вот сведенные вместе колени. Бурые, черные, желтые тела спрессовались, как утопанные листья, и подрагивали сплошной массой на ухабах размытой дороги.

Орлов подполз ближе к Луису.

- Куда ведет эта дорога?

- Не знаю. Не было ее здесь. И «колючки» не было.

- Может быть, мы уже пришли к лагерю?

- Нет. Лас-Сендрильяс еще далеко.

Илья приподнялся на локтях, провожая взглядом убогий катафалк:

- Надо проследить, куда они везут мертвецов!

- Нет, - сказал Орлов. - Неважно, куда. Важно - откуда. Дождемся, когда они поедут обратно. И пойдем за ними.

Он посмотрел на Беренса:

- Что скажете?

- А почему я должен что-то говорить? - пробурчал Виктор Гаврилович. - Вы тут старший. Если вы решили, что телега приведет нас к лагерю, значит, пойдем за ней.

«Ага, теперь я тут старший! - подумал Орлов. - Посмотрим, как он запоет, если мы не найдем лагерь. Да нет, найдем. Все сходится. Новое заграждение, и эта тужурка, и покойники~»

У него не было никаких доказательств того, что трупы вывезли именно из лагеря. Тужурка была ему знакома - но тот, кто в ней сейчас щеголял, вполне мог снять ее с убитого. Заграждение? Да вся Куба исполосована колючей проволокой.

Если бы капитана Орлова сейчас попросили объяснить свое решение, он бы не смог ничего ответить. Но на войне не до объяснений. Решение принято, и оно будет выполнено. А там - видно будет.

15

Перебраться за колючую проволоку оказалось непросто. Вдалеке над деревьями виднелась караульная вышка. Холден сказал, что у испанских часовых есть и бинокли, и подзорные трубы, и от каждой вышки идет телефонный провод. За десятилетия борьбы с партизанами колониальная армия выработала эффективную тактику. Весь остров пересекали несколько укрепленных полос: траншеи в полный рост, башни с бойницами, сторожевые вышки, телефонная связь. А на центральной полосе, защищающей Гавану, стояли столбы с электрическим освещением, да еще и особый поезд ходил - в середине паровоз, а по краям платформы с пушками и пулеметами, укрытые мешками с песком. Такие полосы считались непроходимыми, и лучшим подтверждением тому были десятки истлевших трупов вдоль проволоки.

- Но я не слышал, чтобы такую полосу надумали проложить здесь, в горах, - сказал Холден.

- Надо просто подстрелить часового на вышке, - предложил Илья. - Пока они там разберутся, мы уже проскочим.

- Нет. Нам лишний шум не нужен, - ответил Орлов. - Будем искать проход. Должен быть проход. Ложбинка какая-нибудь, овражек, ручеек~

Они долго пробирались друг за другом вдоль границы леса, но ничего подходящего не обнаружили. Зато стало видно и вторую вышку.

- Вышки стоят наверху, а мы сейчас в низине, - сказал Кирилл. - Можем дожидаться вечера. В сумерках нас не увидят.

- Время жалко, - проговорил Беренс, оглядывая заграждение через бинокль. - Попробую один тут проползти. Часовые, похоже, не слишком бдительны. Одного не видно, второй стоит неподвижно~ Заснул? Часовые - тоже люди. Если поднимется шум~ Ну что ж, ничего не поделаешь, тогда придется ждать ночи.

Остерман схватил его за плечо и придавил к земле:

- Куда? Нет уж, позвольте мне, Виктор Гаврилович. Если там стоят олухи - слава Богу. А если придурки? Возьмут да и стрельнут наугад. Если вас подстрелят, будет крайне досадно. Вся наша затея потеряет смысл.

- А если вас?

- А в меня им не попасть, - ухмыльнулся Илья.

- Есть чем проволоку перебить? - спросил Карденас, протягивая ему мачете.

- Мучос грасиас, амиго!

Илья ловко заскользил вперед, и трава сомкнулась за ним.

- Следите за вышками, - приказал Орлов Беренсу. - Кто знает, может быть, там у них пулеметы установлены. Кирилл, возьми на прицел правую вышку. А я за левой присмотрю.

«Пуганая ворона куста боится, - обругал он сам себя. - Вам, граф, теперь повсюду будут пулеметы мерещиться». Однако все же поймал в рамку прицела еле заметную

фигурку, маячившую в просвете вышки.

- Хорошо ползет, - проговорил Луис. - Ящерица, а не человек. Верно сказал, в такого им не попасть.

- Когда он сделает проход, нам всем придется стать ящерицами, - сказал Холден.

- Ненавижу ползать, - прорычал Карденас. - Ненавижу подставлять задницу под шальную пулю.

- Смотри, он уже там!

- Внимание, на вышках зашевелились! - спокойно произнес Беренс.

- Вижу, - ответил Орлов.

И понял, что ничего не видит. Прицел словно затянула кисея.

Он протер глаза. И вдруг порыв ветра швырнул ему в лицо холодные брызги. Дождь?

Нет, ливень!

- Живо, за мной, вперед! - выдохнул он, наматывая на руку ремень карабина.

Сдвинул флягу и ножны за спину и пополз, вжимаясь в мокрую полегшую траву. Крупные капли молотили по спине, под локтями плескалась вода, словно он плыл, а не полз. Ложбинка быстро заполнялась водой, и, когда он добрался до заграждения, навстречу ему уже бурно стекал мутный поток.

Остерман придерживал перебитый отрезок проволоки, и все смогли пролезть беспрепятственно. Или почти беспрепятственно - Карденас не удосужился снять шляпу, и она зацепилась за шипы.

Вдоль дороги шумели деревья, раскачиваясь под хлесткими ударами ветра. Мелькнула вспышка молнии, и через секунду небо раскололось от грома.

Укрывшись в густом кустарнике, они видели дорогу, уходящую вверх, за поворот. Вода блестела и пузырилась в лужах, струилась в глубоких колеях.

- Зачем ждать телегу? - Илья теребил Орлова за плечо. - Вот дорога. Вот следы. Идем вдоль обочины, куда-нибудь да придем!

- А если придем к развилке - куда дальше? Уймись.

- И что? Будем сидеть тут, как мокрые курицы?

- Эй, поглядите вверх, сеньоры! - воскликнул Луис, показывая на макушки деревьев.

Между ветвями раскачивался оборванный провод. Он уходил в листву и исчезал там. Но Орлов все же смог рассмотреть, что проволока тянулась вдоль дороги от одного дерева к другому. «Наверно, его разорвало, когда началась гроза, - подумал он. - Если это линия телефонной связи, то в поисках обрыва сюда кто-то придет».

- Уходить отсюда надо, - сказал Холден. - Сейчас испанцы пошлют ремонтную бригаду, чтобы починить кабель.

- Вот мы их и подождем, - ответил Орлов. - Только спрячемся чуть подальше. Посмотрим на них. Может быть, кое-что прояснится.

Ливень прекратился, и сразу же выглянуло солнце. Да такое жаркое, что от мокрой одежды пошел пар. С веток еще падали капли, а красный песок на обочине быстро желтел, высыхая.

- Захватим? - шепнул Кирилл Орлову. - Поговорим с ними, все узнаем. Может, и не придется никуда идти. Может, тут и не лагерь вовсе.

Орлов не успел ответить, как вмешался Илья:

- Лагерь или не лагерь, а ты на проволоку посмотри.

- Ну, посмотрел. И что?

- А то! Провод тот же самый. Каким руки вяжут. Так что захватим, это ясное дело. И поговорим, это тоже понятно. - Остерман выставил перед собой ладонь, останавливая любые возражения: - И не спорить. Бесполезно. Только шум поднимете.

- Никто и не спорит, - спокойно произнес Орлов. - Если придет один или двое, скрутим. Если их будет больше - слушаем разговоры, затем пойдем по следу.

- Ладно, - нехотя согласился Илья. - Но ты согласен, что провод - тот самый?

- Телефонный провод сейчас где только не встретишь~

- Все! - сердито прошипел Кирилл. - Затихли!

* * *

Капитан Орлов полулежал за кустом, привалившись плечом к сосновому стволу.

Рядом с ним затаился Эрнесто. Илья с Кириллом заняли позицию левее. Если тот, кто нужен, придет слева - он достанется им. Если справа - его примет Орлов. Если их будет двое - придется действовать по ситуации.

По тому, как держались его товарищи, было видно, что им не привыкать к подобным делам.

Конечно, капитан Орлов доверял им. Должен был доверять. Но когда за деревьями на дороге показался силуэт одинокого всадника, он втайне обрадовался - тот оказался справа, и потому достанется Орлову, и, следовательно, можно не волноваться за других. А в себе он был уверен.

Всадник ехал, придерживая шляпу и задрал голову, чтобы рассмотреть провод в ветвях. Затем, кряхтя, спешил. Приехал он не на лошади, а на муле, к седлу которого была приторочена длинная лестница.

Орлов изготавился к броску. Сейчас противник станет отвязывать лестницу. Взгляд его будет прикован к узлам заскорузлой веревки. Идеальный момент.

Он пытался вспомнить, когда ему в последний раз приходилось захватывать пленного для допроса. Кажется, то было еще в Техасе. Тогда капитан Орлов устроил удачную засаду против контрабандистов и прямо там, на скалах, допросил единственного оставшегося в живых, главаря. Тот, на свою беду, сознался еще и в убийстве орловского друга, федерального маршала Паттерсона. И этим признанием сам вынес себе приговор. Естественно, Орлов не доставил его в суд.

«Вот и этого бедолагу придется~»

Он не успел даже мысленно закончить эту фразу, потому что неожиданно противник обернулся в его сторону и забормотал по-русски.

«Лукашевич?» - Орлов подумал, что сходит с ума. Переутомился? Или настойка из пейота продолжала оказывать свое действие? Или он спит наяву?

Но в каком сне он мог бы услышать этот голос? И увидеть это лицо, постаревшее, посмуглевшее, но такое знакомое? Лицо друга, которого он только что собирался захватить, а потом уничтожить~

На войне не обойтись без того, что называют «грязной работой». Без того, о чем не станешь рассказывать никому. Но это никто за тебя не сделает - расстрелять мародера, или добить раненых, или пытать пленного, а потом убить его и спрятать труп.

Приходится делать много такого, о чем не любят задумываться те, кто остался далеко от войны. А если б задумались, то, возможно, утратили бы воинственный пыл и не рвались бы в «огнь сражений во славу Отечества». И уж конечно, не стремились бы в разведку. Моралистам и романтикам там не место. Притворяться, обманывать, подглядывать, подслушивать, читать чужие письма, с особым тщанием изучать чужие дневники - это еще пустяки. Но что разведчику делать с раненым противником, оставшимся на поле боя? А уж если ты в тылу врага захватил пленного, то даже самый отъявленный гуманист сообразит - его отпускать нельзя.

Разведчики не любят рассказывать о своих делах. Отрапортовал начальству - и рот на замок. Встречая в коридорах Генштаба боевых товарищей, прибывших в Петербург из очередной командировки, капитан Орлов никогда не спрашивал их о деле, да и они в своих вопросах не выходили за четкие рамки светской любезности - семья, погода, сплетни. Впрочем, был и офицер, любивший ошеломить собеседника какой-нибудь байкой, с обязательным присловьем - «~за что купил, за то и продаю. Хочешь верь, хочешь нет, но

говорят, на Певческом мосту⁹ опять чубы затрещат. Наши за Вахш-рекой захватили двоих британцев~»

Отличался таким пристрастием штабс-капитан Лукашевич. Кроме непомерной разговорчивости, он еще и украшал свою речь выражениями, не принятыми на паркетe. То есть матерился, как распоследний унтер обозной команды, однако при этом не повышал голоса, и ругань лилась из его уст с монотонными интонациями официального рапорта. Орлов не видел штабс-капитана лет семнадцать. Годы изрядно потрудились над внешностью Лукашевича, но ничуть не изменили его привычек. И сейчас Орлов мог насладиться теми же яркими метафорами, что звучали когда-то в коридорах Генерального штаба.

- ~в три коня мать! - закончил штабс-капитан, приставляя лестницу к стволу дерева. - Когда же вы, каналы, научитесь оплетку-то снимать! Басурмане копченые, это ж вам не веревка, это ж линия! Завязали узелок и думают, что починили! Ах вы~

Он выдал еще один блистательный пассаж, после чего принялся подниматься по неустойчивой лесенке.

Орлов глянул на своих и жестом приказал: «Стоп! Не выходить! Я сам разберусь!»

Когда Лукашевич закончил соединять провода, Орлов уже стоял подле лестницы.

- Бог в помощь, Василий Васильевич!

- Уф! Туды ж и растуды тебя в печень! Орлов! И ты здесь! - Лукашевич, казалось, вовсе не удивился. Он глядел сверху, и красноносое лицо его выражало крайнюю степень досады. - Тебя-то каким хером сюда пригнало?

- Долгая история. Сначала расскажи, что тут делается.

- Что делается? Сам, что ль, не видишь? Линию починяю, оборванную. Додумались же, по деревьям проложить. Нет бы, по-человечески, столбы вкопать, да с натягом пустить~ Нет, постой, брат, ты мне зубы не заговаривай. Павел, да ты ли это, чертяка? - Он, наконец, спустился на землю и обнял Орлова, крепко обдав перегаром. - С пароходом прибыл? В Гавану или в Сьенфуэгос? Через блокаду англичане провели? Еще кого-нибудь из наших привезли?

- Нет, я один. А много наших здесь?

- Теперь-то немного. Эх, Павел, уж не знаю, к добру ли наша встреча~ Чего ищешь? Или по служебной надобности? Да ты, говорили, в отставку вышел? Эх, вот так встреча! Только знаешь, ты не показывай никому, что мы в знакомстве. Черт их разберет, чего они надумают~

- Кто?

- Да хозяева. Я же у них на службе, и в компании меня знают как инженера по телефонным линиям. Вот и объясняй потом, откуда у меня взялись друзья в Генеральном штабе.

- О штабе забудь, и меня никто здесь не знает, - сказал Орлов, оглядываясь. - Ты один? А где же помощники?

- Плетутся, - Лукашевич махнул рукой.

- А лагерь-то в какой стороне?

- Лагерь? Ты про сентраль? Там. Да погоди, вместе пойдем.

- Позже, Василий Васильевич, позже. Окажи услугу, не говори никому, что видел меня.

Ни нашим, ни хозяевам.

Лукашевич важно разгладил седые пышные усы и откинул голову:

- С того бы и начинал. А я, старый дурень, сопли распустил. То-то ты по сторонам косишься. Кто еще с тобой?

- Никого.

Орлов уловил какой-то шум и понял, что приближаются еще несколько всадников.

- Пора мне, брат.

⁹ В Министерстве иностранных дел.

- Погоди. Никого, говоришь? - Лицо Лукашевича снова расплылось в улыбке: - Да хватит вам, граф, секреты разводить. У нас здесь запросто, без церемоний.

По его взгляду Орлов понял, что у него за спиной кто-то стоит. Он оглянулся и увидел Беренса, выбравшегося из кустов. Виктор Гаврилович деловито стряхнул сор с фуражки и водрузил ее на голову.

- Здравствуй, Василий Васильевич, - произнес он так обыденно, будто они виделись не далее как вчера за ломберным столом. - Долго же я искал вашу новую квартиру.

В следующий миг из-за поворота показались всадники. Много всадников. На дороге помещались в ряд только трое, остальные теснились позади.

- А вот и помощнички, ядрена вошь, - беззлобно выругался Лукашевич.

Орлова бросило в жар. Рука едва не дернулась к кобуре. Но он быстро совладал с собой. И взмолился: «Только бы Илья не сорвался~ Только бы удержали его! Один выстрел - и всем нам конец».

16

Когда всадники приблизились, Лукашевич заговорил по-английски. Заговорил властно и бегло, почти так же свободно, как и на родном языке, делая паузы в тех местах, где предполагались непечатные вкрапления. Но, не находя в языке Шекспира достойных эквивалентов, вместо них Лукашевич только «экал»:

- Это мои люди! Э~ Ты и ты, возьмите джентльменов, э, к себе за спину, подвезем до, э, сентраля, э~

Всадник на рыжем коне приблизился к Орлову, развернулся боком и вынул ногу из стремени, помогая забраться на круп. Он был в голубом мундире. На выцветших добела погонах сохранились пятна желтой краски, а на белой шляпе с черной лентой красовалась металлическая розетка с короной. Сидя за его спиной, Орлов разглядел, что ткань мундира была не голубая, а в тонкую сине-белую полоску. Он где-то слышал, что именно так выглядит испанский мундир. Но всадники переговаривались по-английски. Что за маскарад?

- На линии больше нет обрывов, сэр?

- Э~ Э~ Неважно, - ответил Лукашевич, взбираясь на мула и оставив лестницу стоять под деревом. - У меня гости. Э~ Важные гости. И я должен принять их достойно.

Кони поскакали по лужам, разбрызгивая красные струи грязи. Дорога, покружив между крутыми склонами, вдруг распахнула перед ними уютную долину, сплошь покрытую высокими банановыми кустами. Таких обширных плантаций Орлову еще не доводилось встречать.

Кавалькада вытянулась на узкой дорожке, и блестящие мясистые листья хлестали по сапогам. Впереди, на буром холме, виднелось белое здание, издалика похожее на кубик сахара, лежащий на горке молотого красного перца. А еще выше, на далекой горной террасе, белел роскошный замок.

Лошади остановились перед длинным навесом из пальмовых листьев.

- Приехали! - объявил по-русски Лукашевич. - Добро пожаловать в апартаменты!

Орлов и Беренс соскочили на землю, и всадники ускакали, скрывшись за зеленой стеной посадок. Через минуту они уже показались на дороге, ведущей к замку.

- Вот тут мы теперь и обретаемся. - Лукашевич поднимался к дому по дорожке, выложенной белым камнем. - Не райские кущи, но сыт, пьян и нос в табаке.

- А там кто? - спросил Беренс, показав на замок.

- Там? Компания там.

- Я так и понял. По телеграфным столбам.

- Эх, Виктор, милый мой друг, не смотрел бы ты, куда не надо. Вон там у нас умывальня. Мойтесь, вам чистое принесут. А я насчет закусок распоряжусь.

Колодец был устроен на американский манер - скважина, рычаг, желоб. На колченогой скамейке висилась стопка медных тазов. В банке из-под солонины оказалось жидкое мыло.

Орлов стянул рубаху и снова застегнул оружейный пояс поверх голого тела - почему-то ему очень не хотелось оставаться безоружным даже на минуту.

- Так вы знакомы? - спросил Беренс, склонившись над своим тазом и намыливая руки.

- Были когда-то.

- Что он там говорил насчет хозяев? Я не расслышал.

- Не расслышали? Потому и вылезли?

- Я вылез, чтобы вы не наломали дров.

Беренс, отфыркиваясь, смыл пену с лица и шеи и повернулся, протягивая руки к подбежавшему с полотенцами негритенку.

Орлов критически глянул на принесенную одежду - белые просторные штаны и голубой китель со следами споротых погон и обшлагов - и надел свою черную рубаху, еще влажную после дождя.

- Мистер Люк приглашает вас в столовую, - с поклоном произнес негритенок.

«Вышколенная прислуга, свежая вода, чистое белье. Вы неплохо устроились, мистер Люк», - подумал Орлов, и сам удивился возникшей неприязни.

Собственно, они с Лукашевичем никогда не были близкими друзьями. Армейская рутина, даже если это рутина Генштаба, не способствует укреплению дружбы. Круговерть бумаг, бессмысленная муштра, интриги, сплетни да разгульное пьянство - вот из чего состоит жизнь офицера в мирное время. Многое изменилось, как только началась подготовка к войне. Но и тогда они не могли подружиться с Лукашевичем - того отправили куда-то в Европу под дипломатическим прикрытием, а Орлов шатался за Дунаем с казаками, составляя карты будущего наступления. Встретились в Петербурге несколько раз после турецкой кампании, гульнули, отмечая свои новые чины, - да и снова разбежались в разные стороны. Впереди у капитана Орлова была секретная миссия в Гибралтаре, затем - долгие семь лет арканзасской командировки и, наконец, отставка и вольные хлеба. Неужели Лукашевич тоже прошел подобным путем?

Подобным, да не очень. Орлов остался на вольных хлебах. Сам себе начальник. А у Лукашевича, видите ли, хозяева имеются. И серьезные хозяева, раз он их так побаивается. Наверно, им и принадлежит тот роскошный замок в горах. И не только замок, но и все эти плантации, раскинувшиеся на много миль вокруг.

«Вот оно что! - понял Орлов. - Вот что меня так неприятно кольнуло. Что за хозяева у русского офицера? Кому еще он мог присягнуть после Бога, царя и отечества?»

В доме было прохладно и сухо - удивительное ощущение после влажной жары снаружи. От зарешеченных окон тянуло чем-то приторным. Лукашевич уже сидел за столом, голый по пояс, и со скрипом закручивал штопор в огромную бутыл.

- Ну-с, Виктор Гаврилович, с возвращением! Надеюсь, сегодня-то вы не откажетесь? - Он повернулся к Орлову: - Павел, не поверишь, строит из себя трезвенника. Морской офицер - и не пьет!

- Позволь заметить, Василий Васильевич, мы с тобой не в море, - со сдержанной улыбкой ответил Беренс, накладывая в свою миску фасоль с рисом из общего блюда.

- А если бы в море? Ловлю на слове! Как только отойдем от берега, милый мой друг, устроим скачки, кто кого перепьет! Согласен?

- Увы, такая возможность нам будет предоставлена нескоро.

Лукашевич застыл с выдернутой пробкой:

- То есть?

- Транспорта нет. И неизвестно, будет ли. По крайней мере, пока не закончатся военные действия и не будет снята морская блокада. - Беренс глянул на Орлова: - Павел Григорьевич, вы, пожалуйста, ухаживайте сами за собой. Угощайтесь. У нас тут без церемоний, по-походному.

- Что с транспортом? - спросил Лукашевич.

- Я вывел из дока нашу «Палладу». Больше ничего не оставалось. Просочились сквозь блокаду, благо с этого боку она слаба. Пришли на Кубу. И здесь нас встретили не слишком

гостеприимно. Разбомбили. Мы с Павлом Григорьевичем чудом спаслись.

- Разбомбили?

- В щепки. Подай, пожалуйста, соус. Благодарю. А у вас какие новости?

Лукашевич вытер полотенцем взмокшее красное лицо, крикнул, выругался и плеснул из бутылки в оловянные кружки.

- Новости? Много новостей, милый мой друг. Выпьем, а то что-то в горле пересохло. Павел, знаком с кубинским ромом? Пьется как бордо. Но с непривычки может уложить наповал.

Орлов отпил глоток, не ощутив никакого вкуса. Он слышал, что за окнами кто-то ходит. Их было человек пять-шесть. И кто-то из них, сидя на крыльце, загонял патроны в магазин карабина - щелк, щелк, щелк~

- Отличный ром, - сказал он восхищенно, покачивая головой. - А как у тебя с табачком?

- Эх, а табачок тут - слов нет!

Лукашевич открыл деревянную шкатулку с зеленоватыми тонкими сигарами.

Все трое закурили одновременно, и комната наполнилась сизым туманом.

- Итак, какие новости, Василий Васильевич?

- Тебя давно не было. Давненько. Тут многое поменялось.

- Я заметил.

- Помнишь Коэна? Эйб Коэн, он поставлял нам консервы?

- Разумеется, помню.

- Когда ты уехал в Гавану, на нас беды посыпались, одна за другой. Банды и раньше пошаливали, а тут - как прорвало. Что ни день - налет. То обстреляют, то подожгут. Причал сожгли, видел? Ихняя работа, мать-перемать. Народу у нас побилло немало, да~ - Он снова поднял наполненную кружку. - Давайте, за упокой, что ли, выпьем. Страшное дело, когда умираешь на чужбине. Никто ведь не придет на могилку, а по многим и молиться-то не будут. Дома не знают, не ведают, что родные косточки в чужой земле истлевают.

Орлов только пригубил и отодвинулся от стола с кружкой в одной руке и сигарой в другой.

- Да уж, - продолжал Лукашевич мрачно, - довелось нам тогда горюшка хлебнуть. Мы же для местных - кто? Те же испанцы, только говорим не по-ихнему. Так бы и вырезали всех, если б не Коэн. Оказалось, он тут по соседству прикупил участок. Хороший участок, с охраной. Ну, мы к нему и перебрались. Теперь тут и обретаемся.

- Слава Богу, - сказал Беренс. - Был слух, что всех расстреляли. Всех. Вообрази, что я пережил, узнав эдакую новость.

- Никого не расстреливали, что за бред!

Орлов хотел сказать о найденных трупах, но Беренс остановил его быстрым взглядом.

- Вот и я так решил, - сказал Виктор Гаврилович. - Очередная легенда. Кому нужно расстреливать мирных строителей? А по слухам, это сделали испанцы.

- Бред! Мы тут с ними - не разлей вода!

- Я вижу, вижу, - улыбнулся Беренс. - Снабжают вас списанным обмундированием, так?

- Не только. Еще и охраняют.

- Слава богу, что все оказалось неправдой. Чем же вы тут занимаетесь?

- Да тем же самым. Строим помаленьку. Коэн расширяется, вот мы ему и помогаем обустраиваться. Где просеку, где насыпь, где заборчик поставить. Дело знакомое. Я вот - по телефонной части. Для тебя, Виктор, тоже нашлось дело. И дело первостатейное. У Коэна, кроме участка, целая флотилия имеется. А командовать некому. Капитаны, штурмана - на вес золота, да где их взять? Суда болтаются у берега, в открытое море им ходу нет. А товар возить надо самим, иначе прогоришь на перевозках. Товар-то ведь не абы какой, тонкий товар, хитрый. Бананы, милый мой друг, бананы! Кстати, Виктор, ты же только что с материка. Не заметил, по какой цене там бананы?

- Виноват, не интересовался.

- Неважно. Собственно, нас это не касается. Цены, тарифы - это по части Эйба. Наше дело - чтоб хозяйство на месте не стояло. Хозяйство, оно как машина, все колесики должны крутиться. Одно собьется с хода, и вся машина встанет. А когда у нас еще и свои перевозки наладятся, вот это будет хозяйство так хозяйство! Давайте, братцы, за наше дело!

Он торжественно поднял кружку. Но ни Беренс, ни Орлов не последовали его примеру.

- Вам, ясное дело, сразу трудно все понять, - заговорил Лукашевич, выпив и вытерев усы. - Мы тут тоже поначалу сомневались. Но понемногу привыкли. Теперь живем не тужим. Сам посуди, милый мой друг, ведь у меня выбора-то не было. Позабыт, позаброшен, никому не нужен, так бы и сгнил в болотах на чужом берегу. А тут хоть человеком себя почувствовал.

- Ты, вроде, оправдываешься? - Беренс глянул на него, прищурившись. - На тебя непохоже. Но ладно, это лирика. Вернемся к новостям. Кто жив, кто погиб, расскажи.

- Ну, что тут сказать? - Лукашевич встал из-за стола и подошел к окну. - Скоро вернутся с работ, сам всех увидишь.

- Да? Всех? В одном доме все разместились?

- Как видишь.

Он развернул жалюзи так, что в щелях стало видно сиреневую полосу моря между зелеными склонами. Вернулся к столу и налил себе.

- Ром тут знатный. Такого нигде не сыскать. Что скажешь, Виктор? Пойдешь капитаном?

- Я гидрограф, никогда не командовал кораблем. Помочь - помогу, но брать на себя такую ответственность не стану.

- Подумай, подумай. Время есть. Народ поначалу тоже упирался, но ведь согласились все. И ты, надеюсь, согласишься. Думаешь, где Эйб матросов набрал? Машинисты, кочегары, палубная команда - все наши у него на судах, из каторжных. Только комендоры свои, американские, да офицеры, да стрелки~

- Комендоры? Я полагал, речь идет не о военном корабле.

- А здесь сейчас все корабли военные, даже баржи. Война, милый мой друг, война~ Да лучше я тебе о деле расскажу. Я ведь не сразу согласился. Но как мне Эйб все рассказал, у меня словно глаза заново открылись. Считай, золотые прииски нам достались!

Лукашевич развалился в плетеном кресле и, размахивая сигарой, принялся расписывать, какие блестящие перспективы открываются перед ним. А также перед Беренсом и Орловым, ежели они согласятся стать его компаньонами.

Начал он с бананов. Сей тропический фрукт жители далекого северного Бостона покупают по цене два доллара за связку. А на Ямайке та же связка стоит шиллинг - в тридцать раз дешевле. На затраченный доллар получаешь двадцать девять сверху! Но зачем покупать на Ямайке то, что без малейших затрат произрастает в буквальном смысле слова у нас под ногами? Бананы растут быстро, урожай снимается круглый год. Рабочим можно платить сущие копейки, и они еще спасибо скажут, потому что попробуй найди работу на Кубе.

А кроме бананов, есть еще сахарный тростник. Его плантации занимают чуть не весь остров, и плантации эти скоро все станут нашими, потому что прежние хозяева мечтают избавиться от них и продают по дешевке, почти даром. Испанцам тут не жить, это очевидно. И старым плантаторам, которые заодно с испанцами, им тоже придется убраться с острова. И тогда их земли отойдут новой власти. Но только те участки, у которых не будет законных владельцев. А у Эйба Коэна все уже будет чисто по закону, все бумажки в порядке, новая власть и пикнуть не посмеет, потому что она, эта власть, вскормлена им самим, Эйбом Коэном. Ну, и его компанией.

А то, что кубинцы сейчас так яростно жгут плантации и рушат сахарные заводы, так это только к лучшему. Кубинцы хотят, чтобы их земля больше не представляла никакой ценности для Испании. Мол, увидят проклятые «полуостровитяне», что не осталось тут

ничего стоящего, да и уберутся к себе на Пиренеи. Сами повстанцы додумались до такой тактики или кто-то подсказал - неважно. Важно, что на месте старинных централей компания Эйба Коэна сможет построить современные высокопроизводительные предприятия~

Слушая Лукашевича, Орлов машинально отсеивал хвостовство и прожектерство, но и полученные сведения как бы откладывал в дальний угол, потому что сейчас думал о другом. Он уже знал, что вокруг дома стоят человек пять-семь с винтовками - двое у крыльца, остальные под окнами. Охраняют мистера Люка? Или стерегут его гостей, чтоб не удрали?

Еще минуту назад Орлов надеялся, что Лукашевич поможет ему уйти. Дело сделано, Беренс нашел своих. Может быть, он останется с ними. Может быть, нет. В любом случае, Орлов здесь задерживаться не собирался.

Но чем больше «мистер Люк» говорил о компании Эйба Коэна, тем отчетливее Орлов понимал, что его отсюда просто так не выпустят.

- Все это замечательно, - сказал Виктор Гаврилович, улучив момент паузы. - Но ты не ответил, много ли наших осталось? И почему ты предлагаешь пост капитана мне? А как же Шпаковский? С его-то американским дипломом ему бы и командовать вашими пароходами. Он отказался? Или его уже нет в живых?

- Пан Станислав жив-здоров. Но ты же знаешь гордого шляхтича! Чтобы потомок древнего дворянского рода нанялся на работу к евреям?

- И чем же он сейчас занимается?

- Тем же, чем и раньше.

- Раньше? Раньше он был начальником строительства порта. Где же тут порт? Тут одни огороды.

- Я вижу, ты настроен весьма иронично, - пробурчал Лукашевич. - Огороды~ Да хоть бы и огороды! Что в них зазорного? Вот всегда мы так. Подавай нам подвиг, да поблагороднее. Построить чудо-гавань у черта на куличках? Это для нас. А дело прибыльное наладить - тут мы нос воротим. Нам бы только~

Дальнейшая речь его превратилась в невнятное «бу-бу-бу», глаза закрылись, и сигара выпала из пальцев. Лукашевич встрепенулся всем телом, да и уронил голову на грудь, развалившись в кресле и захрапев.

- Как всегда, - сказал Беренс. - Васильич в неизменном репертуаре.

Он снова подвинул к Орлову блюдо с фасолью.

- Ешьте, Павел Григорьевич. Ешьте впрок, неизвестно, когда еще придется пообедать по-человечески. Я вижу, вы так и не оценили всех достоинств местного рома?

- Оценил. - Орлов кивнул на спящего Лукашевича. - Если б не толпа под окнами, это достоинство нам бы пригодилось.

- Вы имеете в виду уйти «по-английски »?

- Да хоть по-татарски. В гостях хорошо, а дома лучше.

- Смотря что считать домом, - сказал Беренс. - Возьмите вот этот соус, лимонный. Должен сказать, у нас поначалу были перебои с питанием. Транспорт с материалами и продуктами задержался в пути, и мы полгода сидели на одних бананах да лимонах. И ничего, с голоду не померли. Потом стали получать американские консервы. Возможно, это просто совпало с гнилым сезоном, но как только включили в рацион консервированное мясо, тут же люди стали валиться от малярии. А местные, что с нами работали, мяса не получали. И не болели. Вот ведь парадокс. Впрочем, у местных, видимо, есть какая-то защита от лихорадки. Вы ешьте, ешьте!

- Разве нельзя было свиней завести, ну, или кур? Зачем же непременно консервами питаться?

- Вы же знаете нашу интендантскую породу. Деньги за пищевое довольствие, и весьма немалые деньги, были переведены одной североамериканской компании. Да вы слышали - компания Эйба Коэна. Вот она нас и кормит. Были бы мы свободны в средствах, покупали бы еду в соседних деревнях, вышло бы много дешевле, да и полезнее. Но начальству, как всегда, виднее. Даже если оно сидит за тысячи миль отсюда.

Орлов жевал фасоль, не замечая вкуса. За окном послышался топот приближающихся лошадей.

- Американцы в роли поставщиков? - спросил он. - Занятно. Вы же говорили, стройка у вас тут секретная. И вдруг доверили иностранцам такую важную часть, снабжение.

- Насчет секретности, это как раз к Василию Васильевичу, - улыбнулся Беренс. - Он у нас вроде Охранного отделения, Главпочтамта и Священного синода, един в трех лицах. Нам позволялось переписываться с родными. Но письма увозились в Новый Орлеан, оттуда шли в Европу, и уже где-то, то ли в Марселе, то ли в Гавре на них ставился почтовый штемпель. С иностранцами же были проведены соответствующие мероприятия, взята с них расписка о неразглашении. В завершение картины добавлю, что батюшка наш, отец Серафим, обязан был Василь Васильичу докладывать, ежели на исповеди услышит нечто внушающее опасения. Так что не извольте беспокоиться, секретность у нас была обеспечена наипревосходнейшим образом.

Судя по звукам, к дому подлетели насколько всадников. На крыльце прогремели сапоги, и дверь распахнулась. Лукашевич немедленно открыл глаза и приветственно помахал, бормоча по-английски:

- Привет, Боб! Садись к столу, выпей с нами~

Тот, кого он назвал Бобом, стоял на пороге, держа руки на поясе, и переводил взгляд с Орлова на Беренса. Его глаза были скрыты в тени под низко надвинутой белой шляпой, на тонких губах застыла насмешливая улыбка.

- Один из вас - капитан Беренс, - медленно процедил он. - Верно?

Виктор Гаврилович встал, одернув жилет.

- Это я.

- Я - Боб Клейтон. Можете считать меня местным шерифом. Мистер Коэн будет рад, что вы вернулись. У него есть дело для вас. А это кто с вами?

«Боб Клейтон!» - Орлов едва не схватился за колыт. Это имя хорошо запомнилось ему после прогулки по ночному лесу. Но сейчас, похоже, воевать не придется.

Не вставая с кресла, он поднял кружку в знак приветствия:

- Джим Брукс, матрос. У вас тут отличный ром, шериф.

- Матросы нам тоже нужны, - сказал Клейтон, входя в комнату.

Он пожал руку Беренсу, сел в кресло рядом с ним и потянулся к бутылке. Отпил рома из горлышка, вытер губы и повторил:

- Да, матросы нам тоже нужны.

- Джим Брукс? - удивленно переспросил Лукашевич, в упор глядя на Орлова.

- Так точно, сэр.

- Нашу шхуну потопили, - сказал Беренс. - Мы с Джимом едва смогли выбраться на берег. Если бы не он, я бы никогда не нашел дорогу сюда.

- Потопили? Когда? Где?

- Прошлой ночью. У самой бухты. Мы стояли, дожидаясь прилива. И вдруг появился военный корабль. Осветил нас прожектором и накрыл несколькими залпами.

- Вам повезло. - Клейтон говорил, глядя на револьвер в наплечной кобуре Орлова. - Вам повезло вдвойне. Вы высадились на берег смерти. И остались живы. Там, возле бухты, орудуют «мамби». Большая шайка. Сегодня мы ее уничтожим. Джим, ты как? Пойдешь с нами? Поохотимся на черномазых. Я вижу, ты крутой парень. Ты бы хотел показать, насколько ты крут?

- Я бы хотел поскорее вернуться домой.

- Домой? В Техас? Техасца я сразу узнаю поговору. - Клейтон улыбнулся. - Где живешь?

Его голос звучал теперь иначе, чем минуту назад, - теперь это был голос друга, земляка, собутыльника. Орлов улыбнулся в ответ, принимая игру:

- По-разному. Эль-Пасо. Мидленд. Сан-Антонио. Зависит от работы. Сейчас, как видишь, я на Кубе. Хотя вовсе не собираюсь тут жить.

Клейтону было на вид лет сорок. На смуглом обветренном лице выделялся розовый шрам под скулой. Глаза серые, нос чуть вздернут. Зубы крупные, здоровые~ Орлов поймал себя на том, что по старой привычке принялся составлять словесный портрет собеседника, чтобы сопоставить его с розыскными телеграммами. Возможно, этого «шерифа» и в самом деле разыскивают сразу в нескольких штатах. Иначе с чего бы ему торчать в таком захолустье?

- Эль-Пасо, Мидленд, Сан-Антонио? Я тоже там болтался пару-тройку лет назад. Записывался в рейнджеры, на сезон. Ты ведь тоже бывал в рейнджерах, я угадал?

- Они иногда нанимали меня. Проводником.

- Значит, это они научили тебя так носить кобуру?

- Как?

- Да так же, как у меня, стволом назад, а не вниз, - сказал Клейтон и распахнул кожаный жилет. - Видишь? А вот кольт у меня попроще, не такой, как у тебя. Ведь у тебя «Бизли»? Я его сразу узнал по рукоятке. Угадал?

- Тридцать второй калибр. - Орлов кивнул, продолжая жевать фасоль с таким видом, будто сто лет не ел.

- У меня тоже есть «Бизли», но я держу его дома. Не хочу пачкать в местной пыли. Мы тут иногда развлекаемся. То родео устроим, то скачки, но чаще всего просто стреляем на спор. Не хочу хвастаться, но мой кольт принес мне немало призовых долларов. Сколько ты выложил за свой ствол? Мой обошелся мне в полторы сотни.

- А мне подарили, - небрежно ответил Орлов.

- Видимо, за хорошую работу? Верно? - не отставал Клейтон. - Слушай, Джим, мы не встречались раньше?

- Нет.

Боб Клейтон снова отпил из бутылки, и ром двумя темными струйками потек по запыленной щетине.

- Я рассказал мистеру Беренсу о нашей беде с «Орионом», - сказал Лукашевич. - Он обещал подумать.

- Ага! Подумать? - Клейтон повернулся к Беренсу. - Думайте быстрее. Через десять минут я с отрядом уйду в бухту, к нашему пароходу. Он сидит на рифе, и вы должны его снять.

- Позвольте, но почему именно я? - вежливо осведомился Виктор Гаврилович.

- На это есть несколько причин. Первая: вы много раз ходили в тех местах и в лицо знаете там каждую рыбешку. Вторая: в машинном отделении и в каютах работают русские, и вы сможете командовать ими лучше, чем прежний капитан.

- Но я не могу заменить капитана, - возразил Беренс. - Хотите использовать меня как лощмана? Что ж, я согласен. Но я не могу заменить капитана.

- Придется заменить. Потому что на «Орионе» сейчас нет никакого капитана. Ни старого, ни нового. Этот идиот Сноупс додумался сойти на берег. И попал в засаду. Люди слышали стрельбу. И видели, как какие-то шустрые ребята уносили тела. И сейчас в бухте болтаются только две пустые шляпки. Вот и все, что осталось от капитана. Так вы согласны?

- Да, - сказал Беренс.

Клейтон посмотрел на Орлова:

- А ты, Джим? Пойдешь с нами?

- Я нанялся матросом, а не стрелком.

- Вот и пойдешь матросом, поможешь капитану. Ты ведь нанимался ему помогать?

Орлов пожал плечами. Уйти отсюда с бандой Клейтона? Из такой компании не вырвешься. Отказаться? Могут и прибить на месте. На Лукашевича никакой надежды~

- Но я не нанимался с кем-то воевать. А там, видать, пахнет не только морем, но и порохом. Нет, Боб. Я хочу поскорее вернуться домой.

- Пусть он останется со мной, - вдруг сказал Лукашевич. - Надо привести в порядок

крайний барак.

- У тебя же есть работники, - недовольно скривился Клейтон.

- Были. Утром двое не встали. Остался один, еле ноги волочит. Джим бы мне тут очень пригодился.

- Что ж, это справедливо. - Клейтон встал из-за стола, напоследок вскинув бутылку ко рту. - Эх, Джим Брукс! Ты не захотел стать моим солдатом. Станешь санитаром. Ты сам выбрал. Идемте, мистер Беренс.

17

Лукашевич грузно прошелся по комнате, дымя сигарой.

- Значит, Джим Брукс? Звучит неплохо.

- Не хуже, чем «мистер Люк».

- По какому случаю маскарад, Павел?

- Я живу в свободной стране. Могу выбрать любое имя.

- Значит, теперь ты техасец? Говор-то у тебя, конечно, безупречный. Хорошо поставленный говор. Если глаза закрыть - точно, Джим Брукс. Открываю - ба! Ядрена вошь! Да это же капитан Орлов из военно-ученой конторы!

- Комитета, - сдержанно поправил его Орлов. - Военно-ученого комитета¹⁰.

- А мы вот, простые смертные, ваш комитет всегда «конторой» называли. Ты тут в командировке?

- Василий, побойся Бога. Я уж забыл, когда в отставку вышел. Нет, поверь, все кончено.

- Я тоже подам рапорт. Давно хотел. Но решил выдержать до конца. Меня сюда сослали, будто в Нерчинск. Что же, дело служивое. Тянешь лямку там, куда пошлют. Жалованье за три года набежало, небось, немалое. Вот кончится война, вернусь домой, все до копейки сниму - и обратно подамся.

- На Кубу?

- Нет, в Бостон. К Эйбу в компаньоны запишусь. Натурализуюсь. Открою свое дело. Жену возьму молодую, из хорошей семьи.

- Ты же, насколько я помню~

- Ну да, числюсь в женатых. Но на то она и свободная страна, верно? - Лукашевич захохотал и хлопнул Орлова по спине так, что тот чуть не выплеснул весь ром из кружки. - На то и свобода, чтоб ею пользоваться в свое удовольствие! Кому в Бостоне нужен Васька Лукашевич, тем более - его супруга-шалава? А вот, пожалте, мистер Люк, собственной персоной, судовладелец и плантатор! Чем не жених?

Он подошел к окну и долго глядел сквозь решетку.

- Кажись, все уехали. Ну что, Джим Брукс, хочешь домой поскорей вернуться?

- Хорошо бы. - Орлов встал рядом с ним, оглядывая двор через окно. - Да только не знаю как.

- Как? С бананами, как же еще. Вечером, как жара спадет, я отправляю груз. Уйдешь с конвоем. На станции сядешь в вагон, вместе с бананами. Только не топчи их там. Товар нежный. В Гаване будешь утром. Деньги-то есть?

- Немного.

У Орлова в поясе были зашиты золотые доллары. Эти монеты охотно принимались в любом уголке Мексики. На Кубе тоже не станут привередничать.

- Вагон подгонят прямо в порт. Товар погрузят на английский пароход. Англичан блокада не касается. Если заплатишь долларами, никаких бумаг спрашивать не станут.

¹⁰ Военно-ученый комитет Генштаба - центральный орган российской военной разведки в девятнадцатом веке.

Высадят тебя в Джексонвилле. Или хоть в Бостоне, как договоришься. - Лукашевич нахлобучил шляпу. - Но сначала малость покрутишься здесь. Просто так никто тебя не выпустит. Все должны видеть, что ты - мой новый работник.

- Клейтон не станет тебе пенять, что ты меня отпустил?

- А я тебя не отпускал. Ты сам удрал. Насмотрелся наших ужасов, не выдержал, да и удрал. Ну, пойдем, что ли~ - Лукашевич вышел на крыльцо и махнул рукой туда, где над зеленью посадок виднелись несколько покатых крыш. - Вон туда иди, к баракам. Приберешь там. Ты лихорадкой болел? Я повалялся разок. Больше не хочу. Так что ты уж прости, но в барак я с тобой не пойду.

Орлов зашагал между высокими кустами. Зеленые гроздья бананов источали слабый запах. Поначалу он казался довольно приятным. Но вскоре Орлову стало казаться, что плантации слишком обильно удобряют навозом. Вонь становилась все удушливее, и он даже остановился и присел, разглядывая землю - но никаких следов удобрений на ней не обнаружил.

Выбравшись из банановых джунглей, он увидел полуразвалившуюся длинную хижину из тростника, крытую пальмовыми листьями. Ни окон, ни дверей. В черном проеме входа сидел на корточках негр в соломенной шляпе.

- Ке таль, амиго¹¹, - сказал Орлов. - Сеньор Люк послал меня помочь тебе.

Негр сонно поднял на него желтые белки глаз.

- Помочь? Я ничего не делаю. Садись рядом. Помогай.

Приблизившись, Орлов заглянул внутрь хижины. Он увидел несколько гамаков с неподвижно повисшими в них телами. Земляной пол был густо усеян засохшим дерьмом. Не засохшее блестело под гамаками в зловонных лужах мочи.

- Чего смотришь? - пробормотал негр. - Они готовы. Надо бы их вынести. Один уже окоченел, намучаемся с ним.

- Я сейчас вернусь, - сказал Орлов и, развернувшись, быстро зашагал обратно к дому.

Лукашевич лежал в гамаке под навесом. Он храпел, и мухи при каждом всхрапе испуганно взлетали с его лица.

Орлов прошел в дом и забрал бутыль, в которой еще оставалось довольно много рома. Быстро переоделся, сменив свою рубашку на голубой китель. Прихватил из шкатулки полную горсть сигар и вернулся к баракам. Вот теперь он был готов к работе, которую невольно выбрал, отказавшись стать солдатом Боба Клейтона.

Вместе с желтушным негром он перенес шестерых покойников за хижину, в яму, укрытую ветвями пальмы. Затем деревянным скребком на длинной ручке принялся скоблить земляной пол, сгребая дерьмо. Он не выпускал сигару из зубов, и дым хотя бы ненамного перебивал невыносимую вонь.

Чернокожий помощник принес вязанку сухих пальмовых листьев и мачете. На этом силы его оставили, и он снова опустился на корточки. Орлов сам изрубил листья в труху и засыпал ею высокобленный пол хижины. Заново перетянул гамаки и застелил их свежими листьями. Проломил стенки в двух местах, и по хижине стал гулять ветерок.

В самом дальнем углу прямо на земле лежали двое еще живых. Обнаружив их, Орлов присел, вглядываясь в изможденные лица.

- Китайцы, - сказал негр. - Их пригнали в прошлом месяце. Сразу заболели. Не привыкли к такой работе. Тут их лихорадка и свалила. Крепкие ребята. Белые умирают на десятый день. А эти уже две недели с краю лежат и все не дают себя вынести.

- Почему на земле?

- Им все равно. А гамаков не хватает. Клейтону каждый день пригоняют новых людей. А мы каждый день вывозим старых. Сейчас придет телега. Отправим еще шестерых.

После недавнего дождя на дороге между бараками в глубоких узких колеях стояла

¹¹ Как дела, друг. (исп.).

вода. Орлов подумал, что похоронная арба ходит здесь с регулярностью пригородного поезда.

- Где тут можно помыться?

- Иди вдоль канавы, увидишь ручей.

Он ушел, запихнув в боковой карман кителя бутылку. Китель вообще оказался весьма удобной одеждой. Достаточно просторный, он скрывал под собой кобуру и к тому же позволял ветру овеивать кожу. Но главным его достоинством было то, что в таких же кителях ходили все, кого только Орлов мог заметить на плантации, - и стрелки Клейтона, и негр в бараке. Правда, тот избавился от рукавов, превратив китель в жилет. Орлов обязательно последовал бы его примеру, если б ему не предстоял еще переход по лесу. Но переход предстоял, и весьма сложный.

Орлов не собирался ехать с бананами в Гавану. Он торопливо шагал вдоль колеи, прорезанной в оранжевой глине. Где-то там, впереди, у дороги прячутся в кустах его друзья.

Он легко мог представить их действия, потому что Илья с Кириллом были сделаны из того же теста, что и сам капитан Орлов. Как бы он поступил, если б у него на глазах их увезли в лагерь? Он бы отправился следом. Незаметно проник бы сюда. И ждал бы, когда они попытаются уйти. Постарался бы прикрыть их отход. Значит, и они поступят так же.

Как они найдут лагерь?

Дождутся похоронной арбы и пойдут за ней, прячась в зелени склонов.

Они неизбежно придут к баракам, и Орлов надеялся встретить их немного раньше. Илье он отдаст ром. А Кириллу расскажет, что Беренс нанялся капитаном на пароход банановой компании. Значит, теперь остатки команды «Паллады» могут с чистой совестью возвращаться домой. А если Остерман не успокоится, выпив рому, и снова начнет разговор о расстрелянных земляках? Тогда Орлов скажет, что расстреляли не всех. Большинство выжило, и сейчас земляки работают на американского плантатора так же послушно, как прежде служили государству российскому.

А если Илье так уж хочется повоевать, то пусть он поторопится обратно к бухте. Там скоро будет рыскать команда Боба Клейтона. Это команда *серьезная*, как бы сказал Кирилл. Клейтон будет искать тех, кто перебил людей с парохода. И может наткнуться на пещеру. Тем более что вокруг нее наверняка накопилось достаточно следов. Значит, надо как можно скорее догнать Клейтона, навязать ему бой и, отступая, оттянуть от пещеры. Остерману понравится такое предложение.

Орлов шагал вдоль дороги, прибавляя шаг и вглядываясь в заросшие лесом склоны. Он знал, что не сможет заметить своих, пока они сами не покажутся, и надеялся, что они подадут ему знак. Например, свистнут.

Но звук, который донесся до его ушей, заставил его остановиться, а потом зашагать обратно. Где-то в глубине плантации несколько мужских голосов выводили под скрип колес русскую песню.

~Всю жизнь мою солдатскую
Я трубочку берег.
Месяцы и годы
Все прятал за сапог~

Продравшись через банановые заросли, он вышел на другую дорогу и свернул на звук голосов. Скоро он догнал обоз - несколько телег, груженных, как ему показалось сначала, травой. Но нет, из-под широких темных листьев проглядывали бледно-зеленые банановые гроздья. Каждую телегу тянул медлительный вол. А по обочине плелись четверо погонщиков в соломенных шляпах. Один из них помахивал хворостиной, то ли подгоняя вола, то ли отбиваясь от комаров. А другие заунывно тянули:

Когда было сраженье

Под Горным Рущуком,
Трубочки хватился я
В сапоге потом.
Наш полк стрелою мчится,
Все рубит наповал.
Выстрел раздается,
Наш ротный с коня упал.
Какую тяжку муку
Наш ротный претерпел.
Крепко жал мне руку
И долго жить велел.
Трубку, что курил он,
Мне он передал.
И хранить навечно
Трубку завещал.

Капитан Орлов никогда не считал себя излишне чувствительным. Скорее, его можно было порой упрекнуть в бездушной черствости. Однако сейчас словно чья-то рука схватила его за горло. Он задыхался от волнения. В ушах стучала кровь, как отзвуки далекой канонады. Он вспомнил полевой госпиталь, где валялся двадцать лет назад. Вспомнил, как из палатки каждое утро выносили умерших солдат. И вспомнил поезд, в котором его увозили с войны, раненого, беспомощного. Санитары вечерами собирались в своем отделении и пели. Вот откуда он знал эту песню. И сейчас мысленно подпел:

«Трубочку заветну
Продать не в силах я,
В память командира
Досталась мне она~»

Он догнал обоз и свистнул, чтобы погонщики оглянулись.

- Погодите, братцы! Не угнаться за вами.

Они и не подумали замедлить шаг. Впрочем, один из них все же остановился, поджидая Орлова.

- Кто таков? - спросил он, сурово глядя на него.

- Я прибыл с Беренсом.

Погонщик изумленно вскинул брови и даже назад отступил:

- Что? С Беренсом! Он здесь?

- Да.

- Ах ты ж, боже ж ты мой~ - Он обернулся и закричал срывающимся от волнения голосом: - Господа~ Станислав Леопольдович! Господа, Беренс вернулся!

Скрип колес оборвался. Телеги разом встали, и трое погонщиков торопливо подошли к Орлову. Один из них нетерпеливо постукивал себя хворостиной по ноге. От его внимательного и властного взгляда Орлову захотелось вытянуться в струнку и щелкнуть каблуками.

- Я начальник работ, капитан первого ранга Шпаковский. С кем имею честь?

- Орлов Павел Григорьевич.

- Извольте доложить по всей форме!

- Я здесь частным образом, а не по службе.

Шпаковский сразу немного сник. Властно сжатые губы раздвинулись в улыбке:

- Виноват, принял вас за курьера. Знаете ли, когда несколько лет каждый божий день ждешь~ Ждешь неизвестно чего~ Так вы говорите, Виктор Гаврилович вернулся? Где же он?

- Вместе с Клейтоном. Они направились в известную вам бухту снимать с рифов

пароход.

- Какой пароход? Наш транспорт? Какой вместимости? Сможет ли он принять на борт всех разом? Нас тут более семи десятков душ~

Орлов покачал головой:

- Нет. Это не транспорт. Как я понял, речь идет о судне банановой компании. А транспорт~ Его не будет. Мы собирались вывезти вас на шхуне, но ее больше нет.

Шпаковский опустил седую голову, чертя хворостиной круги на песке. Трое спутников стояли за его спиной. Несмотря на изможденный вид, они сохранили выправку строевых офицеров. И молчали в присутствии командира, хотя всех их наверняка сейчас переполняли вопросы. Они смотрели на Орлова, ожидая от него чего-то.

И он сказал:

- Шхуна потоплена. Но у нас есть вельбот. Мы собирались на нем уйти в сторону Ямайки. Или добраться до ближайших островов, а там договариваться с рыбаками.

- Так значит, Беренс ушел помогать Клейтону? - глухо повторил Шпаковский, выпрямившись. - Даже не заглянул на плантацию. Быстро же они столковались~ Ну что ж. Каждому свое. Прошу прощения, но нам, возчикам, нельзя задерживаться. Еще три ходки. Сдадим бананы, тогда обсудим с вами все новости. Павел Григорьевич, где вы остановились? В особняке Лукашевича, я полагаю? В таком случае после ужина жду вас в гости. Наш барак возле колодца. Полагаю, вам не станут препятствовать, если вы пожелаете нас навестить.

Один из возчиков порывисто обернулся к нему:

- Позвольте, Станислав Леопольдович! Какие «три ходки»? Вы же ясно слышали: Беренс прибыл, но никакого транспорта нет, и не будет! Нам больше нечего ждать!

Шпаковский, ничего не ответив, хлестнул вола хворостиной и понуро зашагал вперед. Двое возчиков, переглянувшись, последовали за ним. Третий же остался на месте. Он шагнул к Орлову, протягивая руку:

- Есаул Жигарев, Кубанское казачье войско. Павел Григорьевич, велик ли ваш вельбот? Сколько человек вы можете взять с собой?

- Полагаю, двоих-троих. Впрочем, это зависит от того, куда мы пойдем. Если на ближние острова, то можем взять и больше. Но, конечно, не семьдесят человек.

- Я не о них! Со мной, возможно, никто не пойдет. Но я не намерен здесь оставаться. Возьмете меня?

Шпаковский, не оборачиваясь, произнес:

- Емельян Прокофьевич, а не пахнет ли подобная попытка дезертирством?

Жигарев поспешил за ним, увлекая Орлова за собой.

- Осмелюсь возразить! Я лишь выполняю указание руководства об эвакуации!

- Бросить личный состав? Это вы называете эвакуацией?

- Так точно-с! Поэтапная эвакуация, вот как это называется. И позвольте спросить, ваше превосходительство, не вы ли отдали приказ о подготовке~ - Есаул осекся, глянув на Орлова, и продолжил уже не так пылко: - Станислав Леопольдович, к чему нам теперь-то работать? Транспорта нет, следовательно, будем поступать по своему усмотрению.

- Я не потерплю импровизаций, - бросил Шпаковский через плечо. - Все надлежит тщательно продумать. Рассчитать и выверить каждый шаг. Сегодня вечером мы с Павлом Григорьевичем все обсудим. И не сомневаюсь, что придем к оптимальному решению.

- Мне очень жаль, - сказал Орлов, - но я не могу ждать до вечера. Клейтон со всей бандой отправился к бухте. Там остались наши люди. Боюсь, там потребуются и мое присутствие. Так что давайте все обсудим здесь и сейчас. Повторяю, у меня ни минуты лишней.

- Что тут обсуждать! - Есаул Жигарев в сердцах рубанул кулаком по бананам на телеге. - Клейтон ушел! Охрана ослаблена! У нас все готово! Что тут обсуждать! Поднимаем людей и - марш, марш!

- Чтобы поднять людей, их надо собрать в одном месте, - устало ответил Шпаковский. -

Сейчас все разбросаны по плантации. Выступим вечером, как и планировалось. Павел Григорьевич, какая сейчас обстановка на фронтах? Нас тут держат в полном неведении. Знаем, что североамериканцы совершили успешную высадку где-то в укрепленном Сантьяго. Но у нас здесь ничего не слышно. Не ведутся ли бои где-то рядом?

- Только стычки с мелкими бандами, - ответил Орлов.

- Это не в счет. Что ж, до Лас-Сендрильяс - всего один переход. Будем просить защиты у генерала Агирре, раз уж нет иного выхода.

- Вы уверены, что испанцы вам помогут? - спросил Орлов.

- Конечно. Думаю, они просто не знают, что нас тут держат на положении рабов.

- Даже если б и знали, вряд ли стали бы портить отношения с компанией, - едко добавил Жигарев.

- А как же расстрелянные? - спросил Орлов. - Мы видели несколько братских могил. И говорят, что там лежат казаки, которых казнили испанские солдаты.

Есаул помотал головой, выдавив только одно слово:

- Клейтон.

- Тогда все сходится, - сказал Орлов. - Итак, господа, согласуем наши действия. Как вы намерены выйти отсюда?

- Охрана тут - вахлаки безголовые. - Жигарев махнул рукой. - Мы их голыми руками скрутим. Да у нас уже все расписано, уж столько готовились! Все момента ждали. Так что выйти-то мы выйдем. Было бы куда идти.

- Момент упускать нельзя, - согласился Шпаковский. - Голыми руками, однако, действовать негоже. Есаул, без оружия мы далеко не уйдем. Так что действуйте по-своему. Все мои запреты считайте упраздненными. Павел Григорьевич, я вижу, вы при револьвере~

Орлов коснулся кобуры под кителем.

- Чем могу - помогу.

- Без шума обойдемся! - заявил Жигарев. - Рябцев! Стрелой лети во второй взвод! Скажи - время пришло, пусть начинают!

Один из погонщиков козырнул, вскинув ладонь к полям соломенной шляпы, и исчез в банановых зарослях.

Неторопливо шагая за волами, они дошли до развилки. И здесь Орлов снова услышал завывание огромных деревянных колес.

Похоронная арба показалась из-за поворота. Пару ленивых волов тянул за собой высокий негр. Увидев стоящих на развилке людей, он опустил голову и пониже нахлобучил шляпу.

За телегой ехали двое всадников.

- Молчим, пока не проедут, - предупредил Жигарев.

- Понимают по-русски? - удивился Орлов.

- В охране есть несколько наших. Но эти, вроде, местные? - ответил Жигарев.

- Береженого бог бережет, - сказал Шпаковский. - Постоим здесь, пропустим их.

Громоздкая телега приближалась, покачивая длинными жердями наставленных бортов. Орлов стоял между повозками с бананами так, что его трудно было увидеть с дороги. Но всадники его все же заметили. Один из них коротко свистнул, и негр остановил волов.

Всадник неспешно подскочил к банановым возам и церемонно приподнял шляпу:

- Доброго здоровьичка, Павел Григорьевич.

- И вам не кашлять, Кирилл Андреевич, - отвечал Орлов, пытаясь скрыть довольную улыбку.

С первого своего дня на плантациях Емельян Жигарев готовился к побегу. Он изучил систему охраны, расписание постов, маршруты разъездов. Он знал в лицо каждого стрелка, почти всех знал по именам и особо помнил тех, кто был в расстрельной команде. Есаул

решил, что не покинет лагерь, не перерезав глотку каждому из них, даже если это и заставит его немного задержаться.

Когда Шпаковский поручил ему готовить побег для всего офицерского состава, есаул сначала возгордился, а потом расстроился. Прорываться всей компанией, конечно, веселее. Но незаметно уйти не получится. Будут потери. И не останется времени для сведения счетов.

Однако он все же разработал план. И не один. Первый вариант предусматривал восстание с захватом оружейного склада, истреблением всей охраны и организованным переходом на соединение с частями союзников, то есть испанским гарнизоном. Второй план предполагал всего лишь устранение двух постов и просачивание малыми группами сквозь лес к точке сбора. Было еще несколько вариантов. Но все они оказались не нужны, когда наступил подходящий момент.

- Не горюйте, Емельян Прокофьевич, - сказал капитан Орлов. - Так всегда и бывает. Все бумажки остаются бумажками. Жизнь богаче любых наших планов. Планы - мираж, фикция. Главное - улучшить удачный момент.

- Да я знаю, - махнул рукой Жигарев. - Меня другое огорчает. Нет моих крестников. Ушли с Клейтоном. Теперь и не знаю, свидимся ли.

- Кто такие?

- Кто расстреливал. В самый первый день, как нас окружили, всех разделили на кучи. Офицеров отдельно, каторжан отдельно, а конвойных всех связали и увели куда-то. Наутро начали агитировать. Мужики долго не думали. А что тут думать? Моряку не все ли равно, под каким флагом ходить? Платили бы деньги да почаще пускали бы на берег. Наобещали им золотые горы. К тому же добавьте, что теперь они свободные люди. Кто бы отказался?

- И что? Никто не отказался?

- Трое нашлись. Матюшенко, Баширов, Козлов. Их тоже в сторону отвели. Потом стали нас уговаривать. Но недолго. Иуда-Лукашевич знал, чем дело кончится, если поближе подойдет. Так и не приблизился на дистанцию доброго плевка. Клейтон видит, что мы молчим. Выводит наших казаков. Связанных. К ним тех троих, что отказались на пароходы к нему пойти. Ставит над ямой. Залп. Семерых как не бывало~ - Жигарев перекрестился. - Тогда командир говорит, что согласен работать рядовым строителем. Но служить на чужих судах не имеет права, поскольку присягу давал. На том и сошлись. Вот так все и перевернулось. Арестанты стали вольными моряками. А офицеры попали в форменное рабство.

- Мы нашли еще одну могилу, - сказал Орлов.

- Там остальные конвойные. Затеяли бежать, перегрызли веревки, накинудись на охрану. Но не повезло. Их где-то в карьере постреляли.

- Да, в карьере. Щебенкой засыпаны.

- Когда все кончится, вернусь сюда, - сказал Жигарев, водя осколком гранита по лезвию мачете. - Буду жив, вернусь. Похороним по-людски. С крестом. Часовенку срубим.

- Договорились, - сказал Орлов. - Хороший у вас тесак. Зеркальная полировка.

- А когда коту делать нечего~ - Жигарев оскалился, пощелкав по клинку. - Вот и наяривали суконочкой, полировали. Оружие любит ласку и смазку. Думаете, чем мы тут бреемся?

- Слышал, как топорами бреются, но про мачете - в первый раз, - улыбнулся Орлов.

- А что оставалось? До ближайшей цирюльни далековато. Все своими руками. - Жигарев вмиг погасил улыбку: - Тихо. Идут~

Они сидели в кустах возле караульной вышки. Наверху уже находился Илья Остерман. Труп часового остывал внизу у дороги, в канаве, под присмотром пары черных стервятников, сидевших на дереве.

Над плантациями разносился частый звон ударов по рельсу. Это был сигнал общего сбора. Все оставшиеся в лагере офицеры должны были бросить работу и подтянуться к развилке.

Но сигнал, раздавшийся в неурочное время, привлек внимание и охранников.

Несколько стрелков, ворча и переругиваясь, вышли из-за поворота. Трое несли винтовки на плече, словно дубины, прикладом назад. Четвертый догонял их, пьяно спотыкаясь и волоча карабин за ремень, так что приклад оставлял след на мокрой глине. «Ну и вояки», - с презрением подумал Орлов, поджидая, не покажется ли на дороге еще кто-нибудь. Но их было всего четверо.

- Обойдемся без стрельбы, - шепнул он Жигареву. - Я спереди, вы с тылу.

И, спустившись на дорогу, пошел неспешно, позволяя охранникам нагнать себя.

Они заметили его и оборвали разговор.

- Эй, ты! Что там за переполох?

Орлов шел, не оборачиваясь. Он еще больше ссутулился и едва волочил ноги.

- Глухой, что ли? Эй! - Тот, кто нагнал его первым, схватил Орлова за плечо. - Стой!

Он ударил ножом под ребро и успел подхватить винтовку, выпавшую из рук убитого. Второй не успел ничего понять, как его висок хрустнул под прикладом. Орлов был готов и третьего свалить и уже замахнулся, но от того вдруг во все стороны, веером, полетела кровь. Теплые капли тяжело хлестнули по щекам.

- Вот так! - прохрипел Жигарев и, сорвав лист лопуха, вытер им окровавленное лезвие мачете.

- Убирайте их, убирайте! - негромко приказал с вышки Илья. - Там между кустами бегут сюда. Кто - за зеленью не видно, но много, человек десять. И сами схоронитесь!

Орлов схватил труп за ноги, а Жигарев кинулся собирать винтовки. Одну сразу повесил за спину, другую вскинул, примериваясь, дернул затвор и проследил за полетом вылетевшего патрона.

- Эх, давно не держал в руках винтовочку!

- Тащи давай! - рявкнул Орлов. - Накрошил капусты!

Охранники, зарубленные есаулом, лежали в луже крови. Засыпать ее было нечем, к тому же она быстро расходилась по воде, блестящей в колеях.

- Да чего уж теперь, - скалил зубы Жигарев, не сходя с места. - Теперь уж все одно. Поздно прятаться. Пускай идут, теперь-то пускай!

Он отбежал за кусты и встал на одно колено, целясь туда, откуда уже ясно доносился топот и хруст листьев.

«Неуправляем, - подумал о нем Орлов, оттаскивая тело к канаве. - Опыанел от крови. Наломает мы с ним дров, ох, и наломает~»

Поняв, что не успевает, он бросил труп и сам лег рядом с ним, притворившись убитым. Он лежал на боку, держась за колыт под мышкой, и смотрел сквозь ресницы.

В банановых кустах кто-то негромко выругался по-русски. Топот прекратился, и стало слышно, как тяжело дышат те, кто скрывался за плотной зеленью.

- Стой!

- Поручик, осмотрите дорогу, кто там разлегся?

- Крови-то, крови~

- Наши?

Орлов вложил револьвер в кобуру, но не спешил подниматься - беглецы были слишком разгорячены, они уже могли раздобыть винтовки. Как бы не приняли его за одного из охранников! Он, собственно, того и добивался, затеяв это маленькое представление. Но рассчитывал на иную публику.

- Один-то шевелится!

- Сейчас я его~

С другой стороны дороги послышался веселый голос Жигарева:

- Отставить!

- Есаул?

- Свои, господа, свои! - произнес Орлов, поднимаясь с мокрой земли.

Из зарослей выходили по одному изможденные, почерневшие, но гладко выбритые люди в одинаковых голубых кителях и соломенных обтрепанных шляпах. У двоих были

винтовки, трое сжимали мачете со следами крови на клинках.

- Командир ждет нас у развилки, - сказал Жигарев, раздавая карабины. - Все здесь?
- Первый взвод. Второй ушел по южной плантации.
- Поторопимся. Как в старое время, «пешим по-конному»~
- Рысью, господа, рысью!

Орлов махнул Илье, и тот спустился с вышки.

- Уходим!

Пока стояли, они были кучкой беглецов. Но стоило побежать, как бесформенная толпа превратилась в колонну по два, и уже через несколько секунд Орлов поймал себя на том, что бежит в ногу со всеми. «Как в юности, на лагерном сборе», - подумалось ему.

- Ловко ты! - выкрикнул Илья. - Не убежал, а залег! Как успел сообразить?
- Сам не знаю. Одет-то я так же, как они. Вот и прикинулся.
- Ловко! - повторил Остерман. - Ну, ты ж понимал, что мы тебя прикроем, так?
- Да не думал я ни о чем.
- А есаул-то каков~ Ты хоть успел разглядеть, как он их порубал?
- Нет.
- И я тоже.

Жигарев, бежавший перед ними, оглянулся:

- Мне бы шашку, я бы и всех четверых!
- Разговоры! - сурово окрикнул их кто-то.

И Орлов даже поежился на бегу, словно получил нагоняй от унтера.

На развилке их поджидали Кирилл с Луисом, а также запыхавшийся и раскрасневшийся Шпаковский со своим «вторым взводом». Всего Орлов насчитал двадцать восемь человек. «В вельбот не поместятся, - подумал он. - Нет, никак не поместятся. А как хорошо было бы всех их увезти отсюда».

Он попытался отбросить эту абсурдную мысль, но она не отставала, как назойливая муха.

«А если спрятаться где-нибудь, да хоть в той же пещере? Сходить на острова, попытаться нанять рыбацкую шхуну? Или украсть? А если Сьенфуэгос? Это же большой порт, там наверняка найдется какое-нибудь судно под нейтральным флагом~ А если в Гавану пробиваться? На английский пароход, который ждет вагонов с бананами? Далеко ли отсюда до Гаваны?»

- Осталось уйти за ограждение, - сказал Жигарев. - У нас подготовлены два прохода. Один - к бухте. Другой - в горы, на Санта-Клару. Если мы решим~

- О какой бухте можно вести речь! - перебил его Шпаковский. - Транспорта нет и не будет. Уходим в горы. Настоятельно прошу вас, есаул, действовать по плану. Сколько человек вам нужно, чтобы прикрыть колонну от преследования?

- Два хороших стрелка.
- Отберете их по дороге.
- Да уж отобраны.

Они принялись выстраиваться в колонну, а Кирилл, Орлов и Илья с Луисом остались в стороне. Жигарев с тоской глянул на них.

- На Клейтона идете? - Он снова повернулся к Шпаковскому: - Станислав Леопольдович, ну ладно, Клейтона мы упустили. Но как же Лукашевич? Мы же собирались его прихватить? Не вижу его!

- Где-то схоронился, мерзавец.
- Что же получается? Мы просто удираем? И оставим их тут процветать?
- Не время спорить!

Но есаула уже невозможно было остановить.

- Что мы забыли у испанцев? Они сами голодают, а тут еще нахлебники явятся! Вот они обрадуются. А если мы союзники, так почему бы нам не повоевать вместе с ними? Если дадут нам винтовки и пошлют партизан ловить? Или, того хуже, в окопы отправят под

Сантьяго, оборону держать - пойдете, ваше превосходительство?

По колонне пронесся ропот.

Жигарев вскочил на поваленное дерево, потрясая над головой карабином:

- Там, в бухте, Клейтон со своими подонками! А мы~ - Он задохнулся. Глянул на Орлова, потом на Шпаковского и закончил уже совершенно спокойно: - Вы можете идти, куда хотите. А я - за Клейтоном. Я жить не смогу, пока он землю топчет.

Из колонны послышалось:

- Действительно. Да хватит прений! Идем к бухте!

- Хоть море вблизи увидеть, - негромко добавил кто-то.

Далекая пулеметная очередь оборвала спор. Пули прошелестели в воздухе, и все присели.

- С центральной вышки бьют!

- Как они нас увидели?

- Да наугад лупит, по площади!

- Разойдись! Не стоять на виду! - скомандовал Шпаковский и, повернувшись к Кириллу, попросил, словно о деликатном одолжении: - Вы, очевидно, знаете самый короткий путь к бухте. Так не проведете ли и нас туда?

* * *

Они зашагали среди кустов вдоль дороги. Порой где-то далеко тарахтел пулемет, но пуль не было слышно. Орлов шел впереди вместе с Луисом, который показывал путь. Есаул держался рядом с ними. Орлов опасался, что Жигарев начнет стрелять, едва заметит впереди охранников. Но, по счастью, им никто не встретился.

Впрочем, двоих из лагерной охраны они все же увидели - те лежали, связанные, в канаве. Репортер Холден сидел на корточках рядом с ними и что-то строчил карандашом в своем самодельном блокноте. Увидев Орлова, он вскочил, морщась от боли:

- Каррамба! Мои ноги~ Слушай, Джим, ты не поверишь, я тут такое раскопал! Эти двое - они не испанцы! Они американцы, из Тампы! Здесь много таких! Их набрали в наших тюрьмах и отправили сюда~

Он замолчал, увидев, как из банановых зарослей выходят вооруженные люди.

- Все в порядке! - поспешил сказать Орлов. И добавил по-испански: - Эрнесто, со мной наши!

- Что-то их больно много, - послышался из кустов голос Карденаса. - И одежка на них~

- Одежку они сняли с тех, у кого отняли винтовки. Ты что, сам так никогда не поступал? Это наши, Эрнесто, - повторил Орлов.

Есаул наклонился, разглядывая пленников.

- Знакомые морды. Покойников возили, - сказал он. - Ладно, черт с ними, пусть живут.

- Пошли, пошли! - Орлов потянул его за собой, перешагивая через канаву. - Нам бы до темноты успеть.

Холден, прихрамывая, поспешил за ним. Карденас выглянул из-за дерева, недоверчивым взглядом провожая людей в ненавистных для него голубых кителях. Но винтовку все же опустил. Наконец, он тоже зашагал вслед за ними, поминутно оглядываясь.

Когда впереди показались столбики проволочного заграждения, Орлов остановил Луиса.

- Место голое, - сказал, подходя, Кирилл. - С вышки все видно.

Жигарев снял с плеча карабин.

- С вышкой-то мы поладим. Насчет вышки не беспокойтесь. Айн момент, и нет никакой вышки. Проволоку сорвете - и вперед. Мы их тут придержим, если кто дернется. А насчет вышки, это у нас давно все придумано. - Он оглянулся и подозвал: - Рома! Никола! Наша очередь пострелять.

Они уползли к ограждению, вжимаясь в землю так, что Орлов почти сразу потерял их из виду. Только дым, поднявшийся над травой после выстрелов, выдал их позицию.

- Чисто! - крикнул есаул, приподнявшись над травой. - Пошли, пошли!

Луис первым подбежал к ограждению. Три взмаха мачете - и проволока, завиваясь, отпрыгнула от столба.

Ни одного выстрела не раздалось со стороны вышки. Орлов вместе со всеми, почти не пригибаясь, кинулся в проход. «Если Жигарев сказал „чисто“, значит - чисто», - подумал он.

Они то бежали, спускаясь между сосен, то шли, задыхаясь на крутых подъемах. Позади стояла подозрительная тишина.

- Почему нет погони? - спросил Остерман, вытирая лоб рукавом.

- Ты чем-то недоволен? - отозвался Кирилл.

- Слишком тихо. Так не бывает. Тут какая-то каверза. Знать бы, какая~

Кроны деревьев зашумели. Сверху посыпались листья и сломанные ветки. Издалека прикатился нарастающий гул грома. В лесу сразу стало темно.

- Ближе держаться! - зычно скомандовал кто-то. - Подтянись!

Наконец, Орлов стал узнавать места, по которым они шли сегодня утром. Вот заросли кустарника с бурой мясистой листвой, вот дуга ручейка между замшелых валунов~

Луис вдруг остановился, подняв руку. Орлов привалился грудью к дереву. Кто-то рядом обессиленно опустил на землю.

Ветер шумел, ломаясь сквозь кроны деревьев. Снова пророкотал далекий гром. Но был в этом лесу и другой звук. Звук, которого никто не ожидал здесь услышать, - размеренное пыхтение паровых котлов~

- Что за черт? Все слышат, или только мне одному кажется? - изумленно спросил Остерман, прикладывая ладонь к уху. - Железная дорога? Да быть того не может! Паровоз?

- Нет. Пароход, - сказал Кирилл.

19

Они спешили у вышки, и Клейтон первым стал подниматься по крутой лестнице. На верхней площадке стоял наблюдатель. Клейтон забрал у него бинокль и передал Беренсу:

- Видите шлюпки? На них вы доберетесь до парохода. Посмотрите на берег. Ничего подозрительного?

Виктор Гаврилович навел резкость. В мутном стекле сначала рябила зелень кустов, потом вдруг вспыхнул ослепительно белый песок пляжа. Он увидел обе шлюпки, отметив, что одну из них вынесло на берег, а вторая так и болтается на отмели - наверно, прежние владельцы не поленились отдать якорь.

- Расскажи новому капитану, что там случилось, - приказал Клейтон наблюдателю.

- Прошлой ночью «Орион» застрял на рифах. Утром парни осмотрели бухту, прочесали лес. Все было спокойно. Тогда капитан Сноупс высадился сам и пришел к нам на пост. Поговорил по телефонной линии с мистером Коэном. Отправился обратно. Слышим - на берегу стреляют. Смотрю - все уже лежат на песке. Их добили. И утащили в лес. Вот и все.

- Вот так, - сказал Клейтон. - Добили и утащили. Вам все понятно, мистер Беренс? Вас прикроют мои парни. Они будут окружать вас со всех сторон. Не высовывайтесь. Понимаете, о чем я? Ни одного лишнего шага. Скажут стоять - стойте. Лежать - падайте на землю быстрее молнии. Не геройствуйте. Пока вы не поднялись на «Орион» - вы не капитан, а всего лишь ходячая мишень, которая должна остаться без единой дырки. Помните об этом все время. А пока еще раз осмотритесь. У вас, моряков, глаз особенный. Ну, заметили что-нибудь?

- Нет, - сказал Беренс, разглядывая камни, из-за которых он вчера стрелял по лодкам.

Он осмотрел всю бухту и немного задержал взгляд на впадине карьера. Вороны толклись над могилой, которую разворошили они с Остерманом. «Сколько же еще таких могил? - думал он. - Сколько убитых лежат в них? Кто их расстрелял? Врет Лукашевич, врет

как сивый мерин. Партизаны не стали бы тратить патроны. И не стали бы устраивать казней. А ведь наших именно казнили~»

- Сколько человек будут меня сопровождать? - спросил он, отдавая бинокль.

- Двенадцать.

- А остальные?

- С остальными я буду прочесывать лес, - сказал Клейтон. - Выбью оттуда черномазых, чтоб не мешали вам доплыть до «Ориона».

- Пока вы будете в лесу, нас могут расстрелять со скал. - Беренс обвел рукой скалистый берег бухты. - Две белые шлюпки на синей воде - как мишени в ярмарочном тире.

- Что предлагаете?

- Пока шлюпки не дойдут до парохода, вам со всеми стрелками надо оставаться вон там, в зарослях на берегу.

Тогда вы сможете ответить на огонь, откуда бы противник ни начал обстрел.

- Разумно, - сказал Клейтон. - Прочесывание можно устроить и потом, когда парни вернутся с «Ориона».

Спуск к бухте был оборудован по всем правилам современной фортификации, причем не без комфорта. Шагая по узким деревянным лестницам, укрытым сверху маскировочной сеткой, Виктор Гаврилович опирался на устойчивые, тщательно обструганные перила.

Он остался стоять под сеткой, пока обе лодки не подошли к берегу. Садясь в шлюпку, он старался не задерживать взгляд на выщербленном пулями борту и кровавых разводах. Ведь это были следы его пуль. И кровь тех, кого он убил.

Стрелки Клейтона гребли неумело, вразнобой, и Беренс не без тревоги ожидал того момента, когда шлюпки выйдут из тихой бухты и попадут в полосу прибоя возле скал. Однако - обошлось.

Приближаясь к застывшему пароходу, Беренс отметил крен на правый борт и дифферент на нос. Сейчас, при средней воде, видно было ватерлинию. Из труб сочился дым. В котлах поддерживался слабый пар для работы насосов, которые клокотали в носовой части. «Плохо дело, - подумал Виктор Гаврилович. - Засел основательно. Своим ходом сойти не смог. Гудками требовал помощи. Но на помощь, как видно, рассчитывать не приходится. Что же делать? Отступить некуда».

Он первым стал подниматься по штурмтрапу. Услышав, что стрелки засобирались отваливать к бухте, обернулся и приказал:

- Не уходить! Вы мне еще понадобятся!

- Нас ждет мистер Клейтон.

- Здесь командую я. Уйдете, когда отпущу.

Он перемахнул через фальшборт и пошел по наклонившейся палубе. Навстречу ему с мостика спускался моряк в белой фуражке.

- Я новый капитан, - сказал Беренс.

- Что за новости?

- Не верите? Спросите у них, - он показал на шлюпки, набитые стрелками. - Не будем тратить время. Ныряльщики работали?

- Нет. Но~ А где же капитан Сноупс?

- Много воды в трюмах? Машинное отделение - сухо? Пробоины большие?

- Откуда мне знать! - с досадой ответил моряк. - Я помощник капитана. Мое дело - паруса и орудия. Внизу хозяйничают эти чертовы русские.

- Отлично, - сказал Виктор Гаврилович, шагая вдоль борта к корме.

В кучке полуголых чумазных людей, сидевших в тени кормовой надстройки, он узнал своих. Все они были из каторжников - Мартынов, Лоновой, Оконечников~ Среди них выделялась долговая фигура отца Серафима - даже сидя, он был выше всех.

- Батюшка, и вы здесь?

Люди глядели на него настороженно, с недоверием. Наконец, один из них медленно поднялся на ноги. За ним встали и остальные.

- Здорово, орлы.
- Здравия желаем, - нестройно ответили они.

Беренс пожал руку каждому и с легким поклоном остановился перед священником, ожидая, что тот, как обычно, подаст ладонь.

- Я тут плотником подвигаюсь, - смущенно улыбнулся отец Серафим. - Уж не знаю, считать ли сие деяние временным сложением сана? Но ежели никто не прознает~

- Плотником? Чудны дела твои, Господи. Но поговорим позже. Что с судном?

- Тонем, ваше благородие, - мрачно отозвался Мартынов.

- Не потонем. Не для того нас сюда послали, чтоб местных рыб кормить. Верно? Начнем осмотр. Кто меня проведет? Лоновой?

- Могу и провести, - согласился бывший старшина с крейсера «Азия».

Лоновой был не просто толковым моряком. От своих товарищей он отличался тем, что за словом в карман не лез. Как правило, из каторжника лишнего слова клещами не вытянешь. А Лоновой всегда отвечал охотно, точно и с подробностями. Через час Беренс имел предельно ясную картину происшедшего за эти полгода. Не только с пароходом, но и со всей русской колонией.

И теперь ему оставалось только удивиться прихотливым извивам судьбы. Он прибыл сюда, чтобы спасти земляков. А придется спасать чужой корабль. Да еще тот самый корабль, что потопил его «Палладу».

Пароход сидел на острой скале, пропоровшей обшивку почти точно по миделю¹². Края пробоины плотно охватывали камень, и забортная вода поступала в трюм без напора, помпы справлялись с ней. На оторванный лист обшивки моряки сумели наложить щит и придавить распоркой. В таком положении пароход мог стоять достаточно долго, ожидая помощи. Но помощи не будет. А вот если налетит шторм, то качка превратит этот острый камень в консервный нож. И выпотрошенный «Орион» развалится пополам.

«Туда ему и дорога», - подумал Виктор Гаврилович, снова вспомнив о красавице-«Палладе».

В машинном отделении и в кочегарке царил идеальный порядок. Перед топками не было ни крошки угля. А переборка оказалась усилена деревянными щитами на тот случай, если вода хлынет в соседний трюм.

- Вы тут время не теряли, - похвалил Беренс кочегаров.

- Жить-то охота.

- Кто у вас за главного механика?

- Местный. Мистер Митчелл. Только он сюда не суется. Наверху ищите. Он толковый. Не злой. Остальные все хуже собак. А Митчелл - он уважительный.

- Цемент на борту имеется? Щиты, брезент для пластырей?

- Все в наличии. Да только, говорят, там такая дырища, что ее не залатаешь.

- Видали мы дыры и побольше, - небрежно усмехнулся Беренс, поднимаясь по трапу с давно не чищенными поручнями.

Наверху его уже ждали американцы. Он представился и попросил через пять минут собрать всех офицеров на мостике.

- Все здесь, - сказал пожилой моряк с седыми бакенбардами. - Я старший механик. Вот старпом, два вахтенных офицера, шкипер¹³. Остальные ушли с капитаном. Старшим остался я.

- Вы - Митчелл, я полагаю? - Беренс подал ему руку. - Я Виктор Беренс. Мистер Коэн назначил меня капитаном «Ориона». По крайней мере, на период спасательных работ и ремонта.

¹² *Мидель* - поперечная середина судна.

¹³ *Шкипер* - на военном корабле - заведующий имуществом палубной части.

- Думаете, потребуется ремонт? - Митчелл указал пальцем на палубу у себя под ногами.
- Под нами двести футов. Как только сдернем судно с камней, оно пойдет ко дну. О ремонте можно не беспокоиться.

- Сколько человек на борту? - спросил Беренс.

- Сорок в машинном и в кочегарках. Орудийные расчеты сошли на берег с капитаном, их не считать?

- Их не считать.

- Итак, сорок, плюс десять человек палубной команды, и пять офицеров. Простите. Шесть офицеров.

- Мало.

- Мало?

- Да. Мало, - задумчиво ответил Беренс, расстегивая рубашку. - Но это можно исправить. Вот что, Митчелл. Прикажите поднимать давление пара. Когда вы будете готовы дать полный ход?

- Через час.

- Превосходно! К приливу успеем. Кто здесь старший помощник? Вы? В шлюпках сидят стрелки. Пусть они поднимутся на борт. Все. И пусть перевезут с берега всех остальных.

- Всех?

- Да, да, всех! - Он разделся, повесив одежду на леера, положил очки в фуражку и отдал Митчеллу. - Есть в экипаже ныряльщики?

- Мичман Донован! - отозвался шкипер, рыжий здоровяк с щегольскими усиками колечком.

- Поныряем вместе, мичман. Обследуйте корму, а я посмотрю, что у нас под носом.

Шлепая босыми ногами по замызганной палубе, он дошел до штурмтрапа. И, прежде чем спуститься к воде, обернулся:

- Боцман! Почему не производится приборка?

- Боцмана нет, сэр! Он на берегу.

«На берегу!» - Виктор Гаврилович сокрушенно покачал головой. Каков капитан, таков и боцман. Оставить судно, находящееся в бедственном положении, могли только плохие моряки. О таких и горевать не стоит.

Вода была ласковая, теплая. Нырнув, он невольно залюбовался игрой световых струй на зелени обросшего борта. Видимость была превосходная. Из-под кия риф круто уходил вниз, в сиреневый мрак глубины.

«Двести не двести, а футов сто пятьдесят здесь точно будет», - подумал Беренс, вынырнув, чтобы отдышаться перед новым погружением. Уж ему-то хорошо было известно, как переменчивы глубины у этого побережья. Мелководье открытого моря сменялось глубокими впадинами у самого берега. Одна сторона рифа могла обрываться в бездну, а на другой воды было по колено. Сложный рельеф дна был одной из причин, почему в этих водах не было судоходных путей. Здесь ходили только рыбаки да контрабандисты.

Снова нырнув, он осмотрел место, где пароход сидел на скале. В воде мелькнула крупная тень, напугав Беренса. Он сразу вспомнил, что эти рифы - излюбленное место обитания акул. Виктор Гаврилович застыл, вцепившись в мохнатые водоросли на обшивке. Но из-под днища ему навстречу показался Донован, с надутыми щеками и вытаращенными глазами. Они всплыли вместе, и мичман сказал, отфыркиваясь:

- Риф похож на зуб акулы. «Орион» сидит пузом на самом его кончике.

- Согласен с вашими выводами, коллега, - солидно, как на ученом совете, ответил Беренс.

Выбравшись обратно на палубу, Виктор Гаврилович уже точно знал, что сумеет снять «Орион» со скалы. И больше того, не даст ему утонуть. «Этот корабль нам еще пригодится», - подумал он, одеваясь.

* * *

Этот корабль был одним из флотилии Абрахама Коэна. Из китобойной флотилии, которая должна была превратиться в банановый флот.

В подобных превращениях для Коэна не было ничего необычного. Он, как волшебник, мог менять сущность вещей, явлений, людей. Начал он с себя. Босоногий мальчонка из глухого бессарабского местечка превратился в важного джентльмена с золотыми перстнями на пальцах. Абрашка, которого за кражу пары яблок нещадно сек старый Мендель, стал мистером Эйбом Коэном, владеющим необъятными землями. Что же удивительного в том, что какой-то пароход становится то китобоем, то крейсером?

Коэн бредил китовым промыслом с того самого дня, когда впервые увидел китобойную шхуну.

Он стоял на палубе океанского парохода, на самом носу. На него несло дым из труб, но он предпочитал терпеть копать, лишь бы не тереться в вонючей толпе эмигрантов. А впереди виднелся белоснежный парус. Когда пароход нагнал шхуну, стало видно, что за ней тянется, поблескивая над водой, огромная туша кита.

Моряки, красивые поручни на носу парохода, проводили шхуну завистливыми взглядами. Из их слов Абрашка понял, что китобои теперь целый год могут не выходить в море. Ведь кит - это не только ценный жир, но еще и китовый ус, и мясо, из которого можно делать консервы с любой этикеткой, ведь в банках любое мясо - на один вкус, хоть китовое, хоть собачье~

С тех пор он думал только о том, как стать «китовым королем». «Мясные короли» правили на Западе, «нефтяные» и «угольные» - на Востоке, были еще «стальные», «железнодорожные». А он будет «китовым». И будет править не в каком-то штате, а на всей Атлантике.

Он прошел долгий путь от разносчика газет до крупного бизнесмена, владельца нескольких консервных заводов. И все это время не забывал о главном. Если б его разбудили среди ночи, он мог, не просыпаясь, ответить, сколько сегодня стоит бочонок китового жира на рынках Бостона или Филадельфии. Когда у него накопился достаточный капитал, он вложил его в самые современные проекты судов. Одновременно на шести верфях заложили шесть невиданных доселе кораблей. Мощные паровые машины, просторные трюмы с оборудованием для вытапливания жира, палубы с лебедками, и предмет особой гордости - гарпунные пушки, оснащенные разрывными снарядами. Эти стальные винтовые пароходы не зависели ни от ветра, ни от течений. Но могли идти и под парусами, сберегая уголь, чтобы забраться в самые отдаленные уголки океана. И они справились бы с любыми китами, даже с такими, кто, бывало, опрокидывал шхуны и утаскивал за собой на глубину смельчаков, не рассчитавших своих сил.

Когда суда были готовы и опробованы в море, Коэн перебазировал их на Кубу. Здесь, в Гаване, щедро раздавая взятки, ему удалось договориться о практически бесплатной стоянке. И команду здесь можно было набрать легче, чем в Бостоне, где уже приходилось считаться с матросскими профсоюзами. Наконец, «Кашалот», «Нарвал», «Косатка», «Марлин», «Тунец» и «Дельфин» вышли в океан~ И вернулись ни с чем.

Абрахам Коэн знал, что от любого человека можно ожидать любой подлости. Но он не ожидал, что самыми отъявленными подлецами окажутся его любимцы - киты. Они просто исчезли! Они покинули воды Гольфстрима. От бермудского Нассау до канадского Галифакса китовый фонтан стал не меньшей редкостью, чем бизон в окрестностях Нью-Йорка. Конечно, можно было бы продвинуться дальше на север или на восток, но там и без того толпились флотилии канадцев, норвежцев, датчан.

Ему тяжело далось расставание с мечтой. Особенно если добавить к тяжести утраты несколько миллионов, как потраченных, так и упущенных. Но, как всегда, нашлись люди, которым было еще хуже, чем ему. Гаванский знакомый Эйба разорился после того, как

партизаны сожгли все его сахарные заводы; он решил перебираться в Европу и принялся избавляться от своих плантаций. Коэн получил их от него в счет погашения старого кредита. Оформляя бумаги, он столкнулся с другим старым знакомым, бостонским торговцем фруктами. Пообедали в ресторане возле посольства. Кроме еды и выпивки попросили у официанта пару карандашей. Исчертив несколько салфеток расчетами, они пожали друг другу руки. Так появилась «Карибская фруктовая компания».

Кораблям-китобоям предстояло превратиться в банановозы. Естественно, самые современные, с холодильными установками. Пять судов отправились на переделку в доки Бостона. Один же корабль взял курс на Тампу, где на военной верфи с ним произошло очередное превращение. Избавившись от всего лишнего, он вооружился орудиями и пулеметами, после чего вернулся к берегам Кубы под новым именем. Теперь его звали «Орион».

* * *

Стоя на мостике, Виктор Гаврилович чувствовал, как вибрация под ногами становится все сильнее. Это еще не была та дрожь, которая сотрясает весь корпус на полном ходу. Нет, это всего лишь поднималось давление в паропроводах. «Хватит ли мощи?» - думал он, с тревогой поглядывая на горизонт. Там, в золоте заката, медленно вскипало высокое лиловое облако, предвестник шторма. Начинался прилив.

- Не пора ли? - осторожно спросил Митчелл, стоявший рядом с ним у машинного телеграфа.

- Пора. Первую команду - на бак.

- Первая команда - на бак! - гаркнул старший помощник в рупор.

Кучка матросов и стрелков, подхватив для большей тяжести угольные корзины, двинулась вперед по наклонной палубе.

- По борту держаться! Не скатываться! - кричал на них старпом. - Живее!

- Растет дифферент? - спросил Беренс, неотрывно глядя на носовые леера, которые все еще оставались неподвижными на фоне воды.

- Не вижу, - отозвался Митчелл. - Нет. Без изменений.

- Всех на бак.

- Вторая команда, пошла! Третья команда, пошла! - командовал старпом.

Носовая палуба заполнилась людьми. Люди с трудом удерживались на наклонной поверхности, но не выпускали из рук тяжелых корзин, готовые в любую секунду побежать обратно. И как только нос «Ориона» дрогнул и качнулся вниз, Беренс закричал:

- Третья - назад! Вторая - назад! Первая - назад!

Гул беготни смешивался с криками матросов, разгоряченных тяжелой и рискованной работой. Все понимали, что раскачивать судно на рифе опасно. Оно может еще глубже засесть на скале, а может и вообще переломиться.

- Машина! Малый назад! Почему нет доклада из трюма?

- Связь молчит!

- Мичман Донован, в трюм! Докладывать о воде каждую минуту!

Он не сомневался, что сможет рано или поздно сдернуть корабль со скалы. Но в том-то и дело - рано или поздно? Успеет ли он сняться до шторма? И как сильно станет прибывать вода в пробоину, которую не заткнуть? Не затопит ли котлы - тогда взрыв, конец~

Беренс отбросил все мысли. Он отдавал команды спокойным, жестким голосом и смотрел то на белые полосы носовых лееров, то на свинцовое облако, которое нелепым грибом на толстой ножке вырастало на горизонте.

- Малый вперед!

- Вода прибывает!

«Орион» вздрогнул всем телом и вдруг сдвинулся вперед, зарываясь носом в воду. Беренс, чтобы не упасть, уперся рукой в стекло рубки.

- Все на корму! - командовал он. - Все! Я сказал, все!

- Насосы захлебнулись!

- Полный вперед! Право руля!

«А ведь я не проверил рулевое!» - вспомнил он, похолодев от ужаса. Если рули заклинило при ударе о риф - а такое случалось нередко - то весь его план летит к чертям! И судно на полном ходу просто уйдет в глубину, как ныряющий кит.

- Правая машина - стоп! Правая, полный назад!

- Идет, идет, - раздался рядом голос Митчелла. - Все в порядке, капитан.

- Вода в носовом трюме!

«Лишь бы не в кормовом», - подумал он и сам схватился за штурвал, оттеснив помощника.

«Орион» то клевал носом воду, то нехотя вскидывался, сбрасывая с палубы пену и грязь.

- Митчелл! Кочегаров наверх. Готовьтесь покинуть корабль.

- Но «Орион» идет, идет! Мы успеем! Если не потеряем ход~

- Кочегаров - наверх!

Он нацелил нос на вход в бухту. Корабль удивительно легко слушался руля.

- Митчелл!

- Да, сэр!

- Умеее молитесь?

- Да ну вас к черту, капитан! Успеем! И без помощи небес!

- Какая осадка у нас?

- Восемь футов! Сейчас - все десять!

«Неужели проскочим?» - Беренс замер, вцепившись в штурвал. Справа и слева потянулись отвесные стены скал.

«Ну, сейчас зацепим банку? Споткнемся носом о порог?»

Но «Орион» все же ворвался в бухту, и грохот его машин отозвался многократным эхом от скалистых берегов.

Чайки сорвались с обугленных свай, оставшихся от причала, и испуганно заметались над бухтой.

- Стоп, машина!

«Может быть, встать к причалу?» - подумал Беренс. - Нет, там глубоко, даже в отлив днище будет в воде. А нам нужно сухое пузо. Пузо с дыркой от акульего зуба. Нет, подальше от причала. Да и наши где-то там прячутся. Нет, вправо, еще правее!»

Он с бешеной скоростью крутил штурвал, уводя корабль в сторону отмели. Еще боясь поверить в то, что главная задача решена, Беренс про себя отметил, что судно отличается удивительной для своих размеров верткостью.

Удар! Беренс навалился грудью на штурвал.

- Малый назад! Полный назад!

Митчелл с проклятиями поднялся с пола и снова упал, когда пароход коснулся дна, теперь уже основательно.

Со стонами и визгом огромная туша парохода вспорола нежную кожу отмели и нависла над песчаным берегом.

И тут же свирепый порыв ветра разметал дым пароходных труб по всей бухте. Прокатился трескучий раскат грома.

«Вот и шторм, - подумал Беренс, в изнеможении опускаясь на пол рубки, чтобы похлопать по щекам механика. - Успели. Митчелл был прав. Успели без помощи небес».

Они остановились там, где их застала темнота, - на перевале. Спускаться было слишком рискованно. Пещеру ночью не отыскать, а на пути к бухте можно было наткнуться на людей Клейтона. Поэтому, обойдя посты, Орлов забрался в наспех поставленный шалаш и, потеснив Кирилла и Остермана, постарался заснуть.

- Джим, это ты? - спросил из темноты Холден.

- Да.

- А почему я не вижу мистера Беренса? Он нашел тот лагерь? Ну, где держали его земляков?

- Да.

- И остался там?

- Да.

- Тогда ответь мне, кто все эти люди? Они бежали из лагеря?

- Да.

- Значит, у них я могу узнать все насчет испанских лагерей?

- Послушай, Френсис. Если у тебя есть еще десяток вопросов, то давай я еще десять раз заранее отвечу тебе «да». И посплю.

- Я тоже хочу спать. Но - последний вопрос. Можешь назвать свое настоящее имя?

- Нет.

Дождь перестал шуметь, и в ночи отчетливо слышалось пыхтение паровых котлов, доносящееся от бухты. «Значит, Беренс справился, - думал Орлов. - Снял пароход с рифов. Завел его в бухту. И Клейтон теперь может действовать под прикрытием артиллерии крейсера. Что он собирался делать? Уничтожить банду черномазых. Вот он удивится-то, когда увидит нас».

Он уже задремал, когда вдруг вспомнил о Лукашевиче, и сон как рукой сняло. Если бы Орлов послушался его, то сейчас, наверно, лежал бы не на мокрых ветках, а на душистых связках бананов. И вагон, уютно постукивая колесами, вез бы его в Гавану~

«Зачем он так торопился меня спровадить? Не хотел, чтобы я встретился с остальными. Не хотел, чтобы они мне все рассказали. Потому что тогда меня нельзя было бы отпускать. Ведь, выбравшись отсюда, я мог бы сообщить в Россию об измене штабс-капитана Лукашевича. Измена? Что за выражение, граф! Вот-вот, именно этого и опасался Лукашевич - что я сочту его предателем. Он не предатель. Он не перешел на сторону врага. Да, здесь идет война, но в ней у нас нет врагов. Мы нейтральная страна. Мы? О ком это вы, граф? Вы давно уже американец. И отличаетесь от Лукашевича только тем, что опередили его на несколько лет».

Орлов выбрался из шалаша и закурил. «Да! Лукашевич принял меня за своего! У меня свой бизнес, у него - свой. А служба? Мы с ним не забыли о ней. Наоборот, это служба забыла о нас. Не нужны мы ей больше. Вот и принялись искать новое место под солнцем. Разве он виноват, что место для него нашлось именно здесь?»

Он курил, пряча сигару в кулаке. «Лукашевич, старый товарищ, пытался меня спасти. Не выдал Клейтону. Чуть ли не сам на поезд посадил. Но почему же я не чувствую к нему никакой благодарности? И почему жалею, что его не удалось скрутить и прихватить с собой? Представляю, как бы поговорил с ним есаул Жигарев. Да и говорить бы не стал, наверно. Плохо, ой, плохо пришлось бы Лукашевичу. А я бы стоял в стороне и смотрел, как казнят моего старого товарища?»

Капитан Орлов с наслаждением вдохнул душистый дым. Таких сигар он еще никогда не курил.

- А ты не продавайся, - сказал он Лукашевичу, и сам испугался собственного голоса, неожиданно прозвучавшего в тишине.

«Ну, ладно, с ним все ясно, - подумал он, - а как быть с Беренсом? Вроде до сих пор вел себя достойно, вроде не склонен к измене. Что ж он так легко поддался на уговоры? Клейтон даже не угрожал ему, даже не пообещал ничего~»

Да, Беренс казался своим, близким - но к кому он был ближе, к каторжникам или к тем,

кто их охранял? Конечно, за годы строительства гавани здесь многие понятия утратили первоначальный смысл. Каторжники и конвоиры одинаково страдали от всех мучений чужбины - от болезней, от тоски, от неизвестности. И смерть косила их, не спрашивая паспорта. Но вот каторжанам напомнили о том, что они - моряки. И они поднялись на борт корабля, и стали свободными. А казаки из конвойной сотни приняли смертную муку. С кем должен был остаться Беренс? Ведь он - моряк~

Он не только моряк, но и офицер. Он присягу давал. Если другие офицеры выбрали лагерный загаженный барак, то и его место - там. Среди них. А он ушел с Клейтоном. И снял с рифов крейсер, который завтра будет поддерживать противника огнем своих пушек и пулеметов.

«Пулеметы и у нас имеются, в пещере, - подумал Орлов, гася сигару. - Вот только добраться бы до них. Мы еще покажем вам, как умеют умирать русские солдаты. Умирать? О чем это я! Мы покажем, как умеют побеждать русские».

Ему показалось, что он едва закрыл глаза и сразу проснулся. Но небо над лесом было уже сиреневым.

- Светает, - шепнул Кирилл, осторожно потряхивая его плечо. - Давай, Паша, сходим к пещере. Тихонько-тихонько. Самое время.

Они спускались, прячась за деревьями и прислушиваясь. В лесу на склоне стояла кислая угольная гарь - пароходный дым нанесло с бухты. Но вскоре Орлов различил и другие запахи. Только он хотел сказать об этом Кириллу, как тот сам обернулся к нему:

- Чуешь? Они встали раньше нас. Кофе пьют.

- И бобы жарят.

- Ну, уж без этого никуда. Вот увидишь, у них там и над каждым гамаком полог от дождя натянут. Без удобств не могут.

Они спустились еще ниже и увидели отсветы костра на сосновых стволах.

- Серьезные ребята, - сказал Кирилл. - Посты выставили. Людей у Клейтона много.

- Это дело поправимое, - заметил Орлов.

Дальше они пошли еще медленнее, выбирая место, куда поставить ногу, чтобы не хрустнуть веткой - а их за ночь немало набросало. Отголоски ночного шторма еще были слышны: вверху шумели кроны под порывами ветра, а снизу доносился рокот далекого прибоя. Правда, в самой бухте волны были мелкими. Они злобно били в корму парохода, уткнувшегося в берег, но слабели, добежав до его середины, а у носа сникали и растекались пенными дугами.

Несколько фонарей освещали ржавые бока судна, и в их неверном свете Орлов увидел примерно с десятков моряков. Те, по колено в воде, стояли под бортом и яростно скребли его, отдирая водоросли и ракушки.

- У них были пробоины, - прошептал Кирилл. - Всю ночь колотили, а сейчас тихо. Заделали. Вечером, с приливом, будут сниматься с мели. Значит, завтра и мы сможем уйти на вельботе.

- Ты погоди уходить-то. Нам надо Клейтона от пещеры отвести.

- Что предлагаешь?

- Видел я тут по пути подходящую полянку. Устроим вокруг нее позицию. Всех наших стрелков туда, расположим по дуге. Замаскируются, закрепятся. А мы спустимся к бухте. Обстреляем Клейтона. Завяжем бой и начнем отступать. Заведем его на полянку. Под залповый огонь.

Кирилл задумался.

- Надо сначала посчитать, сколько их.

- Всех не пересчитаешь, - ответил Орлов, глядя на пароход. - Поди узнай, сколько их там, на борту. А сколько на разных постах, по берегу разбросанных?

- У нас шестнадцать винтовок. У них - больше.

- Это до первой стычки.

- Ладно, - сказал Кирилл. - Если б вытащить наших из пещеры, да уйти потихоньку. Так

ведь все равно не дадут уйти. Куда ты уйдешь с острова~

- Уйдем. Но сначала пусть уйдут они. Смотри. - Орлов разгреб листья и стал чертить ножом на влажной земле. - Вот тут устроим засаду. Держим позицию минут десять. Ну, или как получится. Но не слишком долго. Клейтон подтягивает все силы, и мы снова отступаем. В горы. Направление - восток. Отрываемся. Мы идем быстро, а они медленно, потому что боятся новой засады. Но ее не будет. Вот здесь ручей. Двоих-троих отправляем в лес топтать ложную тропу на прежнем курсе. А сами круто поворачиваем обратно и уходим по воде.

- На ложную тропу кубинцев отправим, - сказал Кирилл. - Эрнесто с Луисом. Они не заплутают. И знают, как потом выйти к пещере. Там и встретимся.

- Встретимся, но не раньше ночи. Темноты дождемся вот здесь. У того обрыва, где ты спускался в карьер. Там место глухое, схоронимся. А Клейтон проходит мимо нас в горы и продолжает там поиски. Оттуда ему незачем возвращаться к бухте. И он уходит к себе в лагерь, на плантации. А мы - к пещере. Крейсер ночью уйдет. И все.

- Все? - Кирилл усмехнулся. - Если бы так~ Ладно. Будь по-твоему. Пойдем, посмотрим на твою полянку.

* * *

Утром Виктор Гаврилович мог бы заняться чем-нибудь другим. Но он, вызывая неодобрительные взгляды Митчелла и других офицеров, разделся, взял скребок и принялся вместе с отцом Серафимом скоблить борт. Нельзя сказать, чтобы это дело было таким уж привлекательным. Нет, ему просто хотелось поговорить со священником. И очень не хотелось ни о чем говорить с американцами.

Боб Клейтон со своими людьми переночевал на «Орионе», отправив только нескольких стрелков куда-то на берег. С раннего утра Клейтон сам явился на камбуз и долго препирался с коком. В результате сложных переговоров завтрак для стрелков был подан раньше, чем для судовой команды. И роскошный завтрак - омлет с беконом. Беренс знал, как трудно раздобыть яйца и молоко на разоренном берегу. И судовой кок должен был беречь эти деликатесы. Но Клейтон, как видно, пользовался исключительными привилегиями. Он предложил матросам палубной команды присоединиться к экспедиции за черепами. И никто не отказался.

Солнце уже поднялось к зениту, когда отряд Клейтона с шутками и смехом направился к лесистому склону бухты.

- Как на гулянку собрались, - сказал Беренс, глядя им вслед из-под ржавого борта «Ориона»

- А так и есть, - отозвался отец Серафим. - Веселиться отправились. Для них это не просто забава. Охота, как говорят, пуще неволи. Бывало, они приводили на сентраль пару-тройку пленных «мамби ». Как я понимаю, в воспитательных целях. Воспитывали они, естественно, нас. Смирение и кротость в нас пробуждали. Способом вполне ветхозаветным - казнями египетскими, показательными. Привяжут, бывало, черненького крестом между двух столбов, руки-ноги на растяжку. И давай по нему, сердечному, палить из винтовок. И стреляли, пока руку либо ногу напрочь не перебьют. А нам - смотреть да не отворачиваться. А иного к столбу поставят и рубят. Сначала пальцы все отрубят. А последним ударом норовят череп снести. Да так, знаете ли, хитро - повыше бровей ударят, чтоб голова раскрылась, как эдакая шкатулка. Прости, Господи~

- Как же вы согласились служить им? - спросил Беренс.

- Служить? Мы с вами, Виктор Гаврилович, по-разному службу понимаем. Служу я тому же, кому и прежде служил. Господу нашему, Иисусу Христу, и более никому не служу. Что же касается Боба Клейтона и его приспешников, то им я всего лишь подчиняюсь. Встать против них? Убьют, и глазом не моргнут. Следовательно, такой мой поступок стал бы лишь разновидностью самоубийства. Восстание в наших условиях - шаг смелый и гордый, но

преступный против Бога. Недаром нам в первый же день показали, что будет с непокорными.

- Да, жаль казаков~

- Я предполагаю, к их судьбе Лукашевич руку приложил. Говорят, что по его приказу все конвойные в ту ночь спали в одном бараке. Раньше они в разных концах ночевали. И постов было больше, но Лукашевич почти все снял. Оставил только одного караульщика. Вроде бы объяснил тем, что народа мало, людей беречь надо. Вот и уберег~ Встаем поутру - а на нас клейтоновские винтовки смотрят. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

- Надо составить список тех, кто погиб, - сказал Беренс. - Вернемся, будут представлены к посмертным наградам. За верность присяге.

Отец Серафим разгладил редкую курчавую бородку, стряхивая с нее ржавчину, и смущенно улыбнулся:

- Вернемся ли? Ой, что мне будет, ежели я вернусь~ И подумать страшно. А если еще и вы в разговоре с моим начальством присовокупите свое мнение, так мне одна дорога, на Соловки. И все же я выскажусь, если позволите. Вот вы говорите - присяга. Да, хранить верность присяге - дело похвальное. Но чья похвала нам дороже? Людская или Божья? А ведь Господь прямо говорит - не клянитесь! Не присягайте! Не в вашей власти решать, что с вами будет! Мы ведь созданы не для того, чтобы всю жизнь подчиняться командирам, царям и прочему начальству. Не начальство нас породило, а токмо Единый Отец. Но и он с нас присяги не требует, по великодушию своему. И мы~

- Довольно странно слышать такие речи от военного священника, - перебил его Беренс.

- Мне и самому странно, какие перемены я в себе наблюдаю. Словно пелена с глаз упала, стоило на смерть в упор посмотреть. Читаю мысленным взором Писание и вижу, что слово Божье упрятано под нагромождения человеческих мудрствований и хитроумных установлений. Вот, к примеру, сказано: «Не убий». Но в том же Ветхом Завете имеется двадцать шесть упоминаний о необходимости смертной казни. «Ворожеи не оставляй в живых», и прочая, и прочая, и прочая. Как это можно соединить - запрет на убийство и смертную казнь?

- Ну, на то он и Ветхий, тот завет, - попытался возразить Беренс. - В том смысле, что устаревший, и его исполнять не следует.

- Да? Значит, веровать будем в учение Христа, а государственную жизнь будем вести по иудейскому закону, отмененному Христом? Но вера без дел мертва. По делам нашим видно, в кого мы веруем. Если любим ближнего, если не гневаемся, если из двух своих одежд одну отдаем голому - тогда видно, что мы христиане. Но как же ловко все переиначено! Скажем, объявляют грехом *напрасный* гнев. Следственно, гнев *праведный* - дело благое, так, что ли? Христос не признает ни судов, ни царей, ни богатства - а мы? А мы только ради богатства и живем.

- Я не живу ради богатства. Что за манера, употреблять «мы», когда касаются общества! Пусть каждый отвечает за себя.

- И ответит, - мягко улыбнулся отец Серафим.

- Значит, вы решили примкнуть к~ - Беренс замялся, в последний момент заменив слово, - ~к заключенным, потому что их действия согласуются с вашими убеждениями.

- К «изменникам» хотели сказать, ведь так? Они не изменники, Виктор Гаврилович. Они подчинились злу. Да, Клейтон - это зло. И его хозяева - зло еще большее. Хозяева - они из тех, кто правит миром. Но полсотни русских матросов вряд ли способны истребить мировое зло. Вот и пришлось покориться. Чтобы не отвечать на зло не менее злыми деяниями.

- Но вы могли остаться с офицерами, которые точно так же покорились.

- Здесь я нужнее, чем там. Хотя я тут и плотник, хоть и многие себя в безбожники зачислили, а все же братишечки, нет-нет да и подойдут за добрым словом.

Отец Серафим замолк, потому что к ним подошел Митчелл.

- Механика и паровая часть в полном порядке, - доложил тот. - Разорванные трубки заглушены, станина закреплена. Крепления левого упорного подшипника немного

расшатаны. Но я полагаю, этот дефект был и раньше. Я не стал бы его связывать с ударом о риф. Течи от винтов нет.

- Что с пробойной?

- Сделали все как полагается. Свели края, наложили щит. Зацементировали. Поставили упор. Будет держать, пока не придем в док. Заклепки кое-где повылезали, но тут уж мы бессильны. Замазку, разумеется, использовали щедро. Но течь неизбежна. У нас хорошие помпы. Справятся. Я так считаю.

- Даете добро на выход в море? - спросил Беренс.

- С моей стороны замечаний не будет. - Митчелл помедлил. - Но вам не мешает осмотреть палубу и такелаж. На мой взгляд, старший помощник многое упускает из виду. Я многократно напоминал капитану Сноупсу, что мы не сможем поднять паруса, если не изменить расположение орудий и пулеметов. Но он так ничего и не предпринял. Может быть, вы рассмотрите мои предложения? Я понимаю, что лезу не в свое дело, но~

«Скорее, это я лезу не в свое дело, - хотел сказать Виктор Гаврилович. - Я простой гидрограф. Думаете, я больше вашего понимаю в парусах и орудиях?»

Но ничего не сказал, отложил скребок. Пусть команда верит, что на судне появился настоящий капитан.

Обойдя вместе с Митчеллом корабль, он убедился, что механик был прав. Пулеметные станины мешали вращению лебедки, поднимающей паруса на фок-мачте. Точно так же бортовые орудия перекрывали доступ к канифас-блокам.

- Я понимаю, что «Орион» способен обойтись и без парусов, - все больше раздражаясь, говорил Митчелл. - Но порядок есть порядок. Те, кто устанавливал артиллерийское вооружение на мирное судно, видимо, слишком торопились. Будь моя воля, я бы сбросил за борт все пушки. Мало того, что они создают нагрузку на палубу, которую, кстати, не позаботились укрепить. Так они еще и центровку нарушают. Чтобы уравновесить их воздействие, приходится набирать лишний балласт, а отсюда перерасход угля, излишнее напряжение для всех механизмов.

- Возможно, эти пушки предназначены для промысла особо крупных китов, - без тени улыбки предположил Беренс.

- Поговорите об этом с мистером Коэном, - буркнул старший механик. - Но я могу точно сказать - для промысла китов незачем обшивать борта двойными листами стали. Потому что киты не отстреливаются. Вам о многом следовало бы поговорить с мистером Коэном. Может быть, он вам объяснит, какой смысл в наших рейдах вдоль побережья. Три месяца мы снуем здесь, на мелководье, бомбардируем берег, потопили три несчастные лодки и одну канонерку. Но почему этим не может заниматься наш славный флот? Не понимаю. Нет, будь моя воля, я бы весь этот хлам - за борт!

Беренс похлопал по стволу орудия:

- Хлам, говорите? Сто пятьдесят два миллиметра, пушка системы Канэ. Производство французского артиллерийского искусства. Бьет на десять миль. И как бьет~

- За борт! - упрямо повторил Митчелл. - Знаете, сколько весит это ваше производство искусства?

- Примерно шестнадцать тонн, - припомнил Беренс. - Впрочем, здесь у вас какой-то особенный станок, я таких не видел.

- Семнадцать тысяч восемьсот килограммов, как написано в документах! - воскликнул механик. - Мне страшно перевести это в фунты. И таких пушек у нас две, баковая и кормовая. Зачем они нам? Против лодок хватило бы и вот этих, помельче. Они вам тоже знакомы?

Они подошли к пушкам на площадках, выступающих за борт. То были пятидесяти семи миллиметровые орудия системы Норденфельда. В свое время Виктор Гаврилович состоял в комиссии, которая закупала эти пушки для строящихся крейсеров. То есть пыталась закупить, торговалась, сбивала цену. Чем дело кончилось, он так и не узнал, поскольку был командирован на Кубу. Но все еще помнил прекрасные характеристики этих скорострельных

орудий.

- Они, конечно, полегче, - заметил он. - Но расположение! Представляю, каково «Ориону» при бортовой качке.

- Вот-вот, - кивнул Митчелл. - Скорей бы кончилась война. Может быть, тогда кораблю вернут прежний вид? Как вы полагаете?

- Полагаю, что вот тогда-то вы и сможете походить под парусами, дав отдохнуть вашим любимым машинам, - ответил Беренс.

- Но хотя бы пулеметы мы можем переставить?

- Давайте подумаем вместе.

Завершая обход, они вернулись к пулеметным гнездам. Нет, переставлять пулеметы не имело смысла. Находясь на своих местах, они имели сектор обстрела почти в сто восемьдесят градусов, то есть могли бить не только от борта, но и вперед по курсу, и назад. Более выгодную позицию не найти. Виктор Гаврилович взялся за рукоятки и заглянул в прорезь прицела. Из приемной щели торчал конец ленты с тремя патронами.

- Пулемет должен быть либо готов к бою, либо разряжен, - сказал он механику. - Сейчас он способен сделать всего пять выстрелов. И замолчит. А любая заминка в бою может оказаться смертельной. Прикажите вставить новую ленту.

- Приказать? Кому же я могу это приказать? - Митчелл присел, открывая патронный ящик. - Все, кто управлялся с пушками и пулеметами, ушли с капитаном Сноупсом. Кстати, не знаете, почему они до сих пор не вернулись?

- Разве Клейтон вам не рассказал? С ними приключилась неприятная история. Они пропали.

- И он отправился на их поиски? Тогда все понятно. Понятно, почему он старался казаться таким веселым. - Механик вставил новую ленту и протянул ее, звонко щелкая рукояткой на коробе. Видно было, что четкая работа механизма доставляет ему удовольствие. - Готово. Я бы еще проверил уровень воды в охлаждающем кожухе. Но это уж пускай делают те, кто будет стрелять. А наше дело - вывести «Орион» в море. Я так считаю.

- Осталось дожидаться прилива, - ответил Беренс.

И вздрогнул, услышав выстрелы в лесу.

«Нашли пещеру, - подумал он. - Вот и все. Не придется дожидаться прилива».

21

Они лежали за корягой, пристроив на нее стволы винтовок, и ждали.

- Не нравится мне твоя затея, Джим, - сказал Эрнесто Карденас. - К чему эти засады? Только расход патронов, а пользы никакой не будет, вот увидишь. Мы ведь обычно как делаем? Два-три выстрела, и отступаем. Причем так, чтобы никаких следов. Никаких погонь. И никаких засад.

- Но и эти два-три выстрела вы делаете из засады, - сказал Орлов. - Или нет? Или ты каждый раз становишься посреди дороги, чтоб тебя было видно со всех сторон?

- Я не дурак. Я стреляю из-за дерева. Или из кустов. Обычно - в спину. Лучше всего, если удастся подстрелить офицера. Но его обычно сзади прикрывает вестовой. Вот и приходится делать два-три выстрела, чтобы завалить обоих. И - отходим. А то, что ты придумал, - это уже настоящая засада, от которой никакого толку не будет, только патроны пожжем. А патроны беречь надо.

- После засады у нас будет много патронов, - сказал Орлов.

- Не знаю. Нам патроны достаются тяжело. Раньше было легче. Девки нас снабжали, когда мы стояли у Сьенфуэгоса. Девки обслуживали солдат, а те расплачивались с ними патронами. Откуда у солдата лишняя песета, да? Вот и платили патронами. Знали бы они, что гибнут от собственных пуль~ Тихо, Джим! Идут~

Эрнесто снял шляпу и, отряхнув, бережно уложил рядом с собой. Прижал плечо к прикладу, прищурился и спросил:

- Кого? Переднего?
- Переднего. Мой - за ним.
- Наповал или только ранить?
- Неважно.
- В ногу, - объявил Карденас, словно в бильярдной. - Пускай они с ним повозятся, с раненым.

Орлов смотрел поверх мушки на тех, кто шел по лесу. Яркие солнечные пятна мелькали на их фигурах, когда они пересекали освещенный участок. Но вот все снова вошли в густую тень сосен, и в них стало удобнее целиться.

- Когда пройдут красный куст, стреляем, - предупредил он Карденаса. - И сразу уходим.

Первым шел голый по пояс крепыш с карабином в руках. Патронные ленты крест-накрест обтягивали его бронзовую грудь. Орлов навел было мушку ему в живот, но вспомнил, что должен целиться в другого, и чуть отвел ствол. Вторым шагал доходяга в длинном плаще. «Как ему не жарко?» - удивился Орлов и ощутил, как пот скатывается по спине между лопаток.

Неожиданно Карденас выстрелил. Бронзовый крепыш присел и вскинул винтовку к плечу. Орлов тоже нажал на спуск и увидел, как тот, в плаще, всплеснул руками и, словно пустой мешок, осел на землю.

- Уходим! - во весь голос крикнул по-испански Орлов, вскочил и для убедительности дернул Карденаса за плечо. - Уходим, амигос!

Эрнесто медлил. Наверно, промах не позволял ему уйти. Но Орлов бесцеремонно потянул его за шиворот, поднимая с земли.

Они побежали, почти не скрываясь. И только когда вдогонку посыпались выстрелы, Орлов пригнулся и кинулся в сторону, прячась за папоротниками. Эрнесто хрустел ветками сзади.

- Ты видел, как я его? - задыхаясь, спросил кубинец. - Точно в ногу.

- Отличный выстрел, - ответил Орлов.

Он не кривил душой. Выстрел, хоть и не нанес ущерба противнику, сделал свое дело. За спиной слышались разгоряченные крики. Выстрелы прекратились, и стало ясно, что стрелки Клейтона бегут по следу.

Выбежав на поляну, Орлов обернулся и выстрелил.

- Зачем?! - возмутился Карденас. - Опять впустую тратишь!

- Чтоб не заблудились.

- Сюда! - негромко позвал их Кирилл, махнув шляпой из-за раздвоенного дерева.

Они бежали, путаясь в вязкой траве, а сзади уже послышался свист.

Не добежав до края поляны, Орлов нырнул вперед, как в воду, успев крикнуть Карденасу:

- Падай!

И тут же за спиной загремели близкие выстрелы, и земля глухо отозвалась на удары пуль. Орлов скользил по траве, слыша азартные крики преследователей, и молил только об одном - чтоб не получить пулю в зад. До леса оставались считанные шаги, вот уже он почувствовал прохладу и понял, что его накрыла тень деревьев. «Почему наши молчат? - подумал он, рывком выбрасываясь вперед. - Хотят подпустить поближе? Стреляйте, черти, они же нас сейчас догонят!»

- Пли! - зычно скомандовал кто-то.

Оглушительный треск заставил Орлова схватиться за уши. Еще залп! Он перекатился под дерево и обернулся, вскинув винтовку и выискивая цель.

Но над травой только слоился пороховой дым, и не было видно ни души.

- Отползают. Двое.

- Нет, трое.

- Погоди, у деревьев они встанут, вот тогда~

Голоса доносились словно сквозь вату. Хотелось прочистить уши, но он знал, что это

не поможет.

- Эрнесто! - позвал он вполголоса. - Живой?
- Что это было? - спросил кубинец, подползая ближе.
- Что, никогда не слышал залпового огня?
- Такого - нет, не слышал.

Снова ударили винтовки, на этот раз вразнобой.

- Ушли?
- Один упал, я точно видел.
- Собрать оружие! - Орлов с трудом узнал голос есаула Жигарева.

Сразу несколько человек принялись снова по поляне, наклоняясь над травой. Каждый раз, выпрямляясь, они закидывали за плечо винтовку, и еще одну, и еще. А другие задерживались подольше, увешивая себя патронташами.

- Я же говорил, у нас будет много патронов, - сказал Орлов Карденасу. - А ты не верил.
- Черт возьми, Джим! - Кубинец ожесточенно крутил мизинцем в ухе. - Я родился в лесу, в банде. Моими игрушками были гильзы. Я не знаю ничего, кроме войны. Но мы никогда не стреляли вот так, чтобы небеса раскололись над головой!

* * *

Они собрали не только оружие убитых врагов, но и собственные стреляные гильзы. И ушли, стараясь ступать след в след.

Преследователи не должны знать, сколько человек было в засаде. Они должны быть уверены в своем превосходстве. Желание отомстить за убитых товарищей будет гнать их вперед, по следу отступающих, презренных ублюдков.

По крайней мере, на это рассчитывал капитан Орлов.

Но пока он не замечал никаких признаков погони. Шагая последним в колонне, он часто останавливался и прислушивался. Его тревожила тишина.

- Мы оторвались слишком далеко, - сказал он Кириллу.
- Но след остается хороший. Не промахнутся. Или ты думаешь, они никуда не двинулись с места? Мы их перепугали?

- Плохо, если так.

- Знаешь, что говорит Петрович в таких случаях? Не зови беду, она и не придет. Не думай о плохом. - Кирилл посторонился, пропуская Орлова вперед по тропе, и пошел за ним. - Я знаю таких, как Клейтон. Если он не пойдет за нами, об этом рано или поздно узнают все. И его назовут трусом. И тогда ему придется убивать каждого, кто скажет такое по пьяному делу или нарочно. Клейтону проще угробить всю свою банду, чем прослыть трусом. Он сейчас, наверно, объявляет своим ребятам ценник на наши с тобой головы. И скоро они пойдут по нашему следу. Они сейчас только спорят, сразу нас убить или взять живьем~

Кирилл говорил спокойно, с усмешкой. Слушая его, капитан Орлов неожиданно вспомнил, что точно так же, со спокойной улыбкой, Боб Клейтон рассказывал о том, как погиб капитан злосчастного крейсера. Засады, погони, кровь, смерть - не повод для излишних волнений. Обычное дело.

- Откуда ты знаешь таких, как Клейтон? - спросил он.
- Да я сам был таким, - легко ответил Кирилл. - Слышал ведь такое слово, *ганфайтер*? Боец, стрелок, наемный убийца~ Не знаю, как перевести.
- Не надо переводить, - сказал Орлов. - Видел я ганфайтеров. Приходилось даже некоторым надевать наручники. А некоторых вычеркивал из розыскного списка. По причине смерти.

- Ты был полицейским?
- Какое-то время ходил с рейнджерами.
- Хорошо, что мы не встретились лет десять назад, - засмеялся Кирилл.

- Да, - сказал Орлов. - Хорошо. И жаль, что я тогда не встретился с Клейтоном.
- Кто знает. Может, тогда вы с ним оба носили жестяные звезды. И, может быть, оба гонялись за нами с Ильей, за «Потрошителями банков».

Орлов остановился, удивленно оглянувшись.

- «Потрошители банков»? Шайка иммигрантов? Про них в те годы печатались рассказы в воскресных приложениях. Но мне казалось, это выдумка.

- Ну, выдумки тоже было немало. Особенно насчет иммигрантов. Кроме нас, все ребята были местными. Кстати, рассказы-то писал я сам. Шутки ради. Значит, ты читал?

- Краем глаза. Просто для практики в жаргоне. Мне нравилось, как говорят персонажи.

- Да? - Кирилл крепко пожал ему руку. - Спасибо. Мне приходилось получать высокие оценки своих сочинений. Но твоя похвала выше всех.

* * *

У ручья колонна разделилась. Илья повел отряд по воде в сторону карьера. А Карденас с Луисом должны были прокладывать след дальше в горы.

- Встретимся в пещере, - сказал им Орлов. - Только не ввязывайтесь в перестрелку. Поводите их по горам и возвращайтесь.

Репортер огорченно разводил руками.

- Эрнесто, Луис, как бы я хотел пойти с вами! Но ходок из меня неважный. Но я так хотел бы вам помочь~

- Ничего, Панчо! - Карденас благодушно улыбнулся, похлопав Холдена по плечу. - Ты уже помог нам. Ты вернулся, ты нас не бросил. Теперь никто не может сказать, что вы, американцы, не считаете нас за людей.

Луис махнул своим мачете, перерубив лиану, и зашагал, углубляясь в лес. Карденас повесил винтовку за спину и похлопал по прикладу, подмигнув Орлову:

- Джим, ты присмотри за Панчо. А когда встретимся, посчитаем, на чьем прикладе будет больше зарубок!

Орлов поглядел им вслед. Тропу трудно было не заметить. А на воде не останется следов. Клейтон пойдет по тропе, а не по ручью. Да, только так. Иначе быть не может.

- О чем задумался? - спросил его Холден.

- Да так~ - Он зашлепал по воде, догоняя колонну. Репортер хромал рядом. - Скажи, Френсис, почему он назвал тебя Панчо?

- Ты должен бы знать такие вещи. Френсис соответствует испанскому Франсиско. А Франсиско в упрощенном виде - Панчо. Как Роберт и Боб. Ричард и Дик. Или, к примеру, Джеймс и Джим. Кстати, какое твое полное имя?

- Джеймс.

- А ребята, бежавшие из лагеря, называют тебя иначе. И говоришь ты с ними не по-английски.

- Ты очень наблюдателен, Панчо. А о чем говорил Карденас? Я не понял. Кто не считает кубинцев людьми?

- Каррамба! - Холден схватился за свисающую ветку, едва не свалившись. - Камень из-под ноги вывернулся! Все из-за тебя! Заморочил мне голову~ Ну, черт с тобой, хочешь секретничать - пожалуйста. А мне скрывать нечего. У меня на любой вопрос есть тысяча ответов. Про кубинцев я могу рассказывать долго и по-разному. Тебе как рассказать?

- Коротко.

- Кубинцы - потомки рабов, проституток и пиратов. Гордые испанцы считают их чем-то вроде мулов или дворняг. Просвещенные британцы не принимают местных на работу, и в порту у них есть свои причалы, с белыми докерами, ну, или с китайцами. Американцы тоже недалеко ушли. Их зазывали в экспедицию на Кубу, чтобы освободить страдающий народ от испанского гнета. Янки высадились тут~ О, Джеймс, ты бы видел это зрелище! Сорок

пароходов выстроились на траверзе Дайкири. Играют оркестры, белоснежные лодки подплывают к берегу - и brave освободители видят встречающих. А там - сплошные негры. Черномазые. «Так вот кого мы должны освобождать? Вот ради кого будем рисковать жизнью?» - подумали освободители. Кубинская армия, кстати, никого не звала на помощь. И справилась бы сама. Но раз уж американцы явились, кубинцы стали им помогать. Зачистили плацдарм. Испанцы не смогли помешать высадке, потому что «мамби» отогнали их подальше, за горы. Наладили снабжение. Но, видишь ли, Джеймс, моим соотечественникам не нужны черномазые союзники. И самые боеспособные части партизан превратились в носильщиков. Стали прислугой. А те, кому такое положение не нравилось, ушли в горы. Да только горы были уже не те, что раньше. Испанцы сформировали новые отряды волонтеров из тех ребят, что раньше охраняли сгоревшие плантации. А это - отчаянные ребята. Обозленные, опытные, и местность хорошо знают, и вооружены до зубов. В общем, волкодавы. Но они не бросились на интервентов, а стали добивать мелкие отряды, которые остались в горах. Вот и получилось, что те, кто не стал прислуживать американцам, были почти полностью истреблены испанцами. Или я это уже говорил?

- Я все понял, - сказал Орлов. - А теперь помолчим. И старайся не греметь сапогами. Видишь, впереди нас идут три десятка человек, и их не слышно. А мы с тобой грохочем, как слон в посудной лавке.

- «Мы с тобой», - иронично повторил Холден. - Какая нечеловеческая деликатность! Джим, я больше не спрашиваю твоего настоящего имени. Но могу я хотя бы узнать, откуда ты и твои друзья? Где воспитывают таких утонченных джентльменов? «Мы с тобой», надо же~

- Мы русские, - коротко ответил Орлов. - А теперь - молчок!

Ручей извивался между почти отвесными берегами, откуда крысиными хвостами выглядывали корни. По воде, мутной после ночного дождя, убегали, кружась, листья и ветки. «Нет, никаких следов не останется», - еще раз подумал Орлов, оглядываясь.

Он услышал выстрел. Затем еще три, и все разные по звучанию. Значит, из разных стволов.

Стреляли там, куда ушли Карденас и Луис.

Холден остановился. Он бледнел на глазах, испуганно глядя на Орлова.

- Не стоять! - Ему пришлось тряхнуть репортера за плечо. - Вперед, у нас мало времени!

- Ты~ Ты слышал?

- Вперед!

Они зашагали быстрее и уже через пару поворотов нагнали Кирилла.

- Где стреляли?

- На той стороне. У перевала, - ответил Орлов.

- Френсис, позволь~ - Кирилл взялся за ремень винтовки, висевшей на плече Холдена, и забрал карабин себе. - Так тебе будет удобнее, верно? Догоняй ребят.

- А вы?

- А мы чуть-чуть отстанем.

Репортер торопливо зашагал по воде и скоро скрылся за выступом берега. Но плеск его шагов был слышен еще долго.

Орлов первым взобрался по глинистому невысокому обрыву и подал руку Кириллу. Несколько минут они стояли, прислушиваясь.

Шелестел ручей, заливались птицы в листве. Никаких выстрелов.

- Клейтон не мог догнать их так быстро, - сказал Кирилл.

- Но он мог разбить отряд на несколько групп. Одна попалась нам. Возможно, другие уже дошли до перевала.

- Что предлагаешь?

- Не метаться. Идти, как шли.

- Я бы сходил к пещере. Посмотреть охота, как там~

- Не будем метаться, - повторил Орлов. - Сначала придем на место. Устроимся. Потом сходим, посмотрим.

Они догнали своих, когда те уже подходили к обрыву, за которым начинался карьер. На границе леса каждый останавливался, устало схватившись за дерево, и молча смотрел в сторону бухты.

Орлов знал, куда они смотрят. И понимал, о чем они думают. Он и сам, остановившись и переводя дух, глядел на далекие мачты парохода, почти без крена торчащие над срезом обрыва. «Захватить бы его», - подумал он.

Есаул Жигарев, казалось, не знал, что такое усталость. Он переходил от одного к другому и каждому указывал, где лечь и куда смотреть. Через пару минут Орлов увидел почти идеально построенную линию обороны. Стрелки расположились среди камней, над грядой, отделяющей этот выступ леса. Они лежали парами и тройками, готовясь отразить атаку со стороны перевала, и окапывались, сноровисто работая своими мачете.

- Получается, обогнали нас, в рот им дышло, - сказал есаул. - Стреляли, вроде, недолго. Три-четыре выстрела было?

- Четыре, - кивнул Орлов. - Винтовка, потом револьвер.

- Если не дураки, то пойдут по ручью. Встретим их тут. - Жигарев улыбался, топорща усы. - Патронов набрали, народец у нас тертый, сам черт не страшен.

- Пока время есть, водой запаситесь, - посоветовал Кирилл. - Чтобы, если что, под огнем не бегать к ручью. А мы отлучимся на пару часов.

- Куда собрались? - спросил, подходя, Илья. - Я с вами. Они снова перебрались через ручей и скоро вышли на тропу, которую пробили два дня назад. За это время смятые стебли успели распрямиться, и только обрубленные лианы напоминали о недавнем переходе. Однако идти по старой тропе было легче, чем продираться сквозь заросли.

- Плохо, - вдруг сказал Илья. - Если они увидели нашу тропу, могут выйти и на пещеру.

- Не болтай лишнего, - с неожиданной злостью огрызнулся Кирилл, прибавляя шаг.

Орлов чуть ли не на бег срывался, чтобы поспеть за ним. Он задыхался от усталости, в груди жгло, под ребрами колело, сапоги казались чугунными. Но он был готов бежать, лишь бы успеть.

Непонятно отчего, но и он, и Кирилл с Остерманом вдруг разом остановились, прислушались, а потом, не сговариваясь, бегом припустили по тропе, благо что здесь начинался пологий спуск.

- Ты слышал? - задыхаясь, спросил Илья.

Ни Орлов, ни Кирилл не ответили ему. Но через минуту сквозь топот и хруст, сквозь хриплое дыхание и шум в ушах они, все трое, снова отчетливо услышали выстрел.

Сомнений не оставалось - стреляли там, где была пещера.

22

Беренс стоял, небрежно опершись задом на пулеметную тумбу. Он долго раскуривал половинку сигары, прихваченную в гостеприимном доме Лукашевича. Митчелл что-то говорил о запасах угля, но Виктор Гаврилович не воспринимал его речь. Он прислушивался к выстрелам, что раздавались в лесу. Они то щелкали по одному, то вдруг сливались в нестройный залп. Странно, что стрельба все время велась из одного и того же места. Ответного огня не было слышно. Это было бы похоже на учебные стрельбы, если б он не знал, какие люди ушли в лес. Им уже ничему не надо было учиться. Они прекрасно умели и любили убивать. И сейчас, похоже, занимались излюбленным делом. Убивали кого-то.

Кого?

Он скосил глаз в сторону берега и увидел пороховой дым в просветах между деревьями.

Стреляли где-то возле пещеры.

- ~Нам едва хватит угля, чтобы самым малым ходом дойти до Съенфуэгоса, - говорил

Митчелл. - И то лишь при стечении благоприятных обстоятельств. Ветер, волнение, а также настроение портовых чиновников - все должно нам благоприятствовать. Иначе хоть снова на берег выбрасывайся. Теперь вы понимаете, почему я постоянно настаиваю на необходимости использования парусов?

- Да-да, понимаю, - рассеянно ответил Беренс, глядя на берег.

Из леса выбежал один из стрелков Клейтона. Он торопливо спускался к берегу через заросшие бурьяном огороды. Вот он остановился у воды, наклонился, чтобы ополоснуть разгоряченное лицо, и побежал дальше вдоль волны, взбивая сапогами пену и брызги.

- Заряд! - донесся до Беренса его крик. - Нам нужен мощный заряд! Мистер Клейтон приказал принести заряд!

Стармех перегнулся через леера и осведомился:

- А мистер Клейтон не просил принести ему пушку?

- Нет! Только заряд!

- Прекрасно. - Митчелл обернулся к Беренсу. - Сэр? Позвать старшего помощника? Он отвечает за боезапас.

«Они не справляются с нашими, - подумал Виктор Гаврилович. - Выкурить не могут. Или терпения не хватает. Решили подорвать пещеру взрывчаткой».

- Не понимаю такого отношения к делу, - проворчал он. - Как я могу использовать боезапас не по назначению? Вы ведете какой-то учет?

- Конечно, нет. С документацией на «Орионе» не все в порядке. Вы могли бы и сами об этом догадаться, глянув в наш судовой журнал.

- Признаться, я его еще не видел.

- Лучше и не видеть. - Митчелл с неприязнью следил за стрелком, который неловко взбирался по штормтрапу. - Впрочем, о каких документах можно спрашивать! Когда мы выходили из Тампы после ремонта, на борт погрузили едва ли половину всех необходимых формуляров. Ненужные бумаги, как сказал капитан Сноупс. На корабле нет ни штурмана, ни даже настоящего боцмана! Строго говоря, флотских здесь только двое - я и мичман Донован. Все остальные~ Простите, сэр, я не хотел бы вас задеть~

- Я с пятнадцати лет на военном флоте, - сказал Беренс.

- Тогда мне вдвойне стыдно перед вами за «Орион», - мрачно заключил старший механик. - Но что вы хотите? Ничего хорошего не может получиться, когда флотскими офицерами начинают командовать сухопутные бандиты.

- Морские бандиты - лучше?

- Я этого не сказал. Но плохой моряк лучше хорошей сухопутной крысы.

Стрелок тем временем уже гремел по палубе сапогами. Он вразвалочку подошел к Митчеллу, снял шляпу и вытер блестящий закопченный лоб рукавом, оставив на нем светлую полосу.

- Ну что? Как насчет заряда?

- Приятель, ты когда-нибудь видел заряд корабельного орудия? - спросил его стармех. - Умеешь с ним обращаться? Не разнесет тебя при первом же шаге?

- Это как? - Стрелок застыл с открытым ртом. - Как разнесет?

- На мелкие-мелкие кусочки. Прикинь, как весело рванут двадцать фунтов пороха~

- Тридцать фунтов, - поправил Беренс. - А то и тридцать пять. Ведь речь идет о заряде вот к этому орудью?

Он кивнул в сторону носовой пушки.

- Я~ Я не знаю, - пробормотал парень. - Сказать по правде, я думал, вы мне дадите динамитный заряд. Такой, как на стройке.

- Мы не на стройке, приятель, - сказал Митчелл. - Динамит понадобился? Что вы там затеяли взрывать?

Стрелок возбужденно замахал руками:

- Там такое! Мы их зажали! Идем, смотрим - нора в скале! Вот такая, чуть выше колена, думаем, что такое? А Боб, мистер Клейтон, он осмотрелся, да и говорит - пещера! И

там прячутся черномазые! Как мы начали по ним палить! А они - в ответ! Мы и так, и так, столько патронов пожгли, а они все упираются! Вот тут Боб, мистер Клейтон, мне и говорит: «Дуй на посудину, возьми заряд, да покрупнее. Рванем этих черномазых крыс прямо в их норе!»

С мостика в разговор вмешался старший помощник:

- Если мистер Клейтон о чем-то просит, лучше ему не отказывать. Идем, я выдам тебе заряд. Только поклянись, что ты не попытаешься закурить возле него.

Он спустился с мостика и направился к люку носового трюма.

- Но позвольте, - сказал Беренс. - Я все же не могу понять. Какой смысл? Они же не смогут произвести выстрел~

- Сэр, Боб Клейтон проделывал это много раз, - сказал старший помощник, сдвигая крышку люка. - А сейчас, сэр, я попрошу вас загасить сигару. Поскольку тут у нас пороховой склад. Эй, приятель, давай сюда, подберем для черномазых подходящую хлопушку.

Стрелок положил карабин на палубу и опасливо заглянул в черноту проема, куда уже спустился по трапу старший помощник.

- Пороховой склад! - презрительно передразнил Митчелл.

- Кстати, когда вы в последний раз осматривали крьюйт-камеру?¹⁴ - спросил у него Беренс.

- Старпом говорил, что вроде бы там все в порядке.

- На его сухопутный взгляд, возможно, так оно и есть~ - Виктор Гаврилович выразительно посмотрел на старшего механика.

Тот досадливо рякнул и тоже стал спускаться в крьюйт-камеру.

Беренс подошел к люку и присел над ним. Он посмотрел на розовую потную лысину Митчелла и подумал: «Хороший моряк, дисциплинированный офицер. И связался с такой сволочью~»

- Особенно внимательно осмотрите под стеллажами, - сказал он.

- Да уж постараюсь, - проворчал в ответ Митчелл. Старший помощник тоже что-то сказал, но Беренс его уже не расслышал, потому что задвинул крышку люка и опустил засов.

Он поднял с палубы карабин стрелка и огляделся. На палубе никого не было. Матросы скребли борт. Двое вахтенных офицеров спали в своей каюте. Мичман Донован возился в шкиперской. «Они безоружны, - подумал Беренс. - Их-то я уговорю. Вот с нашими будет труднее договориться».

И снова выстрелы на берегу больно отозвались в нем.

Однако на этот раз они звучали как-то иначе.

* * *

Еще недавно перед пещерой рос небольшой куст. Сейчас от него остались только пеньки срубленных веток. Песок был усеян листвой и осколками песчаника, отбитыми пулями от скалы.

Огонь велся, казалось, отовсюду. Чуть ли не из-за каждого дерева вылетали струи дыма. За его сизой стеной не было видно стрелявших. Но Остерман, наверно, кого-то разглядел. Оттолкнув Орлова, он вырвался вперед и, размахивая револьвером, закричал по-русски:

- Ах, суки! Босяки драные!

Орлов хотел удержать Илью, но вдруг его самого схватил за руку Кирилл.

- Оттуда заходи! - негромко приказал он, подтолкнув влево.

А сам, пригнувшись, кинулся вправо.

¹⁴ *Крьюйт-камера* - помещение, где хранятся снаряды и заряды к орудиям.

Ветки хлестали по лицу, сбив шляпу. Он и не заметил, как вместо карабина в руке оказался револьвер. И вдруг увидел сразу троих. Стоя спиной к нему, они вскидывали винтовки и азартно перекрикивались.

Орлов опустился на колени и, аккуратно целясь, уложил одного, второго, третьего. Они не могли услышать его выстрелов в грохоте боя. Он бил в самую середину спины, чтобы попасть в позвоночник. Такое ранение не всегда убивает, но моментально выводит противника из строя.

Он отпрыгнул в сторону и затаился за деревом, выискивая новую цель. Но никого не видел. Впрочем, и стрельба вдруг прекратилась. Кто-то вопил от боли, взхлеб, срываясь на визг. Орлов заметил резкое движение между деревьями и навел туда кольт. «А если там Кирилл?» - подумал он. И убрал палец со спускового крючка.

Из-за дерева показался ствол винтовки.

Орлов чуть сместился в сторону, продолжая целиться. Увидев кисть, на которую опиралось цевье винтовки, а потом и рукав незнакомой клетчатой рубахи, он понял: «Чужой!» - и выстрелил.

Противник вскрикнул. Винтовка упала под дерево. Качнулись и снова сомкнулись ветки кустов, пряча за собой стрелка. Убегая, он продолжал вскрикивать от боли. Но Орлов не стрелял вдогонку.

Вой раненого, лежащего на поляне, стал невыносимо громким. Снова загремели выстрелы, уже из глубины леса, ниже по склону. Противник отступил. Орлов перебежал к убитым, поднял с земли карабин и стал бить из него туда, где над кустами взвивался дым.

- Отходят! - крикнул ему Кирилл откуда-то сбоку. - Придержи их, если снова полезут!

- Кто там орет?

Орлов чуть не продолжил: «Добей!» Но из пересохшего горла только вырвался хрип.

- Да Илюху зацепило, - с досадой ответил Кирилл. - Ты держи их, я наших вытащу. Ау-у, Петрович, отзовись!

Оглянувшись на миг, Орлов увидел Илью. Тот катался в песке, схватившись за колено, и завывал, все тише и тише.

Между деревьями мелькали тени, и он стрелял по ним, не надеясь попасть. Лишь бы удержать их на месте, а еще лучше - отогнать бы~ Впустую щелкнул боек, и он отбросил разряженную винтовку, и сразу поднял другую, выдернув ее из-под убитого. Это оказался винчестер, легкий, почти невесомый после тяжелого и мощного «маузера». Но гремел он так же убедительно, и Орлов по себе знал, как впечатляют его пули, шумно пролетая рядом с головой.

- Ну что там у вас? - крикнул он, не оборачиваясь.

- Да плохо, - едва слышно отозвался из пещеры Кирилл.

«Плохо. Все плохо, - думал Орлов, на ощупь вытаскивая патроны из чужого патронташа, чтобы подзарядить винчестер. - Я плохо рассчитал. Я придумал плохой план. Все плохо».

Остерман, севшим голосом ругаясь и по-русски, и по-испански, подобрался к нему на четвереньках, как подбитый пес, волоча ногу и оставляя за собой кровавый петлистый след. Он принялся стаскивать с убитых оружейные пояса и набивать патронами магазин разряженного маузера.

- Куда тебя? - спросил Орлов, отдавая ему пустой винчестер.

- А то не видно!

- Кость задело?

- Отстань! Тебе больше нечем заняться, что ли?

Орлову было кем заняться, и он ими занялся, и по ответному огню понял, что они отступают все дальше и дальше. «Отступают к берегу, - подумал он, - к пароходу. Получат подкрепление и вернутся. Нам тут нельзя задерживаться».

- Идти-то сможешь? - спросил он.

- Куда? Некуда идти, Паша! Пусть они, суки, сами сюда придут, а я их встречу~ Ох,

мать твою~ Встречу, Паша! - Остерман сел, привалившись спиной к дереву, и поднял винтовку к плечу. - Ни черта не вижу~ Куда стрелять-то?

Его лицо, мокрое от слез, было покрыто песчаными корками. Орлов снял флягу с пояса, плеснул на ладонь и протер ему глаза.

- Отстань! - заорал на него Илья. - Иди Кире помоги!

Орлов побежал к пещере. Кирилл выглянул оттуда, выбираясь боком:

- Принимай груз!

Груз состоял из пары холщовых сумок. Затем из низкого прохода, кряхтя, выполз Лука Петрович. Кровь блестела на его лысине. Рубашка на плече была тоже окровавлена. Старик, пошатываясь, встал на ноги и огляделся:

- Илюшка-то где? Сильно ему досталось?

- В ногу.

- А крику-то, крику~ - Петрович ушел к Остерману, откашливаясь и сплевывая кровавые сгустки.

Кирилл подал Орлову мешок с продуктами, а потом выбрался сам. Следом вылез один из братьев Акимовых. Его лицо было черным от пороховой гари.

- Все, уходим! - Кирилл закинул мешок за спину. - Живей, живей! Илюха, Петрович! Пошли! Илюха!

- Он не сможет идти, - сказал Орлов.

Акимов молча развернулся и побежал к Илье. Через минуту он появился из-за деревьев с Остерманом на руках. Следом семенил Петрович, волоча по траве сразу несколько патронташей.

- Куда идти-то? - спросил боцман.

- К нашим, - ответил Кирилл. - Тут недалеко.

- К нашим? Нашлись казаки, стало быть.

- Павел Григорьевич, последним пойдешь, - сказал Кирилл. - Спину нам прикроешь.

«А Макарушка? А еще двое Акимовых где?» - хотел спросить Орлов. Но не спросил.

«Может быть, они куда-то ушли?» - подумал он, оглянувшись на пещеру.

- Оставим их здесь, - сказал Петрович и перекрестился. - Пособите, ребяташки!

Втроем они смогли подкатить к пещере огромный замшелый валун. Завалили им вход. Присыпали песком и ветками. Замерли на секунду, прощаясь.

- Вечная память, - проговорил старик. - Бог даст, вернемся. Тогда и похороним по-человечески.

- Ходу, ходу! - Кирилл подхватил Илью с одного боку, Акимов с другого, и они чуть не бегом ринулись в лес.

Орлов подождал, когда они уйдут по тропе. Постоял, прислушиваясь. Где-то поблизости хрипел один из раненых бандитов.

Он нашел свой карабин среди валявшегося повсюду оружия. С винчестером расставаться было жалко. Но, говорят, его пули рикошетят от веток. А пуля маузера прощьет даже ствол дерева. Да, в лесу лучше пользоваться армейской винтовкой~

Капитан Орлов бросил последний взгляд на валун, за которым остались лежать те, к кому он спешил на помощь. Спешил, но опоздал.

* * *

И снова он тешил себя надеждой, что противник кинется за ним в погоню. Пусть не сразу, минут через десять. Этого времени хватит, чтобы оторваться. Клейтон легко найдет их по кровавому следу. И догонит как раз тогда, когда они будут готовы его встретить. Он думает, их - горстка. А наткнется на залп. На три десятка стволов. И все будет кончено.

«Все будет кончено? Если бы так~» - подумал он. И вспомнил, что точно так же ответил ему Кирилл после утренней разведки.

Все будет кончено только после смерти. Пока жив, одна беда сменяет другую, и так - без конца. Да, бывают и радости. Бывают и минуты счастья. Дожить бы до них~

Он останавливался, выжидал, а потом снова догонял своих. Это было нетрудно, потому что они шли все медленнее и медленнее. На листве под ногами ярко блестели кровавые кляксы. Илью перевязали, но кровь сочилась сквозь тряпку. Акимов с Кириллом несли его на самодельных носилках из двух тонких стволов и пары кителей. Петрович шагал первым, отмахиваясь от комаров длинной веткой папоротника.

«Как бы нас не догнали раньше срока», - подумал Орлов, в очередной раз остановившись на тропе. Ему хотелось поторопить старого боцмана. Но даже если тот пойдет быстрее, их все равно будет сдерживать раненый. Так что придется набраться терпения~

Не доходя ручья, они остановились. Опустив носилки, Кирилл шепотом приказал Орлову:

- Сходи посмотри.

Он не стал спускаться к воде, а, прячась за кустами, пробрался по берегу выше по течению. В лесу было тихо. Переливисто журчали струи ручья, по-прежнему мутные. Перестукивались ветки в высоте под порывами ветра.

Тишина показалась Орлову необычной. Он замер на месте, пытаясь понять - что его тревожит? И вдруг понял, что не слышно птиц.

Птицы молчали. И вода в ручье~ Почему она оставалась мутной так долго? Не потому ли, что выше по течению кто-то шел по ручью? И шел не один~

Через бесконечно долгие секунды он услышал плеск воды и повизгивание камней под сапогами тех, кто спускался по ручью.

Орлов бесшумно метнулся назад.

Кириллу не надо было ничего объяснять. Увидев Орлова, он принялся укрывать срезанными ветками носилки с Ильей. Акимов, подчиняясь его жесту, отполз в одну сторону, Петрович - в другую.

- Не успели мы, - только и сказал Кирилл, когда Орлов лег на землю рядом с ним.

Они держали револьверы наготове, спрятавшись за корягой.

- Пройдут по ручью до берега, - шепнул Орлов. - Там развернутся в цепь. И обратно. Начнут прочесывать лес.

- Если раньше никого не найдут.

- То-то за нами никто не гонится. У них, выходит, своя тактика. Но откуда такие силы? Непонятно~

Он с трудом заставил себя замолчать. Ему хотелось объяснить Кириллу, в чем состоял его просчет. Хотелось оправдываться. Хотелось услышать хоть одно слово поддержки. Но Кирилл молчал, и Орлову тоже пришлось замолчать, потому что сейчас даже лишний раз шевельнуться было страшно.

Со стороны ручья вдруг послышалась невнятная речь. Говорили по-испански.

- Может, Эрнесто нашел своих? - прошептал Орлов.

- Своих он давно похоронил, - ответил Кирилл.

Голосов становилось все больше. Вот послышалась четкая армейская команда: «Капрал, вперед!»

По удаляющимся звукам было ясно, что солдаты - а это, несомненно, были испанские солдаты - двинулись куда-то на другом берегу ручья.

Через несколько минут послышались выстрелы. Илья зашевелился на носилках под ветками.

- Тихо, тихо. - Кирилл положил руку ему на плечо.

- Кто стреляет?

- Наши, наши. Лежи, все хорошо.

Вслушиваясь в перестрелку, Орлов спросил:

- Петрович посмотрел рану?
- Само собой, уже и зелье свое приложил. Сквозное там.
- Хорошо.
- Крови много потерял. Но Петрович его на ноги поставит.

Выстрелы стихли. «Отбились, - подумал Орлов. - Или~ Нет, конечно, отбились. Жигарева так просто не возьмешь».

- Дед говорит, Макарушка уже в себя пришел, когда *эти* появились, - сказал Кирилл. - А ведь у него потяжелее была рана. В живот. И пуля засела где-то. С такими ранами не выживают. Но Петрович бы его поднял. Если б еще недельку полечить. Он и не таких поднимал. А тут~

- Как получилось-то?

- Не знаю. Подкралась, начали стрелять внутрь. Ванька телами братьев прикрывался, отвечал. Там вся пещера кровью залита. - Кирилл помотал головой. - Все, не надо об этом. Как подумаю, что они там лежать остались~ Нам теперь нельзя погибнуть. Не имеем права. Обязаны домой вернуться, рассказать.

«Ванька? Значит, так зовут одного из братьев, - подумал Орлов. - А про остальных я, наверно, и не узнаю больше ничего. Кроме того, что они были хорошими моряками».

Хруст шагов заставил его напрячься. Кто-то торопливо шагнул прямо на них, ломаясь через подлесок.

Орлов переглянулся с Кириллом, и тот показал ему один палец. «Да, там идет один, - жестами ответил ему Орлов, - и я его возьму».

Он убрал кольт в кобуру, отползая в сторону. Увидел за ветвями силуэт, изготовился к броску. И как только человек прошел мимо него, накинулся на него сзади. Удушающий захват, подножка. Перевернувшись в падении, Орлов придавил его к земле. Тут же появился Кирилл, приставив ствол револьвера к носу пленника:

- Тихо, амиго! Хватит на сегодня крови, верно?
- Я молчу! - прохрипел солдат.

Он был в голубом кителе с черными обшлагами. Белая шляпа отлетела при падении. Орлов снял с него тяжелый пояс с подсумками и тесаком. Оторвал помочи от брюк и выдернул их, чтобы связать руки.

- Подождите, сеньоры, - недовольно заговорил солдат, когда Кирилл рывком поднял его на ноги. - Что вы делаете? Вы из компании сеньора Коэна?

- Нет. Мы из компании сеньора Карденаса, - сказал Орлов.

И тут же пожалел об этом. У солдата подкосились ноги, и им с Кириллом пришлось его подхватить. Лицо испанца стало серым, как грязный воротник его мундира. Зубы застучали, а резкий запах мочи, хлынувший от штанов солдата, доказывал непритворность этого ужаса.

- Это не я~ - только и смог выговорить бедняга под стук зубов. - Карденаса убил сеньор капитан~ Мы даже и не видели ничего~ Только тело~ Карденас шел с негром~ Того тоже убил сеньор капитан~ Но я был далеко~ Я ничего не видел~

Орлов встряхнул его и легонько хлестнул по щеке, чтобы привести парня в чувство.

- Отвечай быстро и точно! Сколько вас?

- Два взвода, - быстро, без запинки, стал докладывать солдат. - Я был с первым взводом. А второй остался вон там. А еще подойдет третий. Нам приказано окружить беглых рабов. Ну, тех, кто убежал с плантаций. Они здесь, мы их нашли.

- Окружить? А потом?

- Приказано окружить. У них мало оружия, и почти нет патронов. Когда кончатся патроны, они сдадутся. Мы их приведем обратно на плантации. Ну, тех, кто останется в живых. Но мы не ловили Эрнесто! Нас послал сеньор Коэн! Он телефонирует в гарнизон, и генерал поднял нас по тревоге! Мы ловили беглых рабов, и все! А Карденас сам наткнулся на нас, сам, сеньоры!

- Куда ты шел?

- За вами! Ай, нет, простите, сеньоры! Я шел за работниками сеньора Коэна! Они там,

на берегу, мне приказано позвать их! Чтобы окружить беглых! Но я не стрелял! Пожалуйста, сеньоры, осмотрите мою винтовку, я не стрелял из нее!

Кирилл положил руку на плечо Орлову:

- Паша, не трать время. Уходим.

- Куда?

- Выбирать не приходится. Уходим к нашим.

* * *

Прежде чем запереть Донована в шкиперской, Беренс нашел на камбузе флягу с вином. Он захватил ее для мичмана.

- К сожалению, не сообразил, в чем можно принести вам воды, - сказал Виктор Гаврилович. - Но полагаю, что вас выпустят отсюда раньше, чем вы начнете страдать от жажды.

- Не стоит беспокоиться, сэр. - Донован глянул на ствол винтовки, торчавший за плечом Беренса. - Я могу быть вам полезен?

- Вы окажете мне огромную услугу, если не станете приближаться к иллюминатору, услышав стрельбу.

- Понял вас, сэр.

Мичман отступил за висащие на переборках робы и клеенчатые плащи, и Беренс, захлопнув стальную дверь, повернул в замке ключ.

Теперь он остался один на палубе. Матросы и кочегары все еще скребли борта. Стрелки Клейтона больше не показывались из леса, где продолжали звучать выстрелы.

Он торопился. Надо было приготовить все пять пулеметов - по два на каждом борту и один перед мостиком. Заправить ленты (он запомнил, как это делал Митчелл), закрепить ствол по вертикальной оси, чтобы пули не уходили слишком далеко - тут пришлось повозиться, разбираясь в работе настроечных маховиков. Не мешало бы дать пристрелочную очередь, но Беренс понимал - это непозволительная роскошь. Он на глазок навел все пулеметы так, чтобы основная полоса поражения легла вдоль пляжа, от причала до зарослей на другом краю бухты.

Поглядывая на берег, он освободил стопор одной из бортовых пушек. Управляться с ней было нетрудно. К тому же снаряды лежали рядом, в ящиках. «Придется быть и наводчиком, и заряжающим, и командиром, - подумал Беренс, открывая для пробы оружейный замок. - Един в трех лицах».

- Пострелять собрались, ваше благородие? - раздался голос Лонового.

Старшина смотрел на него снизу, стоя по колено в воде. Беренс покрутил маховик горизонтальной наводки, и ствол послушно двинулся сначала в одну сторону, потом в другую. Лоновой стряхнул со скребка прилипшую прядь водорослей и завистливо протянул:

- Эх, мне бы хоть краем глаза на родной крейсер посмотреть. Красавица наша, «Азия», не чета этой коробке.

- Поднимитесь сюда, - сказал ему Беренс. - Есть тут среди наших комендоры или хоть кто-нибудь из боевой части?

Лоновой и не подумал сдвинуться с места, только бороду почесал.

- Я, ваше благородие, только за себя говорить могу. А другие, кто чем похвалялся, так народ, сами знаете, какой~ Верить-то никому нельзя, особенно по нынешним временам~ Но за Оконечникова Семена могу поручиться. Пока на берег не списали, числился на «Екатерине» в расчете башенного орудия. Да только кто ж нам доверит к пушкам-то приблизиться?

- Ну, старшина, я же ведь приблизился. Захватите с собой Оконечникова. И - живо ко мне!

Лоновой застыл, разинув рот. И только когда Беренс покрыл его матом в три загиба,

матрос отбросил скребок и стремглав кинулся куда-то. Через минуту он появился на палубе вместе с Оконечниковым и еще двумя матросами:

- Так что, разрешите доложить, кого просили, того и привел, в лучшем виде, можно сказать!

Беренс смотрел им в глаза. Под его взглядом бывшие матросы вытягивались и застывали, выпятив грудь и молодцевато задирая бороды. «Что за дикая картина. Бородатые матросы, - подумал он. - Войско Степана Разина. Пираты, а не моряки».

- Мне нужна ваша помощь. Для начала попрошу вас троих встать к пулеметам. Ничего не трогать! Только стоять и смотреть на меня. Лоновой, вы - со мной.

Вдвоем они подошли к двери офицерской каюты, из-за которой доносились приглушенные крики вахтенных помощников. Беренс отдал карабин Лоновому:

- Возьмешь, братец, их на мушку, чтоб утихомирились.

Матрос держал винтовку на отлете, боязливо. Виктор Гаврилович с трудом заставил его зажать приклад под мышкой и правильно взяться за цевье.

- А если что~

- Не вздумай стрелять! - предупредил его Беренс, не сказав, впрочем, что он вынул из карабина патроны. На всякий случай.

Он вставил ключ и отпер дверь. Офицеры перестали кричать в иллюминатор и повернулись к нему с красными от возмущения лицами. Однако тут же успокоились и, отступив, прижались к переборке каюты.

- Джентльмены! Прощу прощения, что ненадолго лишил вас свободы. Сейчас мы исправим положение. - Он видел, что они смотрят не на него, а на матроса с винтовкой, и это его порадовало. - Итак, вы свободны. Вы немедленно покидаете «Орион». Вы отправляетесь на ближайший пост охраны. И там по телефонной линии связываетесь с мистером Коэном. Вам все понятно?

- Д-да, - заикаясь, ответил один. А второй только вытирал взмокшее лицо рукавом и кивал.

Беренс продолжал говорить учтиво и сухо, без лишних эмоций. Лоновой, не знавший английского, мог бы подумать, что речь идет о чем-то обыденном. Да, он мог бы так подумать, если б не держал винтовку в руках~

- Вы свяжетесь с мистером Коэном и передадите ему на словах следующее сообщение. Запоминайте. Он должен немедленно отпустить с плантаций всех русских работников. Немедленно, запомнили? Если до вечера они не появятся здесь, в бухте, то корабль выйдет в море, и вся артиллерия «Ориона» подвергнет обстрелу усадьбу мистера Коэна. А также нанесет удар зажигательными снарядами по его плантациям и заводам. Надеюсь, вы сможете ему объяснить: для меня не составит труда это сделать. Сможете?

- Сможем, сможем, сэр!

- Итак. Как только русские работники придут к бухте, я отпущу на свободу остальных членов команды. Прошу вас не медлить, джентльмены.

Выбравшись из каюты, они поглядели на бородачей возле пулеметов и, не мешкая, кинулись к трапу. А затем, словно наперегонки, припустили по пляжу в сторону карьера.

- Ну, ваше благородие, - протянул Лоновой восхищенно. - Ну, вы и кашу заварили. Чем это вы их так напугали?

- Они не меня, они тебя испугались, черта бородатого, - сказал Беренс, забирая у матроса карабин.

Виктор Гаврилович поднялся на мостик, Лоновой в два прыжка взлетел по трапу за ним.

- Какие еще будут ваши приказания?

- Приказания? - Беренс встал к пулемету и отвернул крышку на кожухе, проверяя, есть ли вода. Вода была. И лента заправлена. Оставалось дожидаться противника и поднять предохранитель~ - Приказания мои будут такие. Работы по чистке прекратить. Инструмент собрать. Будем заводить трос от кормовой лебедки до причальных свай.

- Трос заводить? А пупок не надорвем? - Лоновой почесал затылок. - Далековато, ваше благородие. А без троса не снимемся? Коновалов говорит, сидел он вот так же, как мы, на мели~

- Коновалов? - Беренс обрадовался. - Я не знал, что он здесь. Немедленно его сюда!

- Слушаюсь, ваш-бл-родь! - Лоновой дурашливо козырнул и слетел с мостика.

Десятник Коновалов был одним из самых надежных людей на стройке. Толковый, подтянутый, требовательный и чистоплотный. Поговаривали, что порядок он поддерживал не только строгим взглядом или веским словом, и порой кое-то из его строителей щеголял поутру оплывшим ухом. Но Коновалову многое можно было простить. В его артели даже лихорадка не так свирепствовала, как в других бараках, - словно боялась заглядывать в его владения.

Беренс никогда не интересовался, по какой причине тот или иной строитель лишился свободы. Для него все они были не каторжники, а товарищи по общему делу. Но вот как раз про Коновалова он знал, что тот убил матроса, когда был боцманом. И сейчас это вдруг всплыло в памяти. «Боцман - вот кто мне нужен! - подумал Виктор Гаврилович. - Да только согласится ли он? Пойдет ли он за мной?»

С той самой секунды, когда он захлопнул люк крюйт-камеры, Беренс действовал, словно по давно задуманному плану. Хотя на самом деле никакого плана не было. Просто одно действие неизбежно требовало другого. Сев в лодку, надо оттолкнуться от берега. Оттолкнувшись, надо грести. Дистанция в тысячу миль состоит не из миль, а из гребков. Один гребок веслами, второй, а потом - последний, и лодка приткнется к причалу. Все очень просто. Надо только делать один гребок за другим и не заглядывать за горизонт.

Часть третья

23

Неспешно пробираясь по кем-то пробитой тропе, Боб Клейтон сначала замечал кровавые следы, затем они пропали. Здесь двое несли раненого, а вот здесь его перевязали. Срубили пару тонких деревьев - наверно, сделали носилки. Дальше уже не было никаких следов. Шли аккуратно. Даже не понять, сколько их было. Возможно, в другое время Клейтон не рискнул бы идти по чужой тропе. Тем более, по тропе, оставленной многочисленными и опытными противниками. Такие ребята вполне могли подстраховаться и оставить на тропе засаду, чтобы прикрыть спину. И если бы он пытался их настичь, то пустил бы погоню двумя группами, охватывая противника с флангов. Но сейчас у него не было двух групп, да и не думал он о погоне. О другом надо было думать~

Клейтон внимательно прислушивался к перестрелке. Он различал звуки одних и тех же винтовок. То были маузеры. Складывалось впечатление, что стреляют только испанцы, прочесывавшие лес. Никто не отвечал им из револьверов или дробовиков, как обычно бывало, когда солдаты зажимали в кольцо банду «мамби». Нет, там, впереди, шел бой равных противников. Потому-то Боб Клейтон и не торопился. Он никогда не ввязывался в чужую драку.

Клейтон провел детство в горах Вайоминга, где все занимались овцеводством. Дед его пас баранов, и отец его пас баранов, и Бобу тоже пришлось бы стать пастухом, если б он вовремя не смекнул, что в жизни есть и более интересные занятия. Однажды зимним вечером в их дом напросились переночевать двое заплутавших путников. Наутро они попросили отца дать им проводника до станции, и отец, получив с них доллар, послал с чужаками Боба, младшего сына. До станции было почти двадцать миль, туда-то он добрался на чужой лошади, сидя за спиной всадника и подсказывая дорогу. А обратно предстояло топтать пешком. В метель. По горам. Бобу тогда было четырнадцать лет. Наверно, у него наступил тот самый возраст, когда гудки паровозов заставляют сердце биться сильнее обычного. Особенно если в этом сердце накопились обиды на отца и братьев. И Боб решил

не возвращаться. Вместо того чтобы мерзнуть на горной тропе, он забрался в уходящий вагон с бычками. И уехал куда-то еще дальше на запад.

А потом - обычная история. В Юте за кражу лошади он получил год тюрьмы. За решеткой люди сходятся накрепко или не сходятся никак. Он сдружился с ребятами из Колорадо и, выйдя на свободу чуть раньше них, несколько месяцев околичивался возле тюрьмы, чтобы дожидаться освобождения друзей. Они служили стрелками у «мясных баронов», а за решетку попали из-за того, что в этот раз их хозяевам не удалось отмазать ребят от суда. Стрелять-то приходилось часто, и стрелять приходилось первыми, и обычно судья соглашался, что это была самооборона. Но раз на раз не приходится~

Бобу Клейтону везло с самого начала. Его, малолетку, приняли в команду опытных стрелков. Приняли сразу, не отправив для проверки на ранчо, коровам хвосты крутить - да он бы и не задержался там, удрал бы куда-нибудь еще. Нет, главарь быстро раскусил мальчишку, который бежал из дома не для того, чтобы стать ковбоем. И прислуживать в хозяйском доме он тоже не останется, хотя о такой жизни многие могли только мечтать. Многие, только не он. Его глаза загорелись, когда он увидел оружейные шкафы, целый лес винтовочных стволов, гирлянды патронташей. Он несколько дней не вылезал из арсенала, самозабвенно начищая старые винчестеры, которые давно валялись в углу. Это было трофейное оружие, и ему пришлось долго выводить кровавые пятна, въевшиеся в приклады. Но Боб Клейтон не боялся крови. Он боялся только одного - что его не возьмут на дело.

Но его взяли, и в первом же налете на ферму упрямого ирландца Боб с перепугу застрелил батрака, который опрометчиво замахнулся на него вилами. Сам же ирландец остался жив только потому, что застыл на месте. Через день на ферме не было ни души - работники разбежались, семья подалась в Оклахому, а земля досталась хозяину Клейтона.

Боб ожидал, что его посадят за убийство, но ничуть не боялся этого. «Подумаешь, тюрьма! За батрака не повесят. Отсижу и вернусь», - думал он. Но его не посадили. Правда, главарь заставил его целыми днями упражняться в стрельбе. Боб сжег, наверно, ящик патронов, прежде чем научился без промаха бить из кольта и винчестера. И с тех пор уже никого не убивал случайно, как того батрака.

А убивать приходилось часто. Долины на стыке Вайоминга, Колорадо и Юты были ареной непрерывных боев. Огромные стада порой меняли владельцев несколько раз за месяц. Ковбои, завидев налетчиков, разбегались по прерии, как испуганные воробьи. А через день-другой по следу угнанного стада шла команда Клейтона. Шла тайно, не торопясь. Настигнув угонщиков, устраивала засаду. Перебив всех, возвращалась. А стадом уже занимались ковбои, которые следовали за ними на дистанции суточного перехода.

Бобу нравилось это занятие, хотя платили стрелкам столько же, сколько простым ковбоям. Ему было все равно, сколько ему платят. Коня дали, патронов - море, что еще нужно? К еде и выпивке он был равнодушен и никогда не брал трофеев. По крайней мере, поначалу.

Это уже потом, повзрослев, он стал не таким разборчивым. И когда приходилось кого-то спровадить на тот свет, то Боб не гнушался забирать себе коня или оружие убитого. В конце концов, если бы противник оказался более удачливым, то точно так же стянул бы с Боба сапоги, пока тот не окоченел. И в этом не было ничего дурного. Больше того, Клейтон даже никогда не испытывал ненависти или хотя бы злобы к тем, в кого приходилось стрелять. Ведь они были одной с ним породы - волчьей.

Люди, как думал тогда Боб Клейтон, делились на две породы. На волков и баранов. Баран живет, не поднимая головы. Он не видит ничего, кроме травы и собственного дерьма. Он идет туда, куда погонят. И безропотно отдает свою шерсть. Или так же безропотно подставляет горло под нож.

А волки сами ищут свой путь. И делают только то, что хотят.

Примерно так рассуждал Клейтон в молодости. Прошли годы, прежде чем он смог расширить свое представление о человеческом роде. Оказалось, кроме волков с баранами есть еще и племя свиней.

Свиньи владеют этим миром. Вся земля принадлежит им. И даже вольные гордые волки подчиняются свиньям, превращаясь в цепных псов.

Сам-то Клейтон себя по-прежнему считал волком. А вот испанцы для него были как собаки. Впрочем, надо отдать им должное, то были отличные собаки. Гончие, или какие там еще? Борзые? В общем, нормальные охотничьи собаки.

Капитан Солано глядел на Клейтона неприязненно, словно угадав его мысли.

- Где ваши люди? - отрывисто спросил он, не тратя времени на приветствия.

- Отдыхают, - ответил Клейтон.

- Мои солдаты тоже устали. Но я не собираюсь ждать здесь до утра.

- Кто заставляет вас ждать? - Клейтон пожал плечами. - У вас своя работа, у меня - своя. Кого вы ловите на этот раз?

Капитан Солано глянул на него озадаченно:

- Мой посыльный должен был все вам рассказать. Кстати, где он?

- Какой еще посыльный?

- Гомес. Я послал его к вам.

- Не было никакого Гомеса. Я просто услышал пальбу и решил посмотреть, кто тут воюет. - Клейтон, не дожидаясь приглашения, сел рядом с капитаном под натянутый между деревьями плащ, потому что снова пошел дождь. Он раскурил огрызок сигары и повторил: - Не было никакого Гомеса. Так с кем война, Хавьер?

- С вашими ублюдками, Роберто. Русские бежали с плантаций. Не знаю, как они справились с охраной. Но мистер Коэн очень встревожен.

- Много их?

- Не прикидывайтесь простаком. По стрельбе могли бы и сами понять, что их много, и они вооружены. Такого бунта давно не было.

- Давно, - согласился Клейтон. - Я даже припомнить не могу, когда такое случалось, чтобы рабы убегали, прихватив оружие. Не было такого.

- Мистер Коэн просил сохранить как можно больше живых, - сказал капитан Солано. - Придется ждать, пока у них не кончатся патроны. Мы прижали их к обрыву. Им некуда деваться. Будем ждать. Но не слишком долго. Мои солдаты устали. Было бы разумно, если бы ваши люди тоже подошли сюда.

- Да, это разумно. Пожалуй, мы так и сделаем. Можете уводить солдат. Я сам пригоню ублюдков обратно на плантацию.

Капитан Солано улыбнулся:

- С моей стороны было бы ужасно невежливо переложить на ваши плечи работу, которую мистер Коэн поручил лично мне.

«Да, - подумал Клейтон, - *ужасно невежливо* терять сотню-другую долларов. Кто приведет беглецов обратно, тому и заплатит Коэн. Да только мне-то плевать на деньги, а ты за них готов всех своих парней тут положить. Ну, это твое дело, амиго».

- Так вы приведете свой отряд сюда? - спросил капитан Солано. - Думаю, вам лучше всего будет занять позицию вон там, со стороны бухты, чтобы пресечь попытку прорыва. Кто знает, на что еще могут решиться эти русские.

- Договорились, - кивнул Клейтон. - Как только мои парни будут готовы, мы займем указанные вами позиции.

- Вы немного запачкались. Вот здесь, - Солано показал на свое плечо. - Похоже на кровь.

- Да нет, просто грязь. - Клейтон встал, чтобы уйти, пока капитан не принялся задавать лишние вопросы.

Но капитан Солано его окликнул:

- Пойдите, Роберто! У вас кровь на спине! Где вы так испачкались?

- Сам не знаю, - небрежно ответил Клейтон.

Трудно было бы не испачкаться, прикрываясь трупом от пуль. Во время боя у пещеры, когда на выручку бандитам подоспела какая-то новая шайка, Клейтон едва уцелел в этом

шквале губительного огня. Парни валились рядом с ним один за другим, и стало ясно, что надо удирать. Клейтон взвалил себе на спину одного из раненых ребят и так побежал сквозь лес, и пули несколько раз долбанули сзади. «Эти чертовы кубинцы наконец-то научились стрелять», - думал он с досадой. Выйдя к берегу, Клейтон не дождался больше никого. Парни, с кем он штурмовал пещеру, остались в лесу. Убитые, или раненые, или заблудились - неважно. У него не было времени их ждать, потому что вместо своих из леса могли выйти чужие. Те самые, которые умеют стрелять.

Он пошел искать вторую группу, тех, кто чуть раньше ушли на прочесывание склона и слишком долго не возвращались. Там, на склоне, пару раз вспыхивала перестрелка. Парни могли бы уже вернуться. Но где-то застряли. И вместо них Клейтон нашел только испанцев. Значит, парни попали в переделку похлеще той, что была у пещеры. В лесу завелась какая-то нечисть. Неуязвимые невидимки, бьющие без промаха. Если парни напоролись на эту нечисть, то они вряд ли вернутся.

Естественно, он не стал ничего рассказывать испанцу.

- У вас все в порядке, Роберто? - спросил капитан Солано.

- Все отлично. Сейчас я приведу свое войско.

С той стороны, где расположились солдаты, вдруг послышались крики.

- Сеньор капитан! Сеньор капитан! Гомес вернулся! Они его отпустили, сеньор капитан!

* * *

Шпаковский продемонстрировал глубокое знание испанского, допрашивая солдата. Затем в разговор вступил Орлов. Но солдат ни разу не сбился, не запутался в показаниях, твердя одно и то же: Карденаса убил не он, а беглых рабов обязательно вернут на плантацию. «Ну, тех, кто останется в живых», - неизменно добавлял он.

- Рядовой! Вы говорите с капитаном первого ранга, - сказал Шпаковский. - Это примерно соответствует званию испанского пехотного генерала. По вашему, я - беглый раб?

- Мы только выполняем приказ, - пробормотал солдат.

- Чей приказ? Генерала Агирре?

- Никак нет. Старший по гарнизону сейчас команданте Мантилья.

- Кто? Сильвериио Мантилья? Он все еще здесь? Это приятно слышать. Наверняка он будет очень расстроен, узнав, против кого послал своих отважных солдат. Ты знаешь, кто мы такие?

- Никак нет. Я тут недавно. Мы все тут недавно. От старого гарнизона почти никого не осталось.

- Возвращайся к своим командирам, - сказал Шпаковский. - Передай им привет от русских. Скажи, что никаких беглых рабов здесь нет. А есть русские офицеры. Союзники. Так и передай.

Есаул Жигарев скрипнул зубами.

- Станислав Леопольдович, позвольте заметить~

- Отпустите солдата, - Шпаковский махнул рукой и перешел на русский, отвечая есаулу: - В нашем положении пленных брать бессмысленно. Кто станет его стеречь? Каждый человек на счету. Пусть идет с богом.

- Он все видел, - возразил Жигарев. - Он мог нас сосчитать. Видел наши позиции. Нельзя его отпускать.

- Пусть идет. Может быть, Мантилья одумается. Не станет же он воевать против союзников!

- У него приказ, - угрюмо произнес есаул. - Ему незачем думать. А нам теперь несладко придется.

- Пусть идет! - твердо повторил Шпаковский. - Верните ему винтовку. У Мантильи

утрата оружия приравнивается к дезертирству.

- Может быть, ему и патроны отдать? - осведомился Жигарев.

- Патроны нам самим нужны. И вот еще что, есаул. Позаботьтесь о белом флаге для парламентариев. Думаю, Мантилья вышлет к нам своих представителей, и наши парламентарии должны выглядеть достойно. Не сомневаюсь, мы сможем договориться.

- С беглыми рабами не ведут переговоров, - проговорил Жигарев. - Да и где ж я вам тут найду белый флаг? Разве что у пленного штаны отнять? А что, чем не флаг? Разрешите произвести конфискацию, ваше превосходительство?

* * *

Но испанец уже кое-как спустился по камням и затрусил вдоль ручья в гору. Глядя ему вслед, Орлов подумал, что он бы ни за что не отпустил пленного. В конце концов, его можно было бы обменять. На что? Да хоть на тела Карденаса и Луиса. Это был бы жест устрашения. Точнее, демонстрация боевого духа. Если противник заботится о своих покойниках, значит, уверен в победе.

Странно, но капитан Орлов был уверен в победе. Зажатый на краю пропасти с горсткой изможденных бойцов, он знал, что все равно победит. Помощи ждать неоткуда? обойдемся своими силами. Враг со всех сторон? Отступать некуда? Значит, будем наступать. Будем делать то, чего не ждет противник. И победим.

Победить будет трудно. Пожалуй, даже невозможно. Очередная ошибка в расчетах: думали оторваться от шайки Клейтона, а оказалось, что по следу идет испанская армия. Все ходы и приемы, годные против бандитов, не годятся против регулярных войск. Теперь все решают цифры. Верх одержит тот, у кого больше солдат, у кого больше патронов, у кого больше запасов еды и воды. Штурм не будет. Возьмут на измор.

Сопротивляться? Отстреливаться? Ну, разве только, чтобы потешить самолюбие. Отступать некуда, за спиной - голые камни карьера, где уже есть одна братская могила. Значит, надо сдаваться.

Логично? Логично. Орлов все это понимал. И точно так же понимал, что люди, с которыми он ушел с банановых плантаций, не подчиняются законам логики. Как и он сам.

- Сколько у тебя патронов? - спросил его Кирилл.

И капитан Орлов почувствовал себя так, словно его сбросили с белого коня мордой в грязь. Патроны~ Они кончатся рано или поздно. Новых никто не поднесет.

Он провел пальцем по патронташу, затем выгреб горсть патронов из кармана.

- Двадцать три винтовочных, шестнадцать для кольта.

* * *

- Негусто. У меня та же история.

К ним подошел Жигарев, на ходу перезаряжая револьвер - и где он успел его раздобыть?

- До темноты дожить не дадут, - сказал есаул. - Я обрыв осмотрел, вроде ничего особенного. Спускаться надо сейчас, пока они там разбираются.

- Как спускаться? - спросил Кирилл. - Голая стенка. Сорвешься на камни, кости переломашь.

- А мы потихонечку. Спустимся, выйдем на берег и - в атаку.

- А пушки? А пулеметы?

- Заладил одно и то же! Кинемся россыпью, попробуй в нас попади. Да тут бежать-то - один бросок!

Орлов спросил:

- Хотите пойти на абордаж?

- А нам больше ничего не остается, - ответил Кирилл. - Но я предлагаю дожидаться темноты. Прилив начнется, они все будут заняты. Стащить такую тушу с мели - нешуточное дело. Аврал. Все носятся. А тут - мы. Как снег на голову. Ну, Павел Григорьевич, что думаешь?

- Да я, как только этот пароход увидел, думаю об одном и том же. Как бы его захватить, - признался Орлов. - Сам понимал, что это невозможно. Но из головы не уходило. А теперь, когда он тут, рядом~

- Вот-вот, - сказал есаул. - Пока рядом. Пока к нему и лесенки приставлены, и на берегу стоит. Айн момент - и мы в дамках. А поднимется вода? Лесенки уберут, трапы подтянут. Как прикажете на борт сигать?

Кирилл показал рукой на другой край карьера:

- Вон там у них пулеметы. Нас могут накрыть, как только мы полезем вниз.

- Не достанут! А если кого и зацепят, такая, видать, его планида.

- Как у тебя, Прокофьич, все просто, - усмехнулся Кирилл.

- Да нет, - Жигарев помотал головой. - У меня-то все как раз очень не просто. Горячку пороть не люблю. Но момент упускать нельзя. Потом всю жизнь корить себя буду. Клейтона упустил, Иуду-Лукашевича упустил. Если еще и пароход упущу - лучше бы мне и на свет не рождаться.

Их спор оборвали выстрелы.

- По цепи! В ноги, - послышался чей-то властный голос, - товсь, пли!

И мощный залп отозвался эхом от скалистых берегов бухты.

«Вот и все, - подумал Орлов. - Вот и ответ на проявленное благородство. Вот тебе и союзнички. Цепью идут. Значит, их много. Гораздо больше, чем нас. И они это знают. Не надо было отпускать пленного».

Есаул скрипнул зубами:

- Доигрался пан Шпаковский! Нашел место для рыцарских забав! Эх, яти ж ежа косматого против шерсти волосатого!

Жигарев, матерясь, перебежал к своим. А Орлов с Кириллом остались на краю обрыва.

Глядя вниз, Орлов понимал, что по откосу невозможно спуститься без веревок. А веревок нет. Кроме того, внизу спустившихся неизбежно накроет пулеметный огонь. «Все там и останемся, - подумал он. - А кто добежит до берега, получит свое от корабельных пушек. И так конец, и эдак конец. Что-то не хочется мне в плен к Лукашевичу. И под пулеметы лезть тоже неохота. Но придется выбирать».

- Хватит мечтать, - сказал он. - Пойдем, постреляем, что ли. Душу отведу.

- Мне испанцы не враги, - сказал Кирилл. - С чего бы мне в них стрелять?

Орлов удивился.

- А если они сейчас сюда ворвутся?

- Не ворвутся. Им это ни к чему. Они подойдут поближе, залягут и оттуда будут нас поливать. Огнем вторую цепь прикроют. Потом, может, и третья подойдет. И будут перестреливаться, пока у нас патроны не кончатся. Я им говорил, чтоб зря не стреляли. Но разве их удержишь? Такого натерпелись~ - Кирилл махнул рукой. - Давай лучше прикинем, как Илюху спускать будем.

- Куда спускать?

- Пойдем, покажу.

- Ну, пойдем.

«Пойдем» означало, что они поползли вдоль края обрыва, невольно останавливаясь, когда пули били в землю где-то поблизости.

Там, где обрыв плавным выступом поворачивал к бухте, росли высокие мясистые лопухи. Кирилл, не вставая, помахал перед собой мачете, чтобы углубиться куда-то внутрь зарослей. Он оглянулся и поманил Орлова:

- Так и есть. Здесь ручеек.

- Ну и что? Хочешь набрать воды?

- Нет. Хочу, чтоб вода нам дорогу показала. Я еще в первый день, когда со шхуны берег осматривал, этот уголок приметил. По зелени тут должна быть вода. Но сток из бухты не виден - ни ручья, ни водопада. - Кирилл говорил, взмахивая мачете, чтобы пробить себе тропу в густой зелени. - Вот я и думаю: куда вода уходит? Только к морю, верно? Только вниз. Это же закон физики, Паша. Вода течет вниз~

Орлов пополз за ним, утопая локтями в грязи. Но вот Кирилл сказал: «Смотри», подвинулся в сторону, пропуская его вперед, - и перед ним неожиданно распахнулась бухта. Крейсер стоял так близко, что можно было разглядеть ряды заклепок на борту. Сверху было видно, что на палубе находились только двое, они неподвижно застыли у пулеметов. Работников на берегу уже не было. Зато на другой стороне корабля слышалась какая-то возня. Вот из-за кормы показалась шлюпка. Она медленно двинулась поперек бухты, направляясь к обугленным сваям причала.

- Неужто вельбот нашли? - прошептал Орлов.

- Нет. Трос заводят. Или якорь. Будут лебедкой сдергивать. И как додумались?

- Там же Беренс~ Ну, и что ты мне хотел показать?

- Спуск. Направо посмотри.

Орлов выдвинулся еще немного вперед, так, что грудь его свесилась с обрыва. Повернул голову - и восхищенно выругался.

- Увидел наконец-то! - засмеялся Кирилл.

Узкий, шага в три шириной, скальный выступ полого, ступенями, спускался прямо в воду. «По нему можно будет спустить носилки», - решил Орлов и глянул ниже. Там, где со скалы срывалась белая струя ручейка, зеленело довольно обширное пятно камышей.

- Думаешь, туда можно прыгнуть? - спросил он, хотя про себя уже решил, что можно.

- Ну, если испачкаться не боишься. А ничего другого все равно не найдем. Кто желает спускаться по ковровой дорожке, может оставаться.

- Ладно, прыгнули, а дальше?

- А дальше Жигарев что-нибудь придумает.

* * *

Они поползли обратно и наткнулись на Холдена. Точнее, это он на них наткнулся, едва не наступив. Репортер шагал во весь рост, словно не замечая шелестящих в воздухе пуль.

- Вот вы где! Джим, Крис, выручайте. Нигде не могу найти бутылку.

Кирилл привстал и бесцеремонно повалил Холдена на землю.

- Жить надоело?

- А, все равно недолго осталось, - репортер раздвинул в улыбке бесцветные дрогнувшие губы. - Мне бы бутылку, парни. Надо спасти мои заметки. Брошу в море. Когда-нибудь их обязательно выловят.

- Что за чушь, - сказал Орлов. - Мы не собираемся помирать.

- Луис и Эрнесто тоже не собирались. Но их не спросили. Так что я хочу хоть как-то подготовиться. Надо довести до конца начатое дело. - Он переводил взгляд с одного на другого. - Знать бы, кто из вас уцелеет. Я б отдал ему записки. Их надо непременно переправить в газету. Может, кинем жребий? Хотя бы один из вас должен выбраться, парни. Иначе все впустую. И никто не узнает правды о том, что тут делается. Ну, кинем жребий? Только я - пас. Мне один черт не уйти на моих копытах.

- Все нормально, Панчо, - бодро сказал Орлов. - Тебе не придется далеко идти. Мы тут кое-что придумали. Ты в детстве читал книжки про пиратов? Сейчас мы захватим вражеский корабль и уйдем на нем. Тебе где будет удобнее сойти на берег, в Ричмонде или Нью-Йорке?

- Мне, пожалуйста, билет первого класса до Бостона. - Холден помотал головой. - Я

никогда не читал книжек про пиратов. И сказки ненавижу с детства. Не забивай мне голову героическим бредом. Нас тут всех поубивают. Я знаю. Мне сказал Луис сегодня утром. Он сказал, что воздух пахнет смертью. Она близка. Она рядом. Но я не дам ей убить мой труд. Понимаешь? Мой труд - это больше, чем я. Это важнее, это лучше, чем я. Мои записки должны попасть в редакцию.

- Это я беру на себя, - сказал Кирилл. - Давай сюда. Репортер недоверчиво глянул на него. Полез за пазуху и извлек самодельную тетрадь.

- Ты уверен?

- Если бы не был уверен, не взялся бы. Просто у меня есть свои подходы к редакциям. Я знаю, где такое может быть напечатано. В свободном журнале с хорошим тиражом, на который подписываются все фермеры и торговцы от Оклахомы до Небраски. - Кирилл аккуратно свернул страницы в трубку и спрятал в нагрудный карман. - Не волнуйся, Панчо. Если останешься жив, через полгода прочитаешь свои заметки. Куда перевести гонорар?

- Себе оставь.

- Ну, что ж. Это справедливо. - Кирилл улыбнулся. - Будет на что выпить за твое здоровье. Но тебе придется кое-что сделать, если ты хочешь, чтобы я дошел до редакции.

- Сделаю все, что смогу. Но я могу так мало~

- Ты же здорово говоришь по-испански, верно?

Холден отрицательно помотал головой:

- Скорее, по-кастильски. Кубинцы говорят немного не так, как я. На всех, кто говорит на «кастильяно», они смотрят косо, и это сильно мешало мне поначалу.

- А вот сейчас это как раз не помешает~

* * *

Клейтон сидел под навесом, безмятежно покуривая сигару. Ему не было дела до того, что рядом шел бой. Он отдыхал. Он обдумывал, как бы вернуться на плантацию. Да и стоит ли возвращаться? Уж больно рискованно. Две смертельные угрозы подстерегали на обратном пути. Те подонки, что перебили всех его бойцов, были, конечно, опасны. Но еще больше следовало опасаться Эйба Коэна.

Хозяин каждый день напоминал Клейтону, что главное богатство - это люди. Что людей надо беречь. Что на место каждого умершего работника он обязан привести двоих живых. И так далее.

Но где же их взять, работников? Все окрестные деревушки уже были вычищены до последнего пацаненка. А тут еще и русские выкинули номер, удрать решили. «Они ведь не вернутся, - подумал Клейтон. - Они будут до последнего стоять, раз уж дорвались до оружия. Не завидую я капитану Солано».

Словно в подтверждение этих мыслей, над цепью залегших солдат разнесся крик:

- Гонсалеса убило! Убило Гонсалеса!

Винтовки затрещали чаще, словно озлобившись. И вдруг выстрелы оборвались.

- Сдаются! Сдаются, что ли? Прекратить огонь! Белый флаг! Кто-то идет с белым флагом, сеньор капитан!

Клейтон встал, с любопытством вглядываясь в пороховую завесу между деревьями, за которой мелькала белая тряпка.

- Парламентер?

Но тот, кто шел с белым флагом, не остановился на полпути, как сделал бы переговорщик, чтобы на нейтральной полосе дожидаться представителей противника. Нет, он продолжал, хромая, приближаться к позициям испанцев.

- Сдается, сукин сын?

- Не стрелять! - приказал капитан Солано.

Клейтон подошел к нему:

- Хавьер, кажется, дело идет к концу?

- Ну, они же там не безмозглые бараны. Наверно, хотят договориться. - Солано одернул китель, стряхивая прилипшую хвою. - Ведите его сюда!

Через пару минут солдаты подвели к ним бледного длинноволосого человека, ступни которого были обмотаны тряпками.

- Буэнас диас, кабальерос! Я Гарольд Рочестер, британский корреспондент, - заявил он по-испански. - Они отпустили меня с одним условием. Я должен убедить вас воздержаться от напрасного кровопролития. Можно мне присесть? У меня изранены ноги.

Капитан Солано кивнул, и журналист опустился на корягу.

- Да, они отпустили меня, - он оглянулся. - Но я не стану уговаривать вас. Я буду рад видеть, как вы перестреляете всю эту сволочь. Я, конечно, должен соблюдать нейтралитет, но в душе я всегда был на стороне Испании. Сеньор капитан, эти люди недостойны того, чтобы с ними воевали по правилам войны. Никаких правил! Перебить их всех до единого!

- Как вы оказались здесь? - спросил капитан Солано.

- Я, по заданию редакции, направлялся в расположение Второй дивизии. Имел при себе письмо для команданте Мантильи от нашего военного атташе. Письмо пришлось уничтожить, когда по дороге на Санта Клару меня захватили эти негодяи. Что делать, мне пришлось разыгрывать перед ними спектакль. Я представился американским репортером. Они ведь любят американцев, не так ли? Да, любят. И все оружие у них американское, и консервы, и даже штаны у них с бирками американских магазинов. Они каким-то образом получают из Штатов все, чего ни потребуют.

- Позвольте, сеньор Рочестер, - остановил его Солано. - Но о ком вы говорите? Какие повстанцы? Ведь они беглые рабы. Они только вчера сбежали с плантаций.

- Вы про этих, в соломенных шляпах? Ну да. Мои бандиты соединились с вашими рабами. Сейчас они все там, у обрыва. Им некуда деваться. Перебейте всех, сеньор капитан!

- Сколько их? - спросил Клейтон, тоже по-испански.

- Роберто! - Капитан Солано недовольно покосился на него. - Не торопитесь! Наш гость и сам все расскажет в свое время. Мы же не собираемся допрашивать представителя нейтральной державы, не так ли? Позвольте мне самому с ним побеседовать, мой драгоценный Роберто!

Клейтон отступил, скрывая усмешку. Он подобрал белый флаг и принялся его рассматривать. Льняное полотенце, окаймленное вышитым узором, было испещрено кровавыми пятнами. «Наверно, сняли перевязку с раненого», - подумал он.

- Итак, сеньор Гарольд Рочестер, продолжайте. Что вы можете сказать о численности этих негодяев?

- Там разные негодяи, - морщась и растирая ступню, заговорил журналист. - Шайка, которая удерживала меня, насчитывает примерно три десятка. Они пришли сюда, чтобы соединиться с бандой Карденаса, я часто слышал это имя в их разговорах. Они встретили здесь, в бухте, какое-то судно, которое доставило им оружие. Винтовки и патроны, много ящиков с патронами. А также консервы и обувь. Да, кубинцев примерно три десятка. И примерно столько же этих беглых, в соломенных шляпах. Но они не кубинцы. Они говорят между собой на языке, которого я не понимаю. Возможно, они греки. Здесь могут быть греки?

- Странно, - сказал капитан Солано. - По моим данным, их там всего человек сорок.

- Это вам тот солдат рассказал, которого они захватили? Он ничего не видел. Он лежал лицом вниз, когда они его допрашивали. Мои кубинцы хотели его растерзать, снять кожу с живого, чтобы напугать вас его воплями. Но греки не позволили.

- Они не греки, - не выдержал Клейтон и тут же замолк под гневным взглядом капитана Солано.

- Почему они решили отпустить вас? - спросил капитан.

- Я их убедил это сделать, - гордо ответил журналист. - Я им объяснил, что если они считают себя не бандитами, а армией, то и должны подчиняться тем же законам, которым

подчиняются все армии, в том числе - испанская. Например, нельзя убивать пленных. И нет ничего зазорного в том, чтобы вести переговоры. Я много чего им рассказал о военных правилах. Слушали, разинув рот. Но они здраво рассудили, что если пошлют на переговоры кого-то из своих, с ним испанские солдаты не станут разговаривать. Следовательно, на роль парламентаря годился только я. А мне только и надо было, что убежать от них любым способом. И вот я здесь. А они скоро окажутся на том свете.

- Вы проявили мужество и находчивость, достойные воина, - улыбнулся капитан Солано. - Но позвольте спросить, наверно, эти бандиты передали с вами какие-то свои требования?

- Конечно. Но какое это имеет значение? Вы же не собираетесь их выполнять?

- И все-таки, расскажите, чего они хотят?

- Ну, они хотят, чтобы вы отступили, чтобы дали им возможность покинуть этот лес. Они обещают, что уйдут вдоль берега на соединение с частями американского корпуса. И обещают, что по дороге не будут нападать ни на испанские гарнизоны, ни на мирные поселения. Они хотят одного - уйти и соединиться с американцами. Но ведь вы не станете верить их обещаниям?

«А я бы поверил, - подумал Клейтон. - Парни рассуждают здраво. Силы примерно равны. Для штурма нужен значительный перевес. Значит, штурмовать их бессмысленно. Но и прорваться через цепь испанцев они тоже не могут. По той же причине. Что остается? Остается разойтись в разные стороны. Пусть они уйдут. При переходе вдоль берега их можно будет уничтожить, если к Солано подойдет подкрепление. Да только кому это надо? Испанцев послал сюда Коэн, и ему не нужны бандиты. Ему нужны работники. А те, конечно, уйдут вместе с кубинцами. И тогда мне придется отвечать на целую кучу неприятных вопросов мистера Коэна. И придется все начинать сначала - набирать новых бойцов, отправлять новых рабов~ Нет, мистер Коэн, это не мне, это вам придется искать себе новых людей. Например, нового шерифа».

- Конечно, им нельзя верить, - заявил Солано. - Кубинцы вероломны по своей сути. Потомки рабов и шлюх, кто им поверит? Безусловно, я не выпущу их отсюда. Пусть думают, что я готов согласиться на их условия. А я тем временем дождусь подкрепления. И скину это отребье со скал.

- Уверен, что вы преподадите им великолепный урок воинского искусства, - сказал репортер. - Но, сеньор капитан, нет ли среди вас врача или фельдшера? Я опасаюсь за свои ноги. Мне нужна срочная медицинская помощь. Как бы не началась гангрена.

- Что у вас с ногами?

- Мне пришлось долго шагать босиком по скалам. Я их изранил, они гноятся, они причиняют мне массу страданий.

Клейтон коснулся локтя капитана Солано:

- Хавьер, могу я кое о чем поговорить с тобой наедине? Мистер Рочестер, безусловно, простит нам эту бестактность.

Они отошли в сторону, и Клейтон спросил:

- Ты ему веришь?

- Сначала не очень, а теперь полностью, - кивнул Солано. - Мы ждали репортера-англичанина. Они тут часто ошивались в начале войны. А теперь, когда уже виден конец, тоже могли появиться. Генерал Агирре оставил нам четкие инструкции, как себя вести с этой шатией-братией.

- И как же?

- Ничего не рассказывать, никуда не допускать, держать при штабе под охраной. Сейчас я его отправлю в штаб. Заодно потребую подкреплений.

- Ты прав. Полностью с тобой согласен. - Клейтон чувствовал, что надо бы добавить еще пару комплиментов, но времени не было. - Но, может, будет удобнее отправить его не в штаб, а на плантацию? На виллу Коэна? А оттуда телефонировать в штаб. Так будет гораздо быстрее.

- Эх, если бы по телефонным проводам могли домчаться сюда и солдаты! - с горькой усмешкой воскликнул Солано. - Что ж, может быть, я так и сделаю. Не то, пока в Сендрильясе соберут отряд, да пока все обсудят, наступит темнота. Выдвинутся только утром, а за ночь эти подонки могут здесь такого натворить~ Да, я думаю, нужно звать помощь по телефону.

- Я мог бы тебе помочь, Хавьер. Репортер идти не сможет, ты сам видел. А у тебя есть лошадь~

- Я не отдам какому-то англичанину своего коня, - отрезал Солано.

- Во-первых, не отдашь, а только предоставишь на время. Я отвезу его на виллу, сдам под охрану своим ребятам. Свяжусь по телефонной линии с Мантильей. Все ему распишу в самых жутких красках, чтоб он отправил к тебе не взвод, а весь батальон. И тут же вернусь. Через пару часов ты уже увидишь своего ненаглядного коня. О чем тут беспокоиться?

- Я и не беспокоюсь, - смягчился Солано. - Но обещай, что не будешь вести лишних разговоров с репортером. Сам знаешь, чего от них можно ожидать, от этих иностранцев. Скажешь им одно, а напишут совсем другое. Не говори с ним вообще ни о чем, ладно?

- Обещаю, - важно сказал Клейтон. - Ты же меня знаешь, Хавьер, мое слово - это мое слово.

И он сдержал свое слово. Ведя за собой лошадь с неловко сидящим в седле репортером, Клейтон не оглядывался и не вступал в разговоры.

Молчал и репортер. Только когда они выбрались из леса и пошли поперек склона вдоль колючей проволоки, он спросил по-испански:

- Далеко ли еще до Лас-Сендрильяс, амиго?

Но и тогда Клейтон ничего не сказал в ответ, только рукой махнул. И лишь остановившись в овражке возле ручья, там, где их уже никто не мог ни увидеть, ни услышать, Боб Клейтон разжал стиснутые губы и произнес:

- Тут хорошая вода. Надо напиться. Потому что дальше воды не будет очень долго.

Он первым встал на колени перед ручейком и напился из подставленной под струю пригоршни. Репортер, кряхтя, спешил и тоже подошел к ручью. Клейтон встал. Сделал два шага назад и дождался, пока журналист опустится на колени. Еще подумал: «Пусть напьется напоследок». И самому стало смешно от этой идиотской мысли.

Он выстрелил в висок, сбоку, чтобы репортер не упал в ручей: не хотелось портить воду кровью. Обыскал труп и был страшно разочарован. Ни денег, ни блокнотов с записями. Репортеры, которые приезжали к Эйбу Коэну, всегда имели при себе пару блокнотов и запас золотых монет, универсальной валюты. У этого оборванца не было ничего.

Впрочем, он и не рассчитывал поживиться. Ему был нужен только конь.

«Прощайте, капитан Солано, - подумал Боб Клейтон, взлетев в седло. - Прощайте, мистер Коэн. Кажется, у вас обоих наступают трудные времена».

Он направил коня на запад, в сторону Сьенфуэгоса. Месяц-другой можно будет отсидеться у знакомой веселой вдовушки. А там, глядишь, у него снова появится работа. Боб Клейтон не останется без работы, пока растут бананы и сахарный тростник, пока рабы будут гнуть спины на плантациях, и пока свиньям будут требоваться волки, чтобы стеречь баранов~

24

Над наспех сложенными брустверами выглядывали соломенные шляпы. Кое-где сбоку торчали стволы винтовок.

Орлов еще раз оглядел оставленные позиции. Поверят ли испанцы? Попадутся ли на эту уловку? Сможет ли их задержать Холден? Как долго они будут выжидать? Никто не мог бы дать ему ответ на эти вопросы. «Нам бы хоть полчаса!» - взмолился он, отползая к обрыву.

Илья все еще не пришел в себя. Лука Петрович спеленал его так, что раненый словно

лежал внутри кокона, по бокам которого виднелись четыре петли.

- Вы двое спереди, - приказал боцман Орлову и Кириллу, - мы с Ванькой сзади.

Орлов продел руку в петлю, потянул и удивился неожиданной тяжести. Перехватив его взгляд, Кирилл сказал:

- Это Петрович Илюху нагрузил.

- Не нагрузил, а обложил, - сердито прошептал старик. - Там крупы мешочек, там рису котомка, там галет пачечка - все от пули защита. Вы-то шустрые, вы увернетесь, а он, сердечный, еще долго шевельнуться не сможет. Как же его без защиты оставить?

Они поползли к ручью, подтягивая за собой неподъемный куль, из которого едва виднелось только бледное лицо Остермана.

На краю обрыва уже оставался один Жигарев.

- Мои все внизу, - прохрипел он. - Сами справитесь? А то помогу.

- Давай к своим, Прокофьич, - ответил Кирилл. - Только не горячись там. На рожон переть не надо.

- Эх, Кирила Андреич, кого ты учишь! - оскалился есаул. - Подтянемся ближе, и одним броском! Пока ты сползешь, мы уже тебе чаю на пароходе вскипятим!

Он глянул вниз, перекрестился и, бросив перед собой карабин, вслед за ним шагнул с обрыва. Послышался смачный хруст камышей, всплеск воды - и все, как и не было есаула.

- Тянем-потянем! - скомандовал Кирилл, и они двинулись дальше, подминая под себя лопухи.

Вода хлюпала под локтями и грудью, вот уже и вся одежда промокла, отяжелела, липла к коже. И вдруг трава раздвинулась, и Орлов увидел сияющее зеленое зеркало бухты. Внизу, буквально в сотне шагов перед ним, стоял пароход. Какой-то бородач у пулемета, еще один силуэт виднелся за пушкой - больше на палубе не было ни души.

«Увидят», - понял Орлов. Едва они выберутся на скальный уступ, спускающийся к воде, как будут немедленно обнаружены. Оставалось надеяться только на то, что наблюдатели будут смотреть куда-нибудь в другую сторону.

- Ждем, - шепнул Кирилл. - Сейчас наши бросятся. А там и мы, под шумок.

Томительно долго тянулись секунды, тяжело складываясь в минуты. Внезапно тишину разорвала пулеметная очередь.

«Увидели!» Но пулемет на пароходе молчал. Снова очередь! Били издалека. Но откуда?

Не выдержав, он привстал, чтобы оглядеться. И увидел на песке под обрывом несколько застывших тел. А на скалистом берегу бухты, в тени под выступом снова засверкали вспышки, и снова треск пулемета раскатился над бухтой.

- Это что-то новое, - сказал Кирилл. - В прошлый раз били не оттуда.

Орлов встал на одно колено, поднявшись над травой. Он уже не думал о том, что его могут увидеть. Вскинул винтовку, наводя на вспышки. Выстрелить не успел, потому что они вдруг погасли, и цель снова стала невидимой.

- Не достанешь, - сказал Кирилл.

- А вдруг, - равнодушно ответил Орлов.

- Гады, пушку наводят.

Он скосил глаз и увидел, как ожила пушка на борту парохода. Она повела стволом вверх-вниз, потом стала медленно отворачиваться от берега.

- Вот и все, - сказал Орлов.

- Посмотрим, - ответил Кирилл.

Пушка застыла, глядя стволом туда, откуда бил пулемет. И вдруг из дула вылетела струя дыма. Резкий удар прогремел над бухтой, и через пару секунд среди скал вскинулось пыльное облако взрыва, а потом докатился его грохот.

- По своим? - изумился Орлов.

И новый выстрел ответил ему - да, корабельное орудие било по пулемету, скрытому между скал!

- А-а-а!

Отчаянный рев слышался внизу, и те, кто только что недвижно вжимался в песок, вдруг вскинулись и понеслись к пароходу.

- Что стоим! - выкрикнул Лука Петрович. - Подхватили, да поживей!

Они поволокли Илью вниз, по крутому спуску, спотыкаясь, пятась, оглядываясь. Снизу доносилась ликующая матерщина. И ни одного выстрела! Замолчал и пулемет в скалах, видно, накрытый тремя снарядами. «Беренс! - вдруг вспомнил Орлов. - Беренс на пароходе! Его работа!»

Им оставалось совсем немного. Еще один бросок вниз по уступу, и они спустились бы на песок. Но вдруг рядом по камню чиркнула пуля. За ней вторая.

- Ложись! - Боцман резко потянул Илью к себе.

Они прижались к уступу, теснясь под нависающими камнями. А сверху сыпались выстрелы, и каменные крошки впивались в кожу. «Быстро же испанцы спохватились, - подумал Орлов. - Ничего, наши уже все на борту. Эх, лишь бы на Холдене зло не сорвали!»

- Вот зажали, так зажали! - с досадой пробормотал Лука Петрович. - Куда теперь?

- Сейчас Гаврилыч с ними поговорит, - спокойно и весело ответил Кирилл.

Жахнуло орудие, снаряд вспорол воздух, и берег содрогнулся от взрыва. Стрельба разом оборвалась.

Не дожидаясь команды, они подхватили Илью и, не таясь, во весь рост рванули вниз по камням. Вот и песок закрипел под ногами, и от воды ударил в лицо одуряющий свежий воздух. В один миг они оказались под нависающим бортом парохода, и сверху уже тянулось множество рук. Орлов и не заметил, как оказался на палубе. Дернул с плеча винтовку и, обернувшись, послал пару выстрелов в сторону леса.

- Да уймись, Павел Григорьевич! - раздался с мостика спокойный голос Беренса. - Им и без вас досталось. Оконечников, добавьте-ка!

Лязгнул замок орудия. Орлов едва успел прикрыть уши ладонями, и пушка рявкнула, обдав всех едким газом. А в лесу взметнулся над деревьями столб дыма, земли и щепок.

- Не надо! - запоздало попросил он. - Там наш остался, Холден! Еще не хватало своего угробить!

- Да что им будет с пары фугасов! - весело крикнул комендор, выглядывая из-за бронешита пушки. - Вот кабы я шрапнелью угостил, тогда другой разговор! Ваше благородие, дозволейте шрапнельным для остротки!

- Берегите боезапас, старшина, - отозвался Беренс. - Каждый заряд на счету. А до Кронштадтских арсеналов далеко.

* * *

После отчаянных уговоров Беренс все же отпустил Петровича с Ванькой Акимовым в камыши за вельботом, но на то, чтобы отправиться за телами, оставшимися в пещере, согласия не дал. Пулеметчики, прикрывая боцмана, выпустили несколько очередей по берегу, где им привиделось какое-то подозрительное движение.

Тем временем вода начинала прибывать, и Шпаковский, обойдя весь корабль, приказал поднимать давление в котлах. Едва прилив залил берег, заработала кормовая лебедка, натягивая трос. Забурлила вода под кормой, песчаная муть расползлась бурым облаком из-под винтов. Пароход дрогнул и подался назад, сползая с отмели.

Орлов стоял на палубе, возле носового орудия, то и дело поднося к глазам бинокль. Снова и снова вглядывался он в берег. Он и сам не знал, чего ищет там. Вот свежие белые кресты на кладбище. Вот обрыв, с которого они спускались, - и как только шею не свернули? Ни души на берегу, ни малейшего движения за стволами сосен.

Еще недавно на песке виднелись следы - но теперь там набегает волны, и чайки безбоязненно прохаживаются вдоль пенных полосок.

Как и не было ничего~

Закат пылал над лесом, и тень от скал быстро укрывала берег.

- Как там наш Панчо? - задумчиво произнес Кирилл, стоя рядом с ним. - Дело-то свое он сделал, а сам-то как? Если испанцы поверят, что он англичанин, - не тронут. Да сейчас им и американца нет резона обижать. Тем более что некоторые американцы у них в большом почете, как оказалось. Война кончилась, надо как-то жить дальше. Нет, он все правильно рассчитал. Видишь, получилось.

- Да, получилось. - Орлов опустил бинокль. - Хотя что-то у нас получилось, как задумали. Хотя что-то.

- Задумывай, не задумывай, а в жизни все не так выходит.

- Карденаса с Луисом, получается, на смерть послали.

- Кто же знал. Как говорит Жигарев, такая их планида~

Корабль, двигаясь кормой вперед, остановился посреди бухты. Матросы сноровисто выбрали трос, подняли шлюпку и вельбот. Все действовали слаженно и весело, покрикивая друг на друга и беспричинно смеясь. Впрочем, отчего же беспричинно? У них было много причин для веселья.

А вот капитана Орлова вдруг скрутила смертная тоска. Он сел на снаряжный ящик, охватив голову руками.

- Ты чего, Паша? - Кирилл наклонился над ним. - Плохо тебе?

- Сейчас пройдет.

Долго ли ему еще водить смерть за нос? Несколько дней назад он ступил на этот берег, где многие нашли себе могилу. А он опять выкрутился. Выкрутился? Нет. Ведь он не уклонялся от опасности, не прятался в тень. Он просто убивал тех, кто хотел убить его. Вот и весь секрет. Он не дал себя убить, потому что ему надо вернуться домой. И он вернется домой.

Все кончено. Больше не надо прислушиваться к каждому шороху и рассчитывать каждый шаг. Больше не придется никого убивать.

- Все хорошо. - Он встал, тряхнув головой, и надел шляпу. - Как там Илью пристроили?

- В лучшем виде. У нас еще шестеро раненых. Петрович займется лазаретом. Оно и к лучшему. Не станет местного боцмана поучать.

Корабль задним ходом прошел между скалами и стал разворачиваться. Орлов последний раз глянул на лесистый склон и вдруг понял, что он когда-нибудь вернется сюда.

А еще он понял, что рано предаваться покою. Его путь домой еще не завершен. И кто знает, какая часть этого пути им пройдена?

Матросы носились с ведрами и швабрами, отмывая железную палубу. Несколько бородачей чистили бортовое оружие, то самое, что так вовремя вступило в бой.

Пыхтели машины, с мостика доносились голоса Шпаковского и Беренса, из-за откинутых иллюминаторов слышалось бречание посуды - где-то там уже орудовал кок.

Орлова снова охватило ощущение пустоты и бессмысленности. Зачем он здесь? Все заняты работой. А ему больше нечего делать. Он умеет только убивать. Может, не стоило покидать берег, где для него всегда нашлось бы привычное занятие?

- Пойдем, запишемся в экипаж, - сказал Кирилл. - А то, я смотрю, в палубной команде матросов не хватает. Или ты собрался в пассажиры?

- Бывал я пассажиром, благодарю покорно, - ответил Орлов. - Со скуки повеситься можно. Нет уж, лучше матросом.

* * *

Что ни говори, а пароход не сравнить с парусником. Кислая угольная гарь, шум механизмов, вечно дрожащее железо под ногами. Вспоминая погубленную шхуну, Орлов чувствовал себя так, словно после быстрого скакуна пересел на громоздкую арбу. Впрочем, эта железная «арба» при ближайшем осмотре оказалась довольно занятой

штучкой. Начать с того, что невозможно было понять, как это судно называется. Ни на шлюпках, ни на спасательных кругах, вообще ни на каком судовом имуществе не было обязательных надписей с названием корабля, а имелся только набитый по трафарету знак фруктовой компании. Орлов не поленился перегнуться через фальшборт и увидел, что надпись на носу судна прикрыта дощатым щитом. Такие же щиты обнаружились и на корме. На досках виднелись какие-то полустертые буквы. «Сильва», - с трудом разобрал Орлов. Вытянув щит из гнезд, они с Кириллом смогли прочесть другое название, нанесенное уже на сам борт: «Орион».

- Темная лошадка, - сказал Кирилл. - Таких посудин хватает в этих морях. Контрабанда. Или еще хуже: пиратствуют потихоньку. Ограбят торгаша, сменят вывеску и идут на Ямайку или в Мексику, товар сбывают. Не удивлюсь, если в капитанской каюте мы найдем несколько судовых журналов, и все под разными именами.

Один из матросов, заслышав их разговор, с усмешкой подсказал:

- А вы, братцы, трубы сосчитайте.

- Чего тут считать? Две трубы.

- Так точно-с, две. А давеча было три. Потому как мы тогда под «Сильву» рядились, а она трехтрубная. Не желаете фокус поглядеть?

Он взлетел по узкому трапу на спардек, где за трубами торчал огромный котел прожектора, наклонился и принялся крутить какой-то маховик. Из кольца, окружавшего прожектор, стали вырастать какие-то штанги, за ними потянулась, распрямляясь, черная парусина - еще минута, и рядом с двумя настоящими трубами выросла точно такая же с виду, но фальшивая.

- Красота, - засмеялся Кирилл. - Тебе бы, братец, с таким номером на ярмарках выступать.

- Номер не номер, а людей дурить тут умеют!

- Лоновой! - строго окликнул матроса Беренс. - Что за цирк! Убрать это безобразие!

- Ее, сэр! То бишь, слушаюсь, ваш-бл-родь! Виктор Гаврилович подошел к ним, протирая очки.

- Да, судно, как сами видите, досталось нам неважноецкое. Но дареному коню, как говорится~ А краденому тем паче. Кирилл Андреевич, я рекомендовал вас как лоцмана. Отдохните, приведите себя в порядок, и милости прошу на мостик. А вас, Павел Григорьевич, мы надеемся увидеть в роли начальника боевой части. Хотя бы временно, до окончательного прояснения обстановки.

- Куда мне в начальники, - отмахнулся Орлов. - В матросах бы не опозориться.

- От матросской работы по авралу никто из нас освобождения не имеет. Условия чрезвычайные, не до субординации. А вот дойдет до боя, кому прикажете командовать?

- Я не артиллерист. В пушках не разбираюсь, пулеметы первый раз вижу.

- Полагаю, до применения артиллерии дело не дойдет. Но если на корабле есть оружие, кто-то же должен им заведовать? Вы военный. Кроме вас, здесь никто боевого опыта не имеет. Да и все мы тут не на своем месте. Так что не откажите в любезности. Что от вас потребуется? Чтоб оружие на корабле было в полной готовности. Чтоб боезапас был сосчитан. Чтоб люди ваши, из боевой части, знали свое место по тревоге. - Беренс надел очки и поправил фуражку. - Что вы, в самом деле, Павел Григорьевич? Мне ли вас уговаривать? Вон, Шпаковский уже столько лет без морской практики, а взялся капитанствовать без разговоров. А я теперь за штурмана. Кому дома рассказать - засмеют!

- Кстати, а как вы рассчитываете попасть домой? - спросил Орлов.

- С Божьей помощью, и никак иначе. - Его взгляд остановился на нагрудном кармане Орловского кителя, откуда выглядывали сигары. - Это вы на память о Лукашевиче прихватили?

- К черту его. На память о Кубе.

- Куба, Куба, - покачал головой Кирилл, бесцеремонно вытягивая из Орловского

кармана пару сигар, для себя и Беренса. - Какой табачок! А какой ром!

- А еще рассказывают, какие женщины! - протянул Беренс, чиркая спичкой.

Закурил и Орлов.

- Мы люди женатые, - сказал он. - Вы нас женщинами не соблазните. А вот за ромом я бы вернулся, право слово. Ну, и поквитаться кое с кем, заодно. Не все же ром хлестать. Но вы не ответили, Виктор Гаврилович. Куда курс держим?

- Сначала к островам. Укроемся где-нибудь от постороннего глаза, разберемся в обстановке. Тогда и примем решение. Как вы понимаете, судно придется оставить. Возможно, обогнем Кубу, но дальше на чужом корабле идти рискованно. Блокаду никто не отменял. Время военное. Постараемся войти в залив как можно ближе к побережью Луизианы. Когда погода позволит, дальше пойдем на шлюпках, под парусом. Нам надо достичь Нового Орлеана. Там русская морская миссия. Пока я не вижу другого пути.

- Как вам удалось захватить корабль? - спросил Орлов. - И куда вы дели команду?

- Команда вся наша. Офицеры частью разбежались, частью сидят под арестом. Из них только двое могли бы нам быть полезными. Особенно старший механик, Митчелл. Дельный офицер. Есть еще один флотский, мичман Донован. Кто там еще под замком? Старпом? Ну, этот из шайки Клейтона. Пехота. И еще рядовой стрелок. Всех выпустим, когда будем покидать судно.

- Что-то больно мало для такого большого корабля.

- Да, их было больше. Что касается капитана, боцмана и матросов, так сказать, боевой части, то все они были в тех самых двух шлюпках с пулеметами~ Да, а остальные ушли с Клейтоном в лес. И не вернулись. А еще двоих я отпустил, чтобы они передали мои требования Коэну. Я пригрозил корабельной артиллерией, пообещал, что разнесу все его хозяйство, если он вас не отпустит. Но, как я понимаю, вы покинули плантации раньше, чем мои «делегаты» добрались до места назначения.

- Получается, вы нас ждали?

- Ждал, хотя и не так скоро. Но слышу - снова пальба в лесу. И вдруг - залп. Клейтоновская шайка на залповый огонь не способна. Делаю выводы - неужто наши стреляют? Неужто, думаю, перебили оставшуюся охрану, добыли винтовки и пошли штурмовать пароход на мели? А ведь ничего другого и не могло произойти. Павел Григорьевич сговорился с Жигаревым, отъявленным бунтовщиком, к ним присоединились Кирилл Андреевич и кровожадный Илья Осипович. - Он засмеялся, разгоняя ладонью дым. - Формула, как видите, сложилась убийственная. Гремучая смесь, посильнее нитроглицерина. Мои орлы, кстати, даже не заметили, откуда вы взялись. Если бы чужой пулемет не подсказал, так бы и считали ворон.

- Какая у нас осадка? - спросил Кирилл.

- Восемь футов.

- Нам будет трудно на мелководье между островами.

- Полагаюсь на ваш опыт. И отчасти на свой.

- А что с углем? Может быть, хватит хода, чтобы напрямую, до Мексики?

- Угля - в обрез. Но я и с полными бункерами не пошел бы через пролив, - ответил Беренс. - Повторяю, слишком велик риск повстречать корабли блокады. Как мы объясним свое появление на чужом судне? Что ни говори, а мы сейчас на положении пиратов. Невольных, вынужденных пойти на преступление. Но пиратов.

На мостике показался есаул Жигарев:

- Виктор Гаврилович! Готово! Извольте принять работу!

- Пойдемте, господа, - сказал Беренс. - Наши умельцы вскрыли сейф и сундук с документами. Кажется, сейчас мы узнаем много интересного.

Кирилл покачал головой:

- Пираты, да еще и взломщики. Ну и попал же я в компанию!

* * *

- Вас повесят на рее! С пиратами у нас не церемонятся! Такими были первые слова стармеха Митчелла, едва его завели в каюту.

- Возможно, - спокойно ответил ему Беренс. - Но только учтите, что в таком случае вы будете болтаться рядом с нами.

- Я не захватывал чужие корабли!

- Вы их топили. Не далее как три дня назад пушки вашего «Ориона» сожгли и пустили ко дну судно нейтральной страны, России. Или, может, то был не «Орион», а «Сильва»? Сколько еще мирных шхун и лодок вы уничтожили? Можете не отвечать, все ваши операции будут прослежены по судовым журналам. Или вы думали, мы не сможем открыть капитанский сейф? Вы плохо знаете способности русских слесарей.

Митчелл то краснел, то бледнел. Лысина его покрылась крупными каплями пота.

- Первый раз вижу такое обилие судовых журналов, - продолжал Беренс. - Один принадлежит американскому вспомогательному крейсеру «Орион». Второй - «Сильве», кораблю из состава добровольческой эскадры Кубы. И что интересно - на этих кораблях служат сплошные однофамильцы. «Орионом» командует Флем Сноупс, а «Сильвой» - Флеминг Сноупс. Я сравнил судовые роли - совпадения потрясающие!

- Этот маскарад не я придумал, - с гримасой отвращения произнес стармех. - Но что поделать, война, приходится выкручиваться. Думаете, мы бы смогли заправляться в Сьенфуэгосе, если б вошли в порт под звездно-полосатым флагом?

- Кстати, - вступил Орлов, - кто сказал, что мы пираты? Разве мы захватили ваше судно? Мы оказались здесь не по своей воле. Вы потопили нашу шхуну, а потом подобрали команду с воды. Не всех, к сожалению. Но и нескольких свидетелей хватит, чтобы дать показания в суде. А мичман Донован уже дал согласие подтвердить наши показания.

- Донован сговорился с вами? Чего еще можно было ждать от ирландца~ Ну, и кого же вы хотите осудить? - с трудом проговорил Митчелл. - Капитана Сноупса? Вам его не найти.

- Что ж, весьма сожалею, - сказал Орлов. - Значит, отвечать - вам. Или тому, кто отдавал вам преступные приказы.

Старший механик презрительно улыбнулся:

- Люди, которые отдают приказы, не боятся никакого суда. Они сами приказывают судьям. А вот вам, попомните мое слово, приготовят петлю из самой заскорузлой веревки, чтобы она не затянулась слишком быстро, чтобы вы с полчаса сучили ногами на радость собравшейся публике. Вот увидите, именно так и будет. И вообще, я не собираюсь продолжать этот бессмысленный разговор.

- Это не разговор, - сказал Орлов. - Это допрос.

- Ах, так? Я моряк и буду говорить только с моряком.

- Вы пленный. И будете отвечать на наши вопросы, - сказал Орлов. - Впрочем, можете не отвечать. Надеюсь, вы как моряк понимаете, что от бесполезного груза на море принято избавляться.

Митчелл перевел взгляд на Беренса.

- Виктор Гаврилович, - по-русски сказал Орлов, - пожестче с ним, пожестче. Он почти готов.

- Вы старый моряк, - обратился Беренс к Митчеллу. - Я тоже не юнга. Мы оба знаем, что на море приходится чем-то жертвовать, чтобы спастись. Выбирайте. Если вы отказываетесь помочь нам, то будете высажены на первом же подходящем острове. Рано или поздно вас с него снимут рыбаки или еще кто-нибудь.

- Рано или поздно? Хм~ А если не отказываюсь?

- Проведете нас через блокаду, если сами не проскочим. У вас есть опыт по этой части. «Орион», судя по журналам, не раз встречался с кораблями блокады, и никто вас не задержал.

- Допустим, мы уйдем из военной зоны. Что дальше?

- Мексика. Или Флорида. Или Багамы. В любом случае однажды утром вы проснетесь и увидите, что судно стоит у берега, и на борту нет ни людей, ни шлюпок.

- Вы обещаете, что так и будет?

- Обещаю.

Они сидели втроем в каюте, которую раньше занимал кто-то из офицеров. Митчелл уставился взглядом в пол, еще блестящий после влажной приборки. Провел пальцем по сияющей бронзовой кромке иллюминатора, проверяя, нет ли грязи. Грязи не было.

- Вы тут, как вижу, пытаетесь навести порядок, - пробурчал он. - Палубу ваши бородачи скребут так, будто это английский клипер. Смотрите, не перестарайтесь. А то капитан патруля просто не узнает эту посудину. «Орион» - самое грязное корыто на Карибах. До сих пор воняет китовым жиром. Клянусь, я был рад, когда мы сели на рифы. Надеюсь, что смогу с чистой совестью списаться на берег. Так нет же, Коэн где-то отыскал вас~

- Мои вопросы будут касаться именно деятельности мистера Коэна, - снова вступил в разговор Орлов. - Насколько я понял, он является владельцем судна?

- Он.

- Чем еще он владеет?

- Вам все перечислить? - насмешливо спросил Митчелл. - Тогда мы будем говорить до утра. Я вам так скажу: сейчас он владеет половиной Кубы. Ну, не самолично, конечно. Плантации, заводы, причалы и суда - все это собственность фруктовой компании. Но мы не знаем, кто, кроме него, входит в эту компанию. А Коэн тут знает все. Знают, уважают, подчиняются ему. Потому что он всем платит. Не удивлюсь, если выяснится, что Эйб Коэн заплатил правительству Соединенных Штатов, чтобы оно начало воевать с Испанией.

- Вы давно на него работаете?

- С девяносто шестого, как только «Орион» пригнали к нам в Тампу на переделку. Тогда о фруктовой компании никто ничего толком не знал, и я поначалу не поверил, что мне будут платить столько, сколько пообещали. Но Коэн никого не обманывает. Если он обещает пять тысяч в год, то вы получаете пять тысяч. Если он обещает кусок хлеба в день и разрешает жрать столько бананов, сколько влезет, - то вы и получите кусок хлеба. Он никого не обманывает и всем платит. Удивляюсь, почему бы ему сразу не заплатить испанцам, чтобы они отдали ему всю Кубу.

- Испанцы сотрудничают с ним? В какой форме?

- Обслуживают флот компании. То есть пока о флоте речь не идет. Не можем набрать экипажи. Но после войны с этим проблем не будет.

- Речь идет о перевозках бананов, как я понимаю?

- Вот именно.

- Но «Орион», он же «Сильва», мало приспособлен для таких целей, вам не кажется?

- Да ладно вам, - скривился Митчелл, - вы сами все прекрасно понимаете. Хотите, чтобы я сказал вслух то, что ясно без слов? Ну да, мистер Коэн неплохо заработал, отдав свой пароход в аренду военному флоту. Подозреваю, что он еще и жалованье получает, как член команды. У нас в списках с десятков матросов и офицеров, которых никто в глаза не видел. «Орион» выполняет задачи по патрулированию участка к югу от острова Пинос. Так записано в бумагах.

- А «Сильва»?

- «Сильва» - это была ржавая коробка с остатками труб и обломками рангоута. Коэн выкупил ее на страховом аукционе за сущие гроши. Перетащил на глубокое место, да там и затопил. А на «Орионе» поставили фальшивую трубу, потому что все остальные приметы покойницы у него уже имелись. Ну ладно, добавлю еще, что все расходы компании по ремонту и переоснащению «Сильвы» были компенсированы испанской администрацией. Естественно, деньги были поделены по-братски, между компанией и испанцами.

- Понятно. Итак, американская компания сотрудничает с испанцами. В то время как идет война.

- Сотрудничает? Ну, можно и так сказать. Испанская армия охраняет плантации и

заводы. Солдаты просто выкурили с этих земель всех, кто там раньше жил. Повстанцы туда не суются, потому что там без предупреждения стреляют в любого. Просто в любого, кто шатается по другую сторону колючей проволоки. Жить можно только на плантациях. Там и еда, и вода, и крыша над головой. Вот и получается, что на землях фруктовой компании нет никакой войны. Люди живут в мире и согласии, имеют работу. Кубинцы должны молиться на Эйба Коэна. Я так считаю.

- Я видел, в каком мире и согласии там живут, - кивнул Орлов. - Расскажите, зачем мистеру Коэну понадобился такой корабль, как «Орион».

- Для охраны побережья.

- От кого? Сейчас идет война с Америкой. Значит, от американцев?

- Об этом лучше спросить у самого мистера Коэна, или у капитана Сноупса, или, скажем, у шерифа Клейтона. А я - механик. Мое дело - машина и механизмы. Я, бывало, часами не вылезал из машинного отделения. И никогда не интересовался, с кем была перестрелка.

- Перестрелка?

- Я слышал, как работают орудия и пулеметы. Но в это время на палубе были только те, кто стрелял. Каждый должен заниматься своим делом, не так ли? В чужие дела я не лезу. Да и не хотелось схлопотать шальную пулю. Так что все мы, моряки, сидели по своим кубрикам и каютам, пока наверху стреляли. И я ничего не могу вам сказать. Просто потому что не знаю, в кого там стреляли.

Беренс жестом остановил Орлова, когда тот готовился задать следующий вопрос, и сказал:

- Мистер Митчелл, помнится, вы вчера что-то говорили о потопленных лодках и одной несчастной канонерке. И на берегу многие рассказывали нам о каком-то крейсере, который по ночам топил лодки с беженцами. Невольно напрашивается вопрос - не мог ли такое патрулирование организовать ваш босс, мистер Коэн? Ведь он кровно заинтересован в том, чтобы никто не бежал с острова. Чтобы число его работников не сокращалось. Не так ли?

- Сам я ничего не видел, - упрямо набычился стармех. - А если и услышал обрывок чужого разговора, то повторять его не буду. Сами говорите, это допрос. А не обмен сплетнями.

- Что ж, на этом и остановимся, - сказал Орлов. - Мне важно было установить, что вы непричастны к гибели наших людей и нашего судна. У меня больше нет вопросов.

- У меня тоже. - Беренс встал. - Вы можете идти в свою каюту. Никаких ограничений. Все остается как прежде.

- В свою каюту? А что с остальными?

- Можете заглянуть к мичману Доновану, он у себя. Остальные сидят в такелажке. Они вели себя неправильно.

- А я и Донован, получается, правильно?

- Вы моряки, и этим все сказано.

- Кто отвечает за машину? - спросил Митчелл упрямо. - Я должен дать вашему механику пару советов, пока он не угробил котлы.

- Он сейчас в машинном отделении. Вы знаете дорогу туда.

Митчелл вытер лысину и нахлобучил фуражку. Пробурчав что-то невнятное, он вышел из каюты.

- Как думаете, Павел Григорьевич, можем мы на него рассчитывать? - спросил Беренс.

- Попросите кочегаров и машинистов, чтобы присматривали за ним, когда он там будет крутиться, - ответил Орлов. - Не отвинтил бы чего.

- У нас нет другого шанса прорваться через блокаду, - сказал Беренс. - С патрулями должен говорить тот, кого они знают. Уверен, «Орион» досматривать не станут. Но хотя бы пару знакомых физиономий на мостике они должны увидеть.

- Действуйте, как считаете нужным. Приготовьте документы, флаги, что там еще~ - Орлов помолчал и добавил: - Я тоже приготовлюсь.

Он уже не сомневался, что ему понадобится все вооружение «Ориона».

Они вышли на палубу. Непроглядная ночь окружала корабль, шедший с погашенными огнями. Низкие тучи казались темнее невидимого моря. Видны были только белые полосы пены, с шипением отбегающие от борта.

«Все кончено?»

Орлов вспомнил, какая усталость охватила его в первые минуты на корабле. Сейчас он был снова полон злой непреклонной силы. Ему казалось, что эта сила вливается в него через упругое железо палубы, под которой мощно урчали машины. Пароход, конечно, не сравнить с парусником. Но Орлов уже любил эту нескладную громоздкую гору железа, которая упрямо раздвигала вязкую, тяжелую воду, пробивая в ней путь. Путь для него. И еще для нескольких десятков русских мужиков, возвращающихся в свой дом.

25

Ночью в кают-компании собрались почти все офицеры, свободные от вахты, и Виктору Гавриловичу пришлось выдержать нелегкое испытание. Вырвавшиеся из плена моряки воспринимали Беренса прежде всего как источник новостей - ведь он побывал за пределами их тесной бухты, в мире больших городов, газет, телеграфа. Четыре года они узнавали о событиях на родине только из редких писем и старых газет, доставляемых раз в год с курьером, а последние месяцы провели в полнейшей изоляции. Виктор Гаврилович попал в затруднительное положение. Сведения, полученные им из газет и, в основном, из бесед с российским военно-морским агентом, не доставили бы радости его товарищам. Молчать он не мог, обманывать не хотел. Что делать? Пришлось отвечать, с медицинской скрупулезностью отмеряя дозы горькой правды.

- А что слышно о строительстве порта на Мурмане? - спрашивал его Шпаковский. - Покойный император завещал укрепиться на Кольском полуострове. Как продвигается дело?

- Понемногу, - отвечал Беренс. - Начата прокладка железной дороги.

- Но позвольте! Дорогу стали вести еще при нас. Следует ли вас понимать в том смысле, что с мурманским портом решено подождать? Неужели наследник склонился к Либаве?

Давний спор о том, где строить главную военно-морскую базу, на Балтике или на Кольском, решился в пользу Либавы. Конечно, адмиралов можно понять. Гораздо приятнее и легче расширять старый порт, чем строить новый, да еще в столь диком месте, на берегу Баренцева моря.

- Да, склонился, - кивнул Беренс. - Точнее, его к этому склонил великий князь Алексей Александрович.

- Но это же катастрофа! Иметь главную базу в двух шагах от границы? Германцы займут ее в первые же дни, если не часы, войны. Со всеми ее припасами и выходами на железные дороги. Противнику ничего не стоит запереть наш флот в Балтике. В то время как из незамерзающего порта на Мурмане мы бы имели постоянный выход в Атлантику~ - Шпаковский махнул рукой. - Простите за неуместную риторику. Ну, а что слышно о восточных базах? Обустроили их? Или по-прежнему сибирская эскадра стоит в японских портах и в Сан-Франциско?

- На Востоке никаких перемен. Если не считать того, что мы взяли в аренду изрядный кусок Кореи и Китая. Сейчас наша передовая база там - Порт-Артур.

- Порт-Артур? Не самый удачный выбор, - сухо заметил Шпаковский. - Но как нас туда пустили китайцы?

- Наши дипломаты объясняют все просто. Мы пообещали, что будем защищать китайские порты от германских поползновений. Немцы как раз незадолго перед этим захватили Циндао. А наше присутствие положило предел их дальнейшему продвижению. Мол, как только немцы уйдут, мы тоже выведем войска.

- Трудно поверить, что китайцев удовлетворили столь примитивные объяснения.

- Тем не менее, они были вполне удовлетворены. Говорят, все решили деньги. Раздали взятки мелким чиновникам, получили выход на крупных. Одному генералу - сто тысяч, другому - пятьдесят. Естественно, в золотых рублях. И китайский гарнизон живенько вышел из крепости. Затем стали подкупать сановников рангом повыше, чем генералы. Министру внешних сношений - пятьсот тысяч, наместнику - двести пятьдесят. Вот и завоевали Порт-Артур без единого выстрела. К всеобщему удовольствию.

- Так уж и к всеобщему? А как же Япония? Стерпела? Это же неприкрытый вызов - держать военные корабли у нее под брюхом.

- Молодой государь относится к японцам не так, как его великий родитель. Для Николая Александровича они суть варвары узкоглазые, макаки желтолицые.

- Значит, будет война, - то ли спросил, то ли заявил Шпаковский.

- На мой взгляд, определено.

- Вовремя же мы поднялись с насиженного места. Засиделись. Я так понимаю, про Атлантическое направление в Морском министерстве сейчас уже и не помышляют. Так?

- Очень похоже на то, - осторожно ответил Беренс и увидел, как помрачнели лица офицеров.

Подтвердились самые худшие их опасения. Четыре года были потрачены впустую. Сотни жизней были отданы напрасно. Напряженный труд не принес никаких плодов.

- В Атлантику мы еще вернемся, - продолжил Виктор Гаврилович. - Нам бы сначала на Востоке закрепиться. По достоверным сведениям, японцы заказали в Англии серию крейсеров. Восьмидюймовые орудия. Броня до ста пятидесяти миллиметров повсюду - башни, палуба, борта. Новейшие котлы и машины. Ничего подобного нет ни у самих англичан, ни у американцев. Первый корабль из этой серии уже готов к спуску на воду. Против кого направлено такое масштабное перевооружение, надеюсь, объяснять не надо? А у нас на Тихом океане - жесточайшая нехватка кораблей и экипажей.

Его слова возымели действие. За столом оживленно заговорили о старых болячках - развал флота и портовых служб, безалаберность начальства, несовершенство вооружений, слабая подготовка личного состава~

«Ничто не воодушевляет русского человека так, как возможность безнаказанно обругать вышестоящего начальника», - думал Беренс, слушая, как офицеры наперебой делятся воспоминаниями о службе на Востоке.

В конце концов пришли к единодушному мнению, что воевать и в самом деле придется скорее с Японией, нежели с Англией.

- Ну и ладно, - Шпаковский пригладил усы. - С японцем так с японцем. Надеюсь, успеем.

- Да уж без нас не начнут, - добавил есаул Жигарев.

* * *

Разошлись далеко за полночь. Барометр все падал, предвещая шторм. «Орион» брал волну легко, не зарываясь. Беренс, прежде чем отправиться спать, еще раз спустился в отремонтированные отсеки. Течи не было. Но как поведет себя корабль при сильной качке? Выдержат ли наложенные заплаты, не разойдется ли пробоина, когда волны начнут скручивать и выгибать корпус судна? Он поручил вахтенному каждые полчаса осматривать отсеки и докладывать на мостик. А когда уже укладывался спать, подумал, что за полчаса между осмотрами может случиться все что угодно. И едва не вскочил с койки. «Это уже психоз какой-то! - обругал себя Беренс. - Все что угодно может произойти в любую секунду. Ну, так что с того! Думай о том, что происходит. Помни о том, что произошло. Но не жди того, что может произойти. Потому что произойдет как раз то, чего ты никак не ожидаешь».

На рассвете предсказания барометра сбылись в полной мере. Непроницаемая завеса дождя скрыла горизонт, волны высоко поднимали многотонное судно и забрасывали палубу

пенной. В работе машин слышались перебои, когда «Орион» задирает корму, обнажая из воды винты.

Беренс чувствовал, что это только начало. После стольких лет, проведенных на Кубе, ему были хорошо знакомы все признаки надвигающегося урагана. Ветер становился все сильнее. Под его порывами стонали мачты, и тросы натягивались до звона.

Необходимо было искать укрытие. Но не возвращаться же назад? Их мог бы защитить остров Пинос, но подступы к нему были слишком мелководны. Сесть на мель во время шторма - верная гибель.

Беренс поднялся на мостик. Шпаковский стоял рядом с рулевым, напряженно глядя вперед сквозь залитое водой стекло.

- Станислав Леопольдович, а ветер-то крепчает.

- Будет и больше! - прокричал Шпаковский в ответ. - Надо переждать. Песчаные острова помните? Идем к ним!

- Они низкие, никакой защиты от ветра, - напомнил Беренс.

- А мы еще восточнее примем! Укроемся за Малым Попугаем, там, помнится, была прелестнейшая бухта!

Никаких Песчаных островов и Малых Попугаев не было на общепринятых картах Карибского бассейна. Такие названия были в ходу только среди русских моряков, обследовавших эти места в начале девяностых годов.

Сквозь завывание ветра и удары волн вдруг донесся треск пулеметной очереди. Беренс кинулся было на выход, но Шпаковский его удержал:

- Это Орлов своих курсантов муштрует.

- Каких курсантов?

- Ах да, вам же не доводили. Я просил Павла Григорьевича не включать вас в боевой расчет, - сказал Шпаковский. - Он почти всех офицеров распределил по командам. Кого к пулеметам, кого в оружейную прислугу. Учредил, можно сказать, курсы пулеметчиков. Я дал добро на учебные стрельбы. Но вас, Виктор Гаврилович, попрошу сосредоточиться на прокладке курса и вообще штурманской работе.

Стрельба очередями, то длинными, то короткими, сливалась с шумом шторма. «Надеюсь, до пушек Орлов сегодня не доберется, - подумал Беренс. - Должен же сам понимать, что нам незачем привлекать к себе внимание канонадой».

Остров показался неожиданно. Разом прекратился ливень, и впереди, над зубчатой линией волн, вдруг выросла белая выпуклость песчаного холма. Беренс поднес к глазам бинокль. Пальмы гнулись под ветром так, что их длинные перистые листья хлестали по волнам, которые обрушивались на пляж.

- Глубины тут раньше были хорошие, почти до самого берега. Но все же~ - Шпаковский скомандовал: - Машина, малый ход!

Беренс увидел, что возле носового орудия появился Кирилл. Одной рукой придерживая шляпу, другой ухватившись за леера, он что-то высматривал впереди. Вот он обернулся к мостику и дважды махнул шляпой вправо.

- Право руля! - отозвался Шпаковский. - Так держать.

Спустившись на раскачившуюся палубу, Виктор Гаврилович пробрался к Кириллу.

- Пройдем, - сказал тот громко, перекрывая шум бури. Но голос звучал спокойно, словно они входили в просторную гавань, а не в бурлящую протоку между рифами. - Но вы посмотрите, что делает прибой. Еще год, другой, и от острова ничего не останется.

- Да, здесь такое место, - согласился Беренс. - Лоция устареет раньше, чем ее издадут.

Волна ударила в борт и обдала их фонтаном брызг.

- Хорошо идем, - даже не поморщившись, сказал Кирилл.

Вода струилась по его волосам, лицу и одежде. Беренс тоже промок насквозь и порадовался, что оставил последнюю сигару на штурманском столе, в пенале для карандашей.

- Все-таки у пароходов есть одно преимущество, - сказал Кирилл. - Они меньше зависят

от ветра. На шхуне было бы тяжелей в такой шторм проскочить за острова.

- Зато шхуне не нужен уголь.

Еще один фонтан брызг. Кирилл вытер лицо ладонью.

- А много угля съедают машины?

- Не знаю. Бункера довольно большие. Не знаю, с чем это связано - с прожорливостью топок или с нацеленностью на дальние переходы.

- Но ведь и паруса имеются? - Кирилл показал на мачту. - Уголь можно приберечь на крайний случай. А когда выйдем на Гольфстрим, то поймем ветер, и~

Он обернулся к мостику и снова замахал шляпой, показывая, что надо отвернуть влево. Беренс, сколько ни вглядывался в пляску волн, не мог разглядеть никаких признаков мели или рифа. Но через минуту заметил справа по курсу мощный всплеск. Вода в том месте приобретала сероватый оттенок, и пена расходилась по ней не полосами, как везде, а кругами.

- Не травите душу, Кирилл Андреевич, - сказал Беренс. - Мне и самому жаль бросать корабль. Я его с рифа снимал. Чинил, латал, чистил. Он мне теперь не чужой. Но расстаться все же придется.

Он стоял, держась за один из маховиков орудия, иначе давно соскользнул бы с мокрой палубы, уходящей из-под ног.

- А жаль, жаль, - сказал Кирилл. - Я так понимаю, что корабль-то изначально не военный. Вроде - китобой. Только гарпунную пушку на баке заменили. На более мощную. Как думаете, это из нее «Палладу» потопили?

- Сомневаюсь. Шестидюймовка Канэ - орудие сложное. Управиться с ней может только хорошо обученная прислуга. Таковых среди команды судна я не приметил. Чтобы точно послать снаряд на пять-семь миль, нужны опытные дальномерщики. Требуется расчеты, замеры, таблицы. Никаких артиллерийских таблиц я на судне не обнаружил. Судя по внешнему виду~

Их обоих снова накрыл ливень из брызг, и, смахнув воду с лица, Беренс продолжил:

- Судя по копоти, из орудия производились выстрелы, но я сомневаюсь в их эффективности. Разве что открывали предупредительный огонь? Чтобы противник остановился? Может быть. Сейчас производят снаряды, которые разрываются при ударе о воду. Хороший фонтан, даже с перелетом в пару кабельтовых, любого заставит сбросить ход. Но я все же думаю, с «Палладой» они покончили пушечками правого борта. Подошли поближе, наставили прожектор и били прямой наводкой. Примерно так же, как наш Оконечников чуть позже подавил огонь на берегу. Пушка Норденфельда, она крутится во все стороны, заряжается легко, снарядами патронного типа, а наводил он, как старый охотник, по стволу. Так, на глазок, на авось, и накрыл пулемет. Но в море такие номера не пройдут, это я вам заявляю определенно. В море нам на артиллерию рассчитывать не приходится.

- Но вид, согласитесь, солидный. Напугать можем. - Кирилл поглядел вперед из-под руки. - А вот и Кайо-Негро. Там и отсидимся.

- Кого же вы вознамерились пугать шестидюймовкой?

- Я никого не пугаю. Сами испугаются, когда увидят у нас на носу эдакое украшение. - Кирилл обернулся к нему, улыбаясь. - Я к тому, что незачем нам патрулей опасаться. Американцы - люди здравомыслящие, себе зла не желают. Увидят нас - и отвернут. Знаете, по правилам салунного этикета. У кого морда шире, тот и прав.

- При чем здесь патрули?

- А при том, что на таком пароходе я не погнушался бы и в Одессу прийти.

- Так-таки и в Одессу? - Беренс, усмехнувшись, покачал головой.

- Знаю, что не получится, через проливы не пропустят. Но идея сама по себе ведь хорошая, а, Виктор Гаврилович?

Беренс не ответил, рассматривая показавшийся на горизонте кособокий треугольник острова. Кайо-Негро, он же Малый Попугай, был самым большим и высоким из цепи островков, покрытых мангровыми зарослями. Посреди его возвышалась темная скала,

служившая отличным ориентиром для тех, кто отваживался войти внутрь мелководного архипелага. «Скоро мы укроемся за этой скалой, - подумал Беренс. - Надеюсь, успеем, пока шторм не превратился в ураган».

- А почему именно в Одессу? - спросил он, продолжая разговор под аккомпанемент ударов волн.

- Мы же с Ильей оттуда родом.

- Ах да, я и забыл. И что, тянет на родину?

- В последнее время все сильнее, - с улыбкой признался Кирилл. - В море еще ничего. А дома~ Иногда накатывает. Каждую ночь снится. Не понимаю. У меня ведь все есть. И все равно чего-то не хватает. Хочется - знаете, чего? Чтобы у меня было все, что сейчас есть. Но чтобы все это было у меня в Одессе.

- Я не знаю никого, кто бы вернулся из Америки. Уезжают многие. Никто не возвращается.

- В том-то и дело. - Кирилл переступил, ухватившись за леера двумя руками. - А качает-то все сильнее, не находите? Шли бы вы на мостик, я тут и один присмотрю.

- Хотел спросить, когда вы успели так хорошо изучить эти места?

- Да уж, была возможность. Прошлой осенью чуть не каждую неделю ходили сюда из Тампы. Дело такое, незаконное. Пару раз попадались береговой охране. Говорят, у испанцев были свои агенты в каждом кабаке. Агенты доносили консулу, консул связывался с губернатором, тот требовал мер от полиции. Но вы сами знаете, какие уже тогда были настроения. Мало ли чего там испанцы потребуют? Ну да, остановят нас, скажут, что нечего на Кубе делать. Заставляли вернуться. Ну, мы ложились на обратный курс, делали круг по заливу - и снова сюда. А вон там, за Кайо-Негро, ждали рыбацкие шхуны. Забирали груз и людей.

- Каких людей?

- Кубинцев. Во Флориде тогда собрались сотни кубинцев, которые хотели вернуться. Ну, вот мы им и помогали. Так что дорожка здесь натопанная.

В низких тучах вдруг появился просвет, и солнечные блики заиграли на зеленых волнах, испещренных пенными полосами.

- Плохо, - сказал Кирилл.

- Что плохо?

Вместо ответа Кирилл вытянул руку, показывая влево. Виктор Гаврилович посмотрел из-под ладони и поначалу не видел ничего, кроме косых столбов далекого ливня.

- Дым видите? - спросил Кирилл. - Дым. Кто-то штормует вместе с нами. Как бы они и отсиживаться вместе с нами не надумали.

* * *

На судне, возможно, не хватало многого, чтобы сделать плавание более приятным. Но главное было в избытке. А главным для Орлова были патроны и лимоны. Лимоны помогали справляться с тошнотой. А патроны требовались, чтобы научиться стрелять из пулемета. С механикой-то он разобрался уже к полуночи. А вот стрельбу пришлось отложить до утра.

Утром же началась изнуряющая качка. Держа в зубах лимонную корку, Орлов закрепил ствол пулемета с понижением от горизонта, чтобы пули гарантированно уходили в воду. Как только судно проваливалось в яму между волнами, он давил на гашетку и расстреливал вздымающиеся перед ним горы воды. Истратив две ленты, он счел, что уже способен и других научить.

Собрав свободных от вахты офицеров, Орлов, перекрикивая шум моря, без лишних предисловий объяснил и показал, как заряжается пулемет, как он наводится на цель и, самое главное, как устраняются задержки в стрельбе. Ученики быстро разбились на пары: первый

номер стреляет, второй придерживает и подает ленту. Пара очередей, и номера меняются местами. Никакой суеты, все вопросы задавались по делу, и ответ находили совместными усилиями. Так, например, выяснилось, что даже у закрепленного ствола имеется небольшой люфт, поэтому на рукоятки затыльника при стрельбе нельзя давить ни вверх, ни вниз - чего, впрочем, было довольно трудно добиться при качке.

Когда урок для первой партии подошел к концу и «выпускники пулеметных курсов» разошлись, на палубе показался Остерман. Акимов вынес его на палубу и, прикрыв брезентом, оставил возле Орлова.

- Не могу взаперти! - пожаловался Илья. - Первый раз в жизни такое. Заблевал весь угол. Позор на мою седую голову.

- Возьми лимон, - Орлов кивнул в сторону корзины, стоящей между патронными ящиками.

Илья выбрал лимон позеленее, откусил чуть не половину, не поморщившись, и сказал:

- С ногой у меня плохо. Не чувствую ногу. Петрович говорит, что дело поправимое. Нужно только подождать немножко. Немножко - это у него может быть и год, и десять лет. Он же старый, как Мафусаил, что ему десять-двадцать лет? Как для нас неделя~ - Илья прожевал остаток лимона. - Вроде веселей стало. Вот, Паша, видишь, до чего я дожил? Вместо того чтобы выпить боценок рома, лимончики жую. Так и до микстур докатиться недолго. А дай-ка я постреляю, а?

Балансируя на шаткой палубе, Орлов усадил его на патронные ящики, показал, куда смотреть и на что нажимать. Стрельба из «максима» привела Илью в восторг.

- Вот так игрушка! Ничего делать не надо! Сиди себе, покуривай, а она косит и косит! Паша, да теперь войнам конец. Кто же поперет на такую машину? И двух шагов не пробежишь, как на том свете окажешься. - Он дал еще очередь. - Нет, я думаю, политики запретят пулеметы. Им без войны не прожить. А пулеметы оставят их без армии в первую же неделю боевых действий. Запретят, попомни мое слово, как говорит Лука Петрович. А какая дальность?

- Патрон винтовочный, - ответил Орлов. - Полагаю, дальность не меньше, чем у винтовки.

Лицо Остермана избавилось от зеленоватого оттенка, свойственного всем страдающим от морской болезни. Что оказало целебное воздействие: лимонная кислота, или морской воздух, а может быть, запах пороха, - так и осталось неизвестным, но Илья заметно приободрился. Не обращая внимания на качку и фонтаны брызг, он замер, склонившись к прицелу.

- Справа по курсу дымы! - крикнул наблюдатель с мачты. И еще через минуту: - Прекратить огонь!

- Только этого не хватало, - пробурчал Илья, с неохотой выпуская рукоятки пулемета. - Дымы? Кого еще по морю носит? А если патруль? Хотя, если даже и патруль? Мы теперь и сами с усами. А, Паша? У тебя с собой нет заветной фляжки?

- Нет. Ты на лимоны налегай.

- Лимоны~ А Петрович всех отваром отпаивает. Народ ворчит, но пьет эту мерзость. А куда денешься? - Илья усмехнулся. - Представь, Паша, мое состояние, когда очухался. Слышу - вокруг все по-русски говорят. И как говорят! Наверно, Петрович кому-то перевязку менял засохшую. Там такие загибы слышались! Ничего понять не могу - где я? Потом понемногу освоился, вспомнил все. А тут и за меня старик принялся, начал ногу прижигать. А нога, на ней же не видно, где она чувствует огонь, а где нет. Я терпел, терпел, потом он ткнул куда-то, у меня аж в глазах потемнело. Как заору! И понимаю, что ору как-то неправильно. По-русски орал я, понимаешь? Я и слов таких не знал, сами посыпались! Такое я только от матросов мог слышать, в Одессе. Дрались они с рыбаками, а мы, пацанята, издалека смотрели да слушали, вот и запомнилось. Надо же, когда пригодилось!

Он засмеялся.

Волна перехлестнула через борт и ударила их по ногам. Орлов схватил Илью под

мышки и оттащил от пулемета к надстройке. Они уселись на патронные ящики. Теперь, когда Орлов не был занят делом, он стал замечать качку. Он знал, что нельзя смотреть на волны, но взгляд сам возвращался к их пляске. А тут еще снова ожил желудок, собираясь вывернуться наизнанку. Надо было срочно найти какое-нибудь занятие, и он спросил:

- Петровичу помощь не нужна? Из меня, правда, санитар неважный, но~

- Да он близко никого не подпустит! Колдует сам. Там пятеро вроде меня, поцарапанные. А один плох. Три пули в бок, одна в плечо. Не довезем.

- Ты-то откуда знаешь?

- Да я видел, чем его Петрович угощает. Есть у него особый порошок. Сонный. Ладно, Паша, любишь ты ненужные вопросы задавать! Ты лучше ответь, что это за пароход?

- Хороший пароход, - ответил Орлов, торопливо разрезая лимон. - Крепкий.

- Чей он?

- Теперь - наш.

- И куда мы на нем идем?

- Домой.

Он разжевал крупную дольку, брызнувшую жгучим соком. Стало легче. Орлов встал, держась за скобы на стене надстройки, и подумал, что в такой шторм не мешало бы привязываться, когда находишься на палубе.

Корабль то взбирался на водные горы, то скользил с них вниз. Но сейчас Орлову казалось, что горы эти стали помельче. Или он привык, и уже не замечает их крутизны?

Однако ветер-то оставался все таким же крепким и так же свирепо завывал и свистел в снастях.

Но волны и в самом деле уже не вздымались выше борта. И цвет их изменился - если раньше они были словно бутылочное зеленое стекло в белых трещинах пены, то теперь стали матовыми, оливковыми, и все чаще мелькали желтые и бурые лохмотья водорослей.

«Берег близко», - понял Орлов.

- Землей пахнет, - произнес Илья. - К островам идем. Прятаться. Значит, дело серьезное. То-то меня так выворачивало.

- Я думал, что при сильном шторме суда, наоборот, уходят в открытое море, подальше от берега, - сказал Орлов.

- Смотря какой берег. И смотря какой шторм. А если ураган, то от него нигде не укроешься. Но лучше быть выброшенным на берег, чем кормить рыб. По крайней мере, есть надежда, что похоронят по-человечески.

26

Если верить газетам, война с Испанией была нужна американскому народу, чтобы утолить его жажду мести за взорванный броненосец «Мэн».

Ни одна комиссия не обнаружила признаков диверсии. Испанцы добросовестно пытались спасти погибающих моряков. И похоронили их с воинскими почестями - вся Гавана вышла на улицы, провожая траурную процессию.

Но общественное мнение Соединенных Штатов было неумолимо. «Помни о „Мэне“! Отомсти!» - кричали плакаты на каждом углу. И, подчиняясь общественному мнению, президент-республиканец Мак-Кинли объявил Испании войну.

Его предшественник, демократ Кливленд, подвергался непрерывной критике за то, что либеральничает и сюсюкает с этими ужасными испанцами. Общественному мнению не было никакого дела до того, что страна все еще не могла оправиться от жесточайшего финансового кризиса, что не закончена реорганизация армии, что новые могучие броненосцы и линкоры еще стоят на стапелях. Президент Кливленд не мог себе позволить такую роскошь - начать войну без гарантий победы. Неудача поставила бы Штаты на грань политического кризиса. Социалисты, анархисты, профсоюзы, безработные, фермеры - все они начинали объединяться в один фронт. Этот фронт называли «антиимпериалистическим»,

и на нем уже были отмечены боевые действия - анархисты взрывали бомбы, фермеры строили укрепления, и даже привычные забастовки зачастую кончались перестрелками и рукопашными схватками. Нет, в таких условиях поражение даже в самой ничтожной войне грозило перерасти в крушение всей политической системы. В революцию, одним словом.

Вот почему президент Кливленд не поддавался на уговоры и требования оппозиции. Возможно, администрация демократов добилась бы присоединения Кубы другим путем, следуя тактике «зрелого плода». По этой концепции, надо было дожидаться, когда Куба получит независимость и в силу естественного тяготения к ближайшему экономическому партнеру полностью свяжет свою судьбу с Соединенными Штатами.

Был и другой путь - американцы не раз изъявляли готовность просто купить Кубу, как были куплены земли Луизианы, Аляски, да и сам Манхэттен когда-то был приобретен за шестьдесят гуденов. Испанцы отвечали неизменным отказом, но каждый раз это решение выглядело все менее и менее бесповоротным. Еще лет пять-десять, и Испания продала бы свои колонии в Вест-Индии по бросовой цене, как продают убыточные предприятия. Ведь от Кубы и Пуэрто-Рико были сплошные убытки. Три четверти всей добытой железной руды и девять десятых всего сахара-сырца, произведенного на Кубе, уходили не в Испанию, а в Штаты. Почти все заводы уже принадлежали американцам. Испания немного зарабатывала на таможенных сборах - но и эти крохи оседали в карманах вороватых чиновников. Нет, у испанской империи не было никакого желания сохранять на своей шее это бремя колоний. Еще бы пару лет, и~

Но в Америке случились выборы, к власти пришли республиканцы, и внешняя политика Штатов получила новое направление. И проводниками новой политики стали линкоры и броненосцы с главным калибром двести три миллиметра, на дюйм больше, чем у главного калибра всего остального мира.

А тут и «Мэн» взорвался.

Главным виновником трагедии был назначен испанский флот. В то время он был сосредоточен в двух районах - на Филиппинах и в Вест-Индии. Филиппинскую эскадру американцы разгромили уже в мае. Крейсера коммодора Дьюи ночью ворвались в Манильскую бухту, сожгли десяток устаревших и практически безоружных испанских кораблей, а потом высадили десант. Поскольку Манила к этому времени уже была окружена повстанческими войсками, высадка прошла успешно. Испанцы сопротивлялись недолго, после непродолжительной вялотекущей осады Манила была взята - гарнизон предпочел впустить в город цивилизованных янки, а не дожидаться, пока ворвутся дикари-партизаны. Так Филиппины получили независимость от Испании и попали под протекторат США, а филиппинским революционерам, боровшимся против испанцев, пришлось начать новую войну, войну с гораздо более жестоким и сильным противником.

Кубинская эскадра испанцев под командованием адмирала Серверы была сосредоточена в бухте крепости Сантьяго-де-Куба. Сочетание крепостных стен и дальноточной артиллерии крейсеров делали этот город неприступной твердыней. Американцам пришлось бы долго осаждать Сантьяго, если бы им не помог сам губернатор Кубы, маршал Бланко.

Маршал Бланко панически боялся, что американцы бросятся на штурм Гаваны. Он зря боялся. Американцы не замыслили высаживаться у старинных, но вполне боеспособных укреплений кубинской столицы. У них элементарно не хватило бы бойцов для такой операции. Бравые янки, позировавшие перед фоторепортерами в первые дни войны, давно утратили боевой дух. Потеряв в боях под Сан-Хуаном полторы тысячи убитыми и ранеными, экспедиционный корпус нес ежедневные потери из-за малярии, а потом и тифа. В начале июля болезни выводили из строя по три десятка в день, а к середине месяца ежедневная убыль превысила сотню. Всего же за месяц боевых действий от малярии погибли больше пяти тысяч американцев - в десять раз больше, чем от ран, полученных в бою!

Нет, американцам сейчас было не до штурма. Но маршал Бланко этого не знал. Он приказал адмиралу Сервере вывести эскадру в открытое море и направить ее к Гаване, «дабы

препятствовать высадке десанта».

Приказ был отдан в самое неподходящее время. На подступах к Сантьяго в море стояла эскадра адмирала Сэмпсона, значительно превосходящая и по численности, и по боевым качествам испанскую группировку. Опытнейший флотоводец, Сервера понимал, что он обречен. Его четыре крейсера, тихоходных и слабо вооруженных, не могли долго противостоять в бою семи американским. Те были построены совсем недавно, имели мощную артиллерию и броню, им не было равных по маневренности и скорости. Даже по эсминцам и катерам американская эскадра значительно превосходила испанцев.

Несмотря на очевидную самоубийственность этого шага, утром третьего июля адмирал Сервера вывел эскадру из защищенной бухты. Жертвуя собой, он направил свой флагманский корабль, «Инфанту Марию Терезу», прямиком на ближайший крейсер противника, «Бруклин», вызывая на себя огонь всей американской артиллерии. Отчаянная атака должна была дать возможность остальным судам прорваться в открытое море и уйти в Гавану.

Но испанцам не повезло. «Бруклин» был единственным кораблем американской эскадры, который стоял под парами. Вместо того, чтобы, как все остальные, дожидаться противника на месте, он быстро набрал ход и устремился навстречу испанскому флагману. Корабли словно собирались таранить друг друга. Но внезапно «Бруклин» резко отвернул вправо и дал сильнейший продольный залп из всех орудий левого борта.

«Инфанта» получила катастрофические повреждения и отвернула к берегу. Скорострельные пушки американцев добивали крейсер. Охваченная огнем, «Мария Тереза» агонизировала на мелководье.

Такая же судьба была уготована и всем остальным кораблям эскадры. Тихоходные и лишенные брони, они стали легкой добычей американских крейсеров и миноносцев. Сражение, скорее похожее на избиение, длилось недолго. Спустя четыре часа все было кончено. Крейсера и миноносцы, все до единого, либо выбросились на берег, либо были потоплены. Море было усеяно обломками, среди которых барахтались испанские моряки. В кровавой пене мелькали плавники акул. Над водой разносились вопли тонущих.

Флот Испании прекратил свое существование. А вместе с ним исчезло и все испанское колониальное могущество.

На обломках великой империи неожиданно для всех взвился звездно-полосатый флаг. В элитном клубе стран-метрополий появился новый участник, молодой и наглый, сильный и напористый. Куба и Пуэрто-Рико, Филиппины и Гавайи - опираясь на такие базы, быстро растущий американский флот легко мог захватить контроль над важнейшими морскими путями. На рисунках, изображающих орла с американского герба, появилась гордая надпись: «Размах крыльев орла - 10 000 миль».

Под прикрытием главного калибра в двести три миллиметра можно вести очень эффективную внешнюю политику. Отныне морская пехота Северо-Американских Штатов будет свергать и назначать правителей Латинской Америки. Лучшие плодородные земли этих стран, их железные дороги и порты будут захвачены компаниями, в невиданных масштабах торгующими бананами и сахаром. Бананы истощают почву очень быстро - через несколько лет на месте плантаций остается бесплодная пустошь. Но как только голодающие крестьяне ограбленных стран попытаются возвысить голос в защиту собственной жизни - в дело вступит морская пехота Штатов под прикрытием главного калибра в двести три миллиметра.

Поражение Испании сыграет на руку не только американским дельцам.

Британские адмиралы выпили на радостях немало виски, узнав об уничтожении испанского флота и ликвидации его баз в Атлантике и Тихом океане. Теперь английским крейсерам не надо было опасаться германских линкоров, которые могли бы тайно базироваться в испанских колониях близ важнейших морских путей.

Пользуясь ослаблением Испании, англичане смогли расширить границы Гибралтара. Ликовали и британские купцы: теперь для них открылись рынки Вест-Индии, к которым их и

близко не подпускали испанские колониальные власти.

Надеялась извлечь выгоды из этой войны и Япония. Японские канонерки все чаще стали мелькать среди филиппинских островов. Маленькая, но стремительно крепнущая Империя восходящего солнца не без оснований рассчитывала на то, что американское владычество над тихоокеанскими островами продлится не слишком долго.

Впрочем, чтобы оценить и использовать все последствия летней кампании тысяча восемьсот девяносто восьмого года, потребуется много времени~

А пока американская эскадра стала готовиться к триумфальному возвращению в родные порты.

* * *

Бухта Кайо-Негро кипела зыбью. Беспорядочные волны вспыхивали белыми шапками пены, которая тут же уносилась ветром. Становясь на якоря, Шпаковский развернул «Орион» к выходу из бухты, несмотря на то, что в таком положении подставил борт под ветер. И оказался прав: всего лишь через пару часов ветер поменялся, и теперь корабль стоял к нему носом.

Ливень то усиливался, то вдруг прекращался, и тогда вместо потоков воды на палубу «Ориона» сыпались ветки и листья, содранные ветром с пальм. Всю ночь Орлов слышал, как они хлещут за стенами каюты. А утром удивился внезапной тишине и выглянул в иллюминатор.

Прямо перед ним высилась почти отвесная гранитная стена. Еще вчера она едва просматривалась за стеной дождя, а сейчас до нее, казалось, можно дотянуться рукой.

В каюту, гроыхая брезентовой курткой, вошел Кирилл.

- Почему берег так близко? Нас сорвало с якорей? - спросил его Орлов.

- Было дело. Хорошо, успели переставиться. Зацепились.

- Я ничего не слышал. Почему меня не подняли по авралу?

- Потому что не было никакого аврала. Вахта справилась. - Кирилл повесил куртку в угол и стянул мокрую рубашку. - Вот что я ценю в американцах, так это запасливость. Промок - всегда можешь в сухое переодеться. Хоть по сто раз на дню.

Он достал из рундука аккуратно сложенную матросскую робу.

- Ты, Паша, вставай. Там у нас соседи объявились, так что~

Кирилл не договорил. Его перебил Беренс, заглянувший в каюту:

- Снимаемся по тревоге. Павел Григорьевич, на мостик, к капитану.

На ходу застегиваясь, Орлов выскочил на палубу. Качки он уже почти не замечал. Так, пару раз схватился за леер. Перешагивая через две-три ступени разом, поднялся по трапу.

Шпаковский стоял на открытой пулеметной площадке, глядя в бинокль туда, где за серой полоской соседнего острова высились мачты и трубы какого-то парохода.

- Присмотритесь, Павел Григорьевич, - сказал он, передавая бинокль Орлову. - Как на ваш взгляд, серьезный противник?

Мощная оптика прежде всего выхватила из утренней мглы звездно-полосатый флаг. Затем показался блестящий пушечный ствол. Орлов насчитал четыре орудия по борту. Пушки стояли открыто, без брони. Возле одного из орудий копошились матросы в черных тужурках и белых шляпах. Другие, полуголые, медленно передвигались вдоль палубы, наклоняясь и распрямляясь. «Отмывают после шторма», - понял Орлов.

- По пушкам у них перевес, - сказал он. - Судя по размерам судна, там и команда должна быть раза в три больше, чем у нас. Но, мне кажется, корабль не военный. Иллюминаторы голые, в надстройках много окон, трапы тоже открыты, какой-то груз под брезентом, да и выкрашен больно ярко - черный борт, белые надстройки. Нет, это не военный корабль.

- Вы правы. Лайба¹⁵ из той же братии, что и наша. Американцы гордо называют их «вспомогательными крейсерами». Пушки установлены временно. Кончатся боевые действия, их снимут. Поставят на какой-нибудь броненосец, да~ - Шпаковский пригладил усы. - Но сейчас они еще не сняты. Так что не будем искушать судьбу.

Словно в продолжение его слов на «Орионе» взвыла лебедка и загремела якорная цепь.

- Я никогда не видел таких блестящих стволов, - сказал Орлов, отдавая бинокль Шпаковскому.

- Никелированные, по последней американской моде. Чтобы не тускнели от морской воды.

- Красиво.

- Просто прелесть, - улыбнулся Шпаковский.

Орлов спустился к кормовому орудью, у которого возился комендор Оконечников. Его руки и лицо уже были перемазаны грязным маслом.

- Ваше благородие, не поспособите? Резьбу прихватило, видать, заржавела. Я выколотку наведу, а вы кувалдочкой, тюк-тюк, полегоньку~ - Не дожидаясь ответа «их благородия», комендор приставил толстый медный стержень к выемке на затворе орудия. - Ну, полегоньку!

Орлов поднял кувалду за измазанную в масле рукоять и, примерившись, ударил.

- Полегоньку, мать твою! - вскрикнул Оконечников. - Все руки мне отсушишь! Давай еще!

Еще несколько ударов, и ручка затвора сдвинулась с места. Оконечников навалился на нее всем весом.

- Пособи! Чего смотришь!

Орлов тоже ухватился за конец рукоятки, плечом к плечу с комендором. Со страшным скрипом рукоятка подалась вниз, и затвор, наконец, открылся.

- Слава тебе, Господи! - Матрос вытер лоб, оставив на нем свежую масляную полосу. - Руки бы поотрывать той прислуге. Стрельнуть стрельнули, а чистить да смазывать некому! Вон какая ржа на резьбе!

- Сколько тебе времени надо, чтобы все наладить? - спросил Орлов.

- Да уж налажу! Вы бы, ваше благородие, приказали боеприпас поднести. Ящик-то пустой. А еще Беренса позовите, тут прицел дальномерный, я таких не видел, пусть глянет да и растолкует по-простому. Позовете? - Чумазый матрос улыбнулся, сверкнув белыми мелкими зубами: - Если вам что слышалось, не обессудьте. Уж больно разозлился я на чужих пушкарей. Коли и вам сгоряча выдал, вы уж простите великодушно~

- Сочтемся, братец, - кивнул Орлов.

Корабль, шумя набирающей обороты машиной, медленно отходил от скалы. Пройдя по палубе, Орлов обнаружил, что все свободные от вахты уже стояли на своих местах по боевому расчету, у пулеметов и орудий.

Он поговорил с каждым, распорядился о подноске боеприпасов и снова поднялся на мостик. Беренс стоял у штурманского стола, склонившись над развернутым рулоном морской карты.

- Виктор Гаврилович, вас там маэстро Оконечников видеть желают-с. Какой-то прицел диковинный обнаружили-с.

- Прицел? Прицел - дело хорошее~ - рассеянно ответил Беренс, водя циркулем по карте.

- Можете мне объяснить, по какому случаю тревога? - спросил Орлов негромко.

- Соседей видели? - Беренс отложил циркуль в пенал. - Стоят в двух милях от нас, за островком. В двух милях, да~ Мичман Донован исчез. Никто не заметил, когда. Видимо, недавно, как рассвело. Увидел соседей, решил к ним перебраться. Как раз на рассвете и

¹⁵ Лайба - финская лодка. В жаргоне военных моряков - любое гражданское судно, от лайнера до катера.

шторм утих. Ветер, впрочем, ему только в помощь. А пловец он хороший. Думаю, скоро мичман будет уже там. Возможно, он уже на борту. Пьет кофе с ромом и рассказывает про нас. Про жутких пиратов.

«Так и знал, - подумал Орлов. - Так и знал, что американцы выкинут нечто в этом роде».

- Митчелл хоть остался? - спросил он.

- Теперь от него мало проку.

- Полагаете, они станут нас преследовать?

- Если Донован смог доплыть. Но, повторяю, пловец он хороший. Да, конечно, станут преследовать. У нас имеется преимущество по времени. Но кто знает, есть ли у нас преимущество по скорости.

- Вот и выясним! - бодро отозвался Шпаковский, стоявший у тумбы машинного телеграфа. - Полный вперед!

* * *

Мичман Донован и в самом деле оказался отличным пловцом. Как видно, ему не составило труда справиться с волнами и ветром и добраться до парохода под американским флагом. Не прошло и получаса после того, как «Орион» покинул Кайо-Негро, как из-за скалы показалась сначала полоса дыма, а затем и сам пароход.

Погоня началась.

Орлов оставался у кормового орудия, пытаясь вместе с матросами наладить работу его механизмов. Долше всего пришлось возиться с замком. На взгляд Оконечникова, он запирался недостаточно плотно. Приходилось снова и снова зачищать резьбу, потом менять рассыпавшуюся асбестовую прокладку обтюлятора, а затем выяснилось, что заклинило винты горизонтальной наводки. Работая наравне с матросами, Орлов замечал, что каждый из них время от времени бросал взгляд за корму, туда, где на горизонте все отчетливее, все рельефнее вырисовывался дымный шлейф и черно-белая полоска под ним. Сам он старался не оборачиваться. Но и ему было ясно, что соревнование в скорости «Орион» безнадежно проигрывает.

Металлические листы палубы подрагивали под ногами, передавая напряжение машин. Вода с шипением разбегалась от бортов корабля, сбивалась в пенистый след за кормой. Но вот Орлову почудилось, что «Орион» сбавил ход. На левом борту заскрипели тали, и матросы засуетились возле одной из подвешенных шлюпок.

Он увидел там Беренса и подошел к нему.

- Что происходит?

- Избавляемся от балласта.

Из трюма поднялись на палубу стармех Митчелл и двое других пленных. Им помогли забраться в шлюпку. Снова заскрипели блоки, опуская лодку за борт. Митчелл упирался веслом в борт «Ориона», чтобы шлюпка не билась об него.

- Дай дифферент на корму! - крикнул он матросам.

Нос лодки слегка задрался. Едва она оказалась во впадине между волнами, как тросы провисли, и ее днище звонко шлепнуло о воду.

- Надеюсь, соотечественники вас заметят! - крикнул Беренс вдогонку быстро отдаляющейся шлюпке.

Митчелл в ответ погрозил кулаком, стоя в лодке так уверенно, словно она скользила по глади тихого пруда, а не раскачивалась на высокой волне.

- Их можно было использовать как заложников, - сказал Орлов, облокотясь о планширь и закуривая. - Хотите сигару? Последняя.

- Не откажусь, мой запас иссяк. - Беренс долго чиркал спичками, которые отказывались разгораться на ветру. - Заложники? Не в наших правилах. Пусть лучше они отнимут у

противника хотя бы полчаса. Пока их заметят, да пока смогут правильно подойти, да пока снимут с воды~

- Что нам эти полчаса? - Орлов пожал плечами. - По мне, чем скорее, тем лучше.

- Нам бы с судового хода подальше уйти. Чтобы не мешал никто.

- Но ведь тогда никто и не поможет.

Беренс внимательно оглядел тлеющий кончик сигары.

- Всегда поражался, как хитро сплетаются табачные листья. Кажется, простой рулон. А вот в разрезе - такие узоры невероятные. Говорите, никто не поможет? А когда это нам кто-нибудь помогал? Вот вам, лично вам, Павел Григорьевич, часто приходили на помощь?

- На войне или в жизни?

- Да хоть и на войне, где, казалось бы, «плечом к плечу», «душу за други своя» и так далее! Разве не было такого, что вы ввязывались в бой, рассчитывая на поддержку соседей, а те проволынили, замешкались, или приказа не получили, и смотрели со стороны, как ваша рота гибнет?

- Я ротой не командовал. Но~ - Орлов нехотя согласился: - Да, сплошь и рядом видел такое. Зато вспомните, как там, в нашей бухточке, у сожженного причала. Помните те две шлюпки с пулеметами? Если б вы тогда не помогли парой хороших выстрелов, все могло сложиться иначе.

- Я не помогал вам, стреляя по тем бедолагам-пулеметчикам. Я шкуру свою спасал, - с улыбкой ответил Беренс. - Просто в тот раз у нас была общая шкура. Общая задача, если такое выражение вам больше нравится. Но почему кто-то чужой должен нам помогать? Мы не вправе на это рассчитывать. Забудьте о соседях и друзьях, когда выходите в море. Рассчитывайте только на себя. Никто вас не спасет, если сами не спасетесь.

Он поглядел из-под ладони за корму. Белая шлюпка была едва заметна, порой мелькая между зелеными валами волн. А дальше, на горизонте, лихо сбрасывая вбок хлопья дыма, рассекал волну черный пароход с блестящими на солнце орудиями.

«Никто нас не спасет, - мысленно повторил Орлов. - Осталось выбрать, что лучше - утонуть или быть повешенным».

Ни на войне, ни в рейнджерские годы он не испытывал такой обреченности. Болтаться посреди моря на углой посудине и ждать, пока тебя потопят, расстреляв из дальнобойных пушек? - вот же бесславная кончина! Сколько раз судьба давала ему возможность погибнуть красиво и с пользой для дела. Так нет же, уцелел. Для того чтобы пойти на корм акулам Карибского моря?

Он понимал, что от погони не уйти. Он не верил в артиллерийские таланты Оконечникова. И не мог ничего предпринять. Все его воинские навыки оказались бесполезны. Море - это тебе не балканские горы и даже не солончаки Техаса. Здесь негде устроить засаду. Не окопаться, чтобы встретить противника. Не убежать, не отбиться. Что остается? Помыться, надеть чистое исподнее, помолиться да занять свое место по боевому расчету.

27

Первые несколько снарядов падали, вздымая фонтаны брызг, далеко позади «Ориона».

- Недолет пять кабельтовых, - заявил Оконечников и презрительно сплюнул за борт. - Ну и пушкари. С печалью я гляжу на нынешнее племя.

- Пристреляются еще, вот погоди, - угрюмо ответил ему один из матросов.

- Пристреляться и мы можем. - Оконечников повернулся к Орлову: - Прикажете открыть огонь?

- Давай на пробу, болванкой.

Орудие было наведено, что называется, «на глазок». И возвышение, и объем заряда были подобраны по наитию. Оконечников перекрестился и потянул за спусковую петлю. От грохота все аж присели, невольно схватившись за уши. Едкий газ заставил глаза слезиться,

но Орлову показалось, что он все же разглядел всплеск снаряда, упавшего много правее цели, и тоже с большим недолетом.

- Поднимем траекторию, ваше благородие?

- А смысл? Дистанция сама собой сокращается. Возьми левее да заряжай фугас.

Сквозь рокот машины и шум моря набежал пронзительный свист, и новый фонтан вырос уже гораздо ближе к «Ориону».

- Как они шустро заряжают-то, - проворчал Оконечников, завинчивая в снаряд трубку взрывателя.

Он едва успел захлопнуть замок, как еще один взрыв взметнул воду к небесам, да так близко, что брызги долетели до палубы.

- Кажись, пристрелялись, - сказал кто-то из матросов. - А ты печалился.

Ответный выстрел пришелся левее цели, но на этот раз и фонтан был помощнее, и вскинулся он поближе к пароходу.

Ободренный относительным успехом, Орлов скомандовал:

- Вот так и бейте, братцы! Сейчас они сами под наши фугасы~

Свист снаряда и взрыв оборвали его слова. Горячий воздух хлестнул по лицу, и тут же потоки воды обрушились на корму.

«Вот почему у них сначала стреляла только одна пушка, - подумал Орлов. - Пристрелялась, передала данные остальным. Теперь нам придется туго. Неужели Шпаковский не понимает, что надо изменить курс? Да, но тогда и наш прицел сообразится~»

Новый взрыв прогремел у него за спиной. Перелет. Палубу затянуло черным дымом.

Оконечников кричал, подгоняя матросов, подающих снаряды. Пушка грохотала, но ее выстрелы, как казалось Орлову, звучали и тише, и безобиднее, чем взрывы вражеских снарядов. Он перестал следить за попаданиями, потому что уже не мог ничего разглядеть за дымом.

- Все! - прокричал Оконечников. - Конец припасу! Остались только снаряды для малых пушек! Отстрелялись, братцы!

Орлов устал так, словно не орудие, а он сам швырял в противника тяжеленными снарядами. Не обращая внимания на разрывы, он прошел между снующими матросами и поднялся на мостик.

- Вести огонь больше нет возможности, - доложил он, почти не слыша себя. - Не имею снарядов.

- Уводите своих в укрытие, - приказал Шпаковский. - Нечего им под осколками бегать. Еще будет работа для вас, отдыхайте пока.

Его голос доносился словно сквозь толстый войлок, и Орлов не сразу разобрал ответ командира. Когда же разобрал, то не поверил ушам. Отдыхать?

Это слово прозвучало настолько неуместно, что Орлов возмутился. Однако вспышка эмоций пошла на пользу - она встряхнула его. Он будто выбрался на свет из темного погребка. Ему стали слышны крики на палубе, и он только сейчас заметил, что «Орион» обжат дымом.

- У нас пожар?

- Бьют, каналы, разрывными снарядами, от осколков загорелись такелажные ящики на баке, - спокойно ответил Шпаковский и похлопал по плечу рулевого: - Лево руля, братец. Круче, круче, до упора.

- Разрешите отправить комендоров на тушение пожара? - спросил Орлов.

- Разве это пожар? Задымление изрядное, но оно нам, пожалуй, на руку. Отдыхайте, Павел Григорьевич, и лишних людей уберите в машинное, там сейчас самое безопасное место. Сами же будьте готовы к стрельбе из бортовых пушек и пулеметов. - Шпаковский перекрестился по-католически, ладонью. - Боюсь сглазить, но лайба наша демонстрирует чудеса управляемости. Такой циркуляции¹⁶ я не наблюдал даже у миноносцев!

¹⁶ Циркуляция - кривая, по которой движется корабль при отклонении руля.

«Орион», заметно кренясь, на полном ходу забирал все дальше влево. Разрывы остались по правому борту. Они появлялись с удивительной частотой, порой вздымая сплошную стену из пены, воды и черного дыма. Осколки проносились в воздухе, барабанили по высокому фальшборту, но не пробивали его.

Орлов в два прыжка спустился по трапу и столкнулся с Кириллом. Тот вытер закопченное лицо шляпой и улыбнулся:

- Вот обложили нас!

- Тебе весело?

- А тебе нет? Держись, Паша, будет еще веселей! Разворачиваемся, видишь? Давно бы так!

- Встречный бой? Снарядов нет, чем драться будем?

- Да что под руку попадется, тем и будем! - Кирилл толкнул его в грудь. - Готовь свои пулеметы, проверим их в деле!

«Какие, к черту, пулеметы на таких дистанциях? - подумал Орлов. - Сейчас возьмут в вилку да накроют фугасами. Тут не о пулеметах думать надо, а шлюпки готовить».

«Орион» тем временем описал полукруг и теперь шел навстречу противнику. Густой дым от горящих канатов относил ветром вперед, и корабль двигался словно в тумане.

«Вот и попробуй тут стрелять, - продолжал мысленно ворчать Орлов, обходя пулеметчиков, уже заправивших ленты. - Куда стрелять, если не видно ни зги?»

Сам он занял позицию за «максимом», стоящим перед мостиком, - отсюда, сверху, будет легче управлять огнем бортовых пулеметов. Его все не отпускало то мучительное ощущение постыдного бессилия, которое охватывает каждого мужчину после промаха - неважно, из какого оружия, из дробовика по уткам или из пушки по крейсеру. Ну да, он не артиллерист. Ну да, снарядов не хватило - вполне возможно, следующий выстрел как раз пришелся бы в цель. Да, у него тысяча оправданий. Но к чему они, если задача не выполнена?

У него раскалывалась голова от невыносимой боли. То ли старая контузия напомнила о себе, то ли ударился где-то в горячке боя. Орлов заметил вдруг, что грохот вражеских орудий становится все резче, а разрывов снарядов уже не слышно. Что за избирательная глухота? Или они уже настолько сблизилась, что~

Внезапно дым впереди унесся в сторону, словно отдернутая занавесь. И стал ясно виден черный пароход с белыми, чистенькими надстройками.

Орлов прикинул дистанцию по размерам человеческих фигурок возле орудий. Сердце его заколотилось, как только он понял, что может достать врага выстрелом.

Склонившись к пулемету, поймал в прорезь прицела сверкающее орудие. И скомандовал:

- По прислуге! Длинными! Огонь!

Рядом с «Орионом» взорвался фугас, и осколки просвистели у него над головой. Но он уже давил большим пальцем на спусковой рычаг, плотно сжимая трясущиеся рукоятки. И считал: «Раз, и два, и стоп! Возьмем пониже. Раз, и два, и ~»

Ему не было видно, попадает он или пули уходят мимо. Но фигурки возле орудия исчезли. И пушка больше не стреляла.

А пароход становился все ближе, и все лучше было видно, как мечутся матросы в черных тужурках. Вот стало видно второе орудие по борту, вот и третье показалось. Пароход медленно отворачивал в сторону, подставляя под огонь пулеметов свой борт, и сверкающие пушки так же медленно разворачивались на своих лафетах, ловя черным зрачком дула приближающийся «Орион».

«Сейчас как даст со всех пушек залпом, - равнодушно подумал Орлов. - И все кончится».

Но пока кончилась только лента. Офицер, бывший у него вторым номером, аккуратно

вставил новую и доложил:

- Готово, Павел Григорьевич!

Он стал бить, водя стволом влево-вправо, словно хотел вымести чужую палубу раскаленным свинцовым веником. И ведь получалось! Он видел, как белые стены надстроек покрываются оспинами пробоин. Черные тужурки сгрудились возле самого дальнего орудия, на корме, и он навел ствол на них. Но раньше, чем его пулемет, рывкнула бортовая пушка «Ориона», и возле вражеского орудия взметнулась клякса огня и дыма.

- Да мы что же, на таран идем? - воскликнул его помощник.

Орлов опустил взгляд и увидел, что на носу «Ориона», в дыму от тлеющих канатов, присели, прячась под фальшбортом, Жигарев с Кириллом, а с ними еще с десятков человек, и кое у кого в руках виднелась бухта тонкого троса.

- Не на таран. На абордаж! - заорал он восторженно и снова принялся поливать свинцом вражеский пароход.

Наверно, впервые в жизни он стрелял, не видя в прицеле противника. Ни возле орудий, ни на палубе никого не было видно. Но Орлов продолжал сжигать десятки патронов просто для того, чтобы враг не мог поднять голову, прячась где-то там, за фальшбортом.

Корабли сблизились. Орлов увидел, что Кирилл машет ему рукой. Он отпустил пулемет и скомандовал:

- Не стрелять!

В ту же секунду взлетели, разматываясь, тросы с крюками. Со скрежетом сошлись борта кораблей. Орлов увидел, как Жигарев первым спрыгнул с высокого носа «Ориона» на чужую палубу.

Он едва не рванулся следом. Но заставил себя снова взяться за рукоятки «максима». «Сами справятся, - подумал Орлов. - А мое дело - прикрыть огнем». По большим окнам определил капитанскую рубку, хотел обстрелять ее, но разглядел, что в окнах нет стекол, а изнутри сочится дым. Наверно, Оконечников своей пушкой снова его опередил. Он все же выпустил пару очередей. «Хватит, наши уже могли туда ворваться!» - решил он и навел дымящийся ствол на корму захваченного парохода, где почудилось какое-то движение. Там что-то горело, и черный дым завивался кольцами над языками пламени.

Опасаясь, что рикошеты повредят абордажной команде, он стал бить поверх цели. Когда пулемет замолчал, пропустив сквозь себя очередную ленту, Орлов сердито крикнул помощнику:

- Давай новую! Живее!

Не получив ответа, он скосил глаз - и увидел, что помощник, весь в крови, скорчился на полу.

Где патроны? Ящик пуст! Под ногами густым слоем лежали гильзы. И ни одной патронной ленты! Он в отчаянии кинулся к трапу, но, слетев на палубу, вдруг понял, что не слышно стрельбы. Никто не стрелял ни на «Орионе», ни на чужом пароходе.

Мимо него пронесся Оконечников, размахивая железным прутом. Вот он перемахнул через борт и скрылся в дыму.

- Полундра! - донесся чей-то крик. - Руби их, братцы!

Орлов увидел под ногами багор, схватил его, рванулся следом за матросом и соскочил на чужой пароход.

Ноги скользили по деревянной палубе, залитой кровью. Кто-то лежал под бортом, кто-то сжался за станиной орудия. В дыму не разглядеть - свои или чужие. Орлов бежал на шум драки. Вот и враги - сразу несколько черных тужурок, а за ними едва виден голубой китель, и багор вдруг переломился от удара, но это и к лучшему! Действуя обломком как дубиной, Орлов рвался туда, где Жигарев, прижавшись к стенке, отбивался голыми руками.

Он вспомнил о ноже за сапогом, но почему-то не стал его доставать. Наверно, потому, что все вокруг него бились на кулаках. Он и обломок багра отбросил - сразу стало легче и сподручнее лупить сплеча. Ему тоже хорошо приложили, кровь застилала глаза и кипела в носу, и вдруг палуба ушла из-под ног, и они, всей толпой, повалились, смешались в кучу, и

оглушительный рев паровозного сигнала словно придавил всех к палубе~

Как только гудок замолчал, над головами защелкали выстрелы. Все замерли, боясь шевельнуться.

- Лежать! Не двигаться! Кто дернется - покойник! - услышал Орлов сразу несколько голосов.

Кричали по-английски. Но голоса были свои, знакомые. Он приподнял голову, оттолкнув от себя того, кому только что хотел свернуть шею.

Кирилл и Беренс стояли над ними с револьверами в руках - у каждого по два.

- Павел Григорьевич, вы-то как тут оказались? Мыслимое ли дело~ - укоризненно произнес Беренс и вдруг заорал свирепо: - Даун! Лэй даун!

Кирилл выстрелил в воздух и заговорил по-английски:

- Джентльмены! Весьма сожалею, что необдуманные действия вашего капитана привели к таким печальным последствиям. Мы не пираты, мы не убийцы. Мы честные моряки. Такие же, как и вы. Война закончилась, и всем нам пора вернуться домой, не так ли? Нам незачем больше проливать кровь, защищая чужое барахло. Вы дрались честно и показали себя с наилучшей стороны. Обещаю, что мы не причиним вам никакого вреда. Раненым будет оказана помощь. Ваше судно продолжит рейс после того, как будут улажены небольшие формальности.

- А теперь, - вступил Беренс, - прошу экипаж приступить к тушению пожара. Иначе сгорим тут ко всем чертям~

28

Виктор Гаврилович Беренс был не слишком высокого мнения об американских моряках. На его взгляд, они преувеличивали значение комфорта в быту и разнообразия в пище, а также проявляли излишнюю осторожность, оценивая состояние погоды. Скажем, волнение в пять-шесть баллов многие из его американских знакомых считали опасным для любого класса кораблей.

А сведения, полученные им об артиллерийской подготовке на флоте, заставили Беренса серьезно сомневаться в успехе американцев при столкновении с испанской армадой. Видимо, положение дел у испанцев было еще хуже, чем об этом писали газеты. И вполне возможно, что американские комендоры смогли освоить новое вооружение уже в ходе боев. Если их первые, весенние, обстрелы кубинских портов не нанесли никакого вреда противнику, то к июлю накопленный опыт мог и сыграть решающую роль.

Но комендоры «вспомогательных крейсеров» не участвовали в боях и бомбардировках побережья. Они старательно начищали свои пушки, а вот стрелять из них~ Зачем? Чтобы снова появилась эта ужасная копоть? Неудивительно, что, даже пристрелявшись, они просто не могли сменить прицел, едва мишень стала вести себя не так, как во время учебных стрельб.

Наверно, если бы «Ориону» попался на пути боевой крейсер или даже хотя бы миноносец, все могло сложиться иначе. Но удача не отвернулась от Беренса, и его сумасбродный план не рухнул в столь волнующей близости от завершения. То, что начиналось, как погоня, закончилось лобовой атакой. И те, кто считал себя охотниками, сами превратились в дичь. Впрочем, в довольно послушную и смиренную дичь.

К помпам «Ориона» были пристыкованы длинные пожарные рукава, обнаруженные на «Мичигане» (так называлось захваченное судно), и с их помощью удалось погасить пламя, уже всю бушевавшее на корме.

Убитых сложили на баке, укрыв брезентом. Раненых перевязывали в матросской столовой, где были чистые полотенца и горячая вода.

Затем матросам «Мичигана» было приказано спуститься в кубрики, а офицеры были заперты в кают-компаниях.

Только теперь Виктор Гаврилович смог облегченно вздохнуть. Ему все время казалось,

что американцы вот-вот сообразят, что их раза в три-четыре больше. Они могли бы запросто вышвырнуть за борт своих победителей. Но, видимо, бунтарские мысли испарялись, стоило взглянуть на молчаливых бородачей, стоящих у пушек и пулеметов «Ориона».

Корабли лежали в дрейфе. Море постепенно затихало, волны становились все ниже и тише. Машины молчали, и только паровые клапана время от времени пронзительно вздыхали то на одном судне, то на другом.

На корме «Ориона» отец Серафим читал заупокойную молитву над телами погибших. Их было шестеро. Четверых убило осколками фугасов и во время штурма, а двоих вынесли из трюма - они были ранены еще на Кубе, и никакие зелья Петровича не смогли их спасти.

Шпаковский собрал совещание на мостике.

- Я принял решение, - сказал он тоном, не допускающим возражений. - Никаких шлюпочных прогулок не будет. Корабль показал себя способным к длительному переходу. Запасы воды и топлива пополним сейчас, раз уж Бог послал нам такую возможность. На «Мичигане» полные бункера угля. Уголь, правда, в брикетах, качество его оставляет желать лучшего. Однако, с другой стороны, брикеты удобнее для погрузки. Приказываю немедленно приступить к бункеровке. В две смены. Я лично встану в цепочку, господа, и не вздумайте возражать. Виктор Гаврилович, ваши соображения по маршруту следования?

Беренс оглядел собравшихся. Ни одного недовольного лица. Жигарев счастливо улыбался разбитыми набухшими губами. И только Кирилл с Орловым переглянулись озабоченно.

«Вот и свершилось, - подумал Виктор Гаврилович. - А ведь я знал, что все будет именно так. Не знал лишь, сколько будет потрачено времени. И не мог знать цены, какую придется заплатить за то, чтобы все свершилось. Но я знал, что сам буду прокладывать курс».

Он никогда не верил в вещие сны. Не верил ни в предчувствия, ни в предсказания. Высмеивал увлекавшихся спиритическими сеансами. Судьба, предопределение, рок - все эти слова ничего не значили для Беренса. Но сейчас он явственно вспомнил, какая мысль обожгла его тогда, в далеком январе, во время разговора с консулом.

Эвакуировать людей со строительства морской станции предполагалось с помощью русского клипера, который, *возможно*, зайдет в Мексиканский залив и, *возможно*, сделает остановку в Гаване. Так сказал консул. И добавил, что в крайнем случае людей можно было бы переправить в Новый Орлеан, где их, *возможно*, удастся пристроить с помощью русской морской миссии на какое-то время, пока не будут изысканы пути дальнейшего их перемещения. А завершая разговор, консул сказал, что Беренсу предоставляется полная свобода действий. Лишь бы задача была выполнена при соблюдении строжайшей тайны.

И вот тогда Виктор Гаврилович подумал, что при полной свободе действий он просто нанял бы контрабандистов, не говоря им, куда придется идти. А когда все люди уже были бы на борту, сам бы проложил курс в обход оживленных морских путей. И привел бы судно к российскому берегу. А с контрабандистами потом как-нибудь бы разобрались. Ну, заплатили бы им побольше. Во сколько мог бы обойтись такой фрахт? Неужто в Морском штабе не нашлось бы такой суммы?

И вот все свершилось. И без контрабандистов обошелся. Правда, пришлось стать пиратом~

- Флоридским проливом нам не пройти, - сказал Виктор Гаврилович. - Не думаю, что сейчас там ослабло патрулирование. Скорее можно ожидать, наоборот, появления там большего количества разного рода блокирующих кораблей. Спускаться на юг, в обход Ямайки, к Малым Антильским островам? Такой маршрут выглядит предпочтительнее. Выйдя в Атлантику, мы станем недостижимы для преследования. Однако ни в Средиземное море, ни в Балтику дороги для нас нет. Остается одно - в обход Гебрид и Скандинавии, в милый нашему сердцу Архангельск.

- Маршрут - просто прелесть, - сказал Шпаковский. - Как видно, нам придется в пути пополнять свои запасы.

- Первый и единственный заход - Кюрасао, - продолжал Беренс. - На угольной станции там не придираются к документам, хоть и дерут безбожно, да еще недовесят пару тонн, это неизбежно.

- Помню, помню. - Шпаковский молодцевато пригладил усы. - Думаю, кроме угля и воды следует взять с «Мичигана» еще и судовую кассу. С капитанским сейфом. Не вижу в том ничего предосудительного. В конце концов, не мы на них, а они на нас напали. Кстати, Павел Григорьевич, как поступим с их вооружением?

- Пушечные замки - за борт, - ответил Орлов. - Впрочем, один можно взять с собой. По прибытии передайте его в артиллерийское управление, пусть ознакомятся. Снаряды же подходят к главному калибру «Ориона». Есть смысл пополнить боезапас. На всякий случай.

- Вряд ли у нас еще будет такой случай, - сказал Беренс. - Постараемся обойтись без конфликтов. Запас угля у нас будет изрядный, к тому же мы можем большую часть пути пройти под парусами. Не со скоростью клипера, естественно. Но все же экономия. Вода и продукты - отдельный разговор. На «Орионе» имеется опреснитель. Похоже, им давно не пользовались, но наши мастера, я уверен, смогут его наладить.

- В море не оголодаешь, - весело заметил Жигарев. - Помнится, когда сюда шли, рыба сама на палубу залетала. Эх, не пропадем! Давайте, господа, приступим к бункеровке, руки чешутся!

Шпаковский стал засучивать рукава.

- Приступим, господа. Путь предстоит неблизкий, уголек для нас дороже золота. - Он вдруг осекся. - Да, путь-то неблизкий. Но в таком случае~ Гм~ Павел Григорьевич, Кирилл Андреевич! Вы все слышали. У нас, как видите, нет выбора. Но вы~ Вы теперь часть экипажа. И больше того, без вашей помощи ничего бы не получилось. Ваш вклад~ Я не силен в таких речах, но вы и сами все понимаете. Со своей стороны, как командир корабля~ И как начальник работ~ Как офицер, в конце концов, могу заявить одно. Придем в Россию, вас примут как героев. И окажут вам любую помощь, любые будут приняты меры для вашего возвращения, коли вы того пожелаете. Но~ Что вы думаете?

- Нам надо посоветоваться, - сказал Кирилл.

* * *

Лука Петрович сосредоточенно проворачивал каменный пестик в деревянной ступке, то и дело подбрасывая в нее щепотку бурых хлопьев. Илья лежал в гамаке и, казалось, спал. На бледном лице с заострившимся носом проступили мелкие веснушки. Ванька Акимов, расстелив на коленях тряпицу, чистил револьвер.

Все трое молча выслушали Кирилла. И ни один не торопился с ответом.

- Ты сам-то как, Паша? - не открывая глаз, наконец, произнес Остерман.

- Я-то? - Орлов пожал плечами. - Не знаю пока. Может быть, сойду в Кюрасао. Там большой порт, много кораблей. Дождусь, кто в Штаты пойдет. Наймусь матросом. Дело, можно сказать, знакомое.

- Бывал там?

- Нет.

- Я так и понял. - Илья потер глаза кулаком и попытался приподняться. - Вань, помоги.

Акимов отложил разобранный револьвер и, бережно обняв Илью за плечи, помог сесть в гамаке, спустив ноги.

- Я так и понял, - повторил Остерман, - что ты ничего не понял насчет Кюрасао. Порт - это порт, угольные причалы - это угольные причалы. Они на разных концах острова, это раз. Два - кто тебя возьмет? Только такие же отпетые, как ты. А им доверять нельзя. Скажут, что идут в Тампу, а сами махнут в Дакар. И куда ты денешься?

- Дакар? Все ближе Архангельска.

- А чем плох Архангельск? - с улыбкой спросил Илья. - Лично я там не был. Даже

интересно посмотреть.

- Сейчас не до шуток, - сказал Кирилл. - Время тратить не будем. Спускаем вельбот, пойдем на нем. Под парусом. В штиль - на веслах. Хотя штиля-то как раз не предвидится. Штормовой сезон. Ну да ладно, нам не привыкать. До Юкатана тут совсем ничего осталось. А там пойдем вдоль берега. Укроемся, если прижмет. Верно, Петрович?

Старый боцман отложил пестик, понюхал то, что скрывалось в ступке, и поморщился:

- Ох и зелье, ох и отрава. И как только они его пьют? - Он подсыпал желтого порошка из кисета и снова принялся толочь смесь. - Я тебе, Кирила Андреич, так скажу. У меня тут четверо лежачих. Им еще неделю лежать, а кому и больше. Сегодня я им одну травку даю. Завтра другую дам. А перевязки менять - кто им будет? А гной если пойдет - кто прижжет, чтоб дальше не гнило? Кто?

- Ты это в том смысле, что кроме тебя некому? - спросил Кирилл. - Как же они без тебя обходились столько лет, не понимаю! Петрович, не крути. Скажи прямо: не веришь, что можем на лодке дойти?

- Да люди и на доске море переходили. - Лука Петрович отставил ступку и стал рыться в холщовой сумке, висевшей на переборке. - Куда ж я веточки свои подевал-то? Неужто оставил где?

- Илья, а ты чего молчишь? Ты что, согласен с ним?

- Не согласен, - сказал Остерман. - Я не лежачий, а сидячий. Ну, положим, еще не ходячий, скрывать не стану. Зато ползучий. Но не лежачий, это точно.

Орлов решил, что пора и ему сказать свое слово.

- Вельбот большой. Запасов много войдет. А на Юкатане еще и пополним. Я там знаю несколько поселков на восточном берегу.

- Да и мы тот берег знаем, - сказал Кирилл нетерпеливо. - Дело-то не в запасах, разве не видишь? Они уже в Архангельск нацелились! Верно я понимаю?

- А что такого? - удивился Остерман. - Нет, я решительно не понимаю, что такого? Почему бы и нет? Тем более, нам обещают геройские почести. И обратный билет первого класса. Разумеется, на рейс Одесса - Нью-Йорк. Потому что из Архангельска пароходы в Америку не ходят.

- Ходят, - не оборачиваясь, буркнул Лука Петрович. - Еще как ходят.

- Ну нет, я не согласен! Только через Одессу! Кира, ты только представь, как мы с тобой придем на Большой Фонтан! Никто нас не ждет, никто не узнает, мы с тобой ходим, как два иностранца, курум сигары, слушаем разговоры и делаем вид, что ни словечка не понимаем! А какие-нибудь босяки непременно задумают почистить наши карманы от лишнего груза, это уж обязательно! А мы им по ушам~ - Его голос прервался нервным смехом. - Черт, надо же! Я и сам чуть не поверил, что такое может быть.

- Значит, ты с нами? - спросил Кирилл, вставая. - Идем, Паша, вельбот готовить. Бань, ты как?

Акимов помотал головой.

- Я с Лукой Петровичем. Как он, так и я.

- Минуточку! - сказал Остерман. - Кира, ты не понял. Я остаюсь.

Кирилл снова опустил на рундук.

- Ты же сказал~

- Да, я сказал, что такого не может быть. Потому что Одесса уже не та. И мы уже не те. Но она на старом месте, Кира. Никуда не делась. Это мы куда-то делись, понимаешь? И если можно вернуться на старое место, то почему нет?

- Мое место - дома, - сказал Кирилл. - Поздно что-либо менять. Мой дом в Галвестоне. Да, это не Одесса. Но я должен вернуться домой.

- Если бы я умел молиться, то всех богов просил бы, чтоб помогли тебе добраться, - сказал Илья. - Но я просто буду пить эту мерзость, что варит Петрович. Буду ее пить, как самый лучший ром, и поднимать тост за тебя. И за тебя, Паша. Чтобы у вас - ну, ни малейшего шторма! Чтобы только попутный ветер. Чтобы рыбы сами прыгали в вашу лодку,

уже жареными. И чтобы вы сошли на берег живыми и здоровыми. Буду пить, потому что тост - то же самое, что молитва.

Наверху загремели, раздвигаясь, створки угольного бункера. Послышались голоса матросов: «Давай кидай, лови давай~»

- Грузятся, - сказал Кирилл. - Нам тоже пора грузиться. Пока еще погода держится, надо идти. Паша, ты точно решил? Может быть, тоже с ними? Обратный билет первого класса и все такое?

- Нет. Я домой спешу, - сказал Орлов.

* * *

Пока наполнили балластные бочонки морской водой, да пока поднимали и ставили мачту, да расправляли парус, да попутно распахивали груз, чтоб не мешался, - время пролетело в хлопотах, и, обернувшись, Орлов поразился тому, как далеко их отнесло от кораблей. Отсюда они казались такой ладной и мирной парочкой - один черный, другой белый, один пошире, другой поуже~

- А знаешь, - сказал Кирилл, пропуская фал паруса через блок, - я себя виноватым чувствую. Вроде все пашут, а мы их оставили. Они там все черные от угля, а мы тут~ Брикеты, это же страшное дело. Хуже не придумаешь. Лепят их из крошки угольной и какой-то смолы, потом руки волдырями пойдут. Вот и еще Петровичу работа~

- Долго будет идти бункеровка?

- Как получится. Пока под крышку не забьют все трюма. Ты же сам слышал, путь неблизкий. Ладно! - Кирилл поплевал на ладони и потянул фал, поднимая парус. - Они там сейчас, наверно, тоже о нас говорят, что это мы на месте болтаемся. Не болтаемся. Сейчас пойдем!

Парус захлопал, наполняясь ветром, и вода зашумела под выпуклым бортом вельбота.

Орлов уже знал, из прощальных слов Беренса, что в этих местах сильное течение. Оно и без помощи попутного ветра принесет их вельбот к берегам Юкатана, а там повернет к северу, в залив, теряя силу, и окончательно ослабнет только близ дельты Миссисипи. Беренс говорил что-то еще о том, как важно не отклониться к востоку на этом течении, потому что восточнее его проходит Гольфстрим, и тогда вельбот вынесет к Флориде - но это уже было не так важно. Орлов думал только о том, что ему предстоит снова увидеть тот самый берег, с которого он начал свой путь на Кубу. Тот самый берег, куда уже прибились десятки лодок с беженцами, кто удачно, кто не очень. И тот самый берег, где, наверно, до сих пор бродит вдоль прибоя полковник Гонсалес. Нет, не Гонсалес~ Как же его звали, того свирепого мексиканского полковника?

- У тебя есть друзья в Мексике? - спросил Кирилл. - Мало ли что. В случае чего, есть к кому обратиться? Ты же, вроде, там работал?

- Друзья? Нет. Пожалуй, нет.

- Ну, не друзья, знакомые? Есть?

- Знакомые есть. Но к ним лучше не обращаться.

- Эх, жалко, Илюху я не уговорил, - усмехнулся Кирилл. - Этот везде найдет друзей. Я тебе точно говорю. Если б он был с нами, только сошли бы на берег, он бы сразу на телеграф, телеграммы во все концы света, через час нас бы уже на руках несли в самый лучший отель.

- Какой отель? Какой телеграф? - Орлов обвел взглядом зеленую бескрайнюю гладь моря. - До суши бы добраться!

- Будет тебе суша. Подумаешь, двести-триста миль. - Кирилл закрепил фал, обмотав его вокруг какого-то крючка на борту. - Ты петь умеешь?

- Что? - изумился Орлов.

- Ну, петь? Поешь? Песни знаешь? Нам с тобой долго бултыхаться. А примерно так

часа через два начнется тоска. На пустую-то воду смотреть. Так что или пой, или рассказывай, иначе худо нам придется.

- Да, жаль, что тебе не удалось Илью уговорить, - сказал Орлов. - С ним не затоскуешь. А я? Я человек скучный.

- Вот увидишь, ближе к зиме будет телеграмма от него, - пообещал Кирилл. - Мол, так и так, доехали благополучно, скоро вернусь, встречай.

- Ближе к зиме?

- Ну да. Путь-то неблизкий. Ну что, Павел Григорьевич, петь будем?

- Не надо песен. Давай лучше рассказывать, - сказал Орлов. - Только, чур, ты первый.

- А что? Со всем моим удовольствием. - Кирилл перебрался на заднюю банку и взялся за румпель, поглядывая на шлюпочный компас. - Ты пока брезент впереди натяни, чтоб не заливало. А я расскажу, как мы с Илюхой на пароход эмигрантский садились. История, я тебе скажу, не для печати~

Орлов, нырнув под парусом, пробрался на нос вельбота и принялся закреплять брезентовый тент. Под ним они будут прятаться от дождя. На пробковом матрасе будут спать - по очереди. А фонарь на носу будут зажигать, как только стемнеет. В самом надежном месте, в носовом рундуке, хранились вахтенный журнал шхуны «Паллада», российский флаг, матросские книжки и револьверы. Все это еще может понадобится им на берегу. Добраться бы только до берега.

Вместо эпилога. Биографические справки

Беренс Виктор Гаврилович. Капитан третьего ранга. Офицер Гидрографического управления. Во время русско-японской войны находился в составе экипажа броненосца «Александр III». Погиб при Цусиме.

Остерман Илья Иосифович, он же Вильям Истмен, он же Виля-Одессит. Член боевой организации социалистов-революционеров с 1901 года. По делу об ограблении Пермского горнорудного банка в 1907 году приговорен к смертной казни (заочно). Вполне вероятно, что И. Остерман, американский гангстер Билл Истмен и Билл-Пулемет из окружения мексиканского революционера Панчо Вильи - одно и то же лицо.

Лука Петрович Волков похоронен на кладбище деревни Лопшеньга Архангельской губернии, рядом с могилами всех своих предков.

Кирилл Белов, он же капитан Крис Смит, накануне урагана, уничтожившего город Галвестон, вышел на своей шхуне в открытое море. В порт приписки не вернулся.

Павел Григорьевич Орлов не оставил о себе никаких свидетельств, кроме нескольких рапортов в архивах Генерального Штаба. Имя нефтяного агента Джеймса Брукса упоминается в связи с событиями мексиканской революции, в одном ряду с Билли-Пулеметом и Панчо Вильей.

А пароход «Орион» («Сильва») до 1918 года стоял на приколе в Двинской губе. Английский оккупационный корпус при отступлении попытался увести его с собой, но судно село на мель близ острова Мудьюг. Его ржавые останки были видны еще в сороковых годах XX века.

Ныне они занесены песком.

Примечания